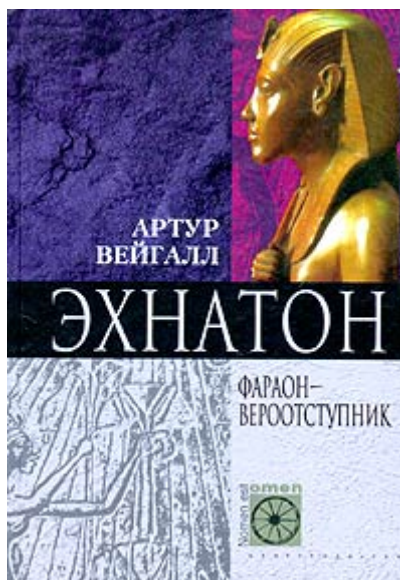

Артур Вейгалл

Эхнатон. Фараон-вероотступник

«Эхнатон. Фараон – вероотступник»: Центрполиграф; 2004
ISBN 5-9524-0953-9

Оригинал: Arthur Weigall, “Akhnaton: Pharaoh of Egypt”

Перевод: С. В. Федоров

Аннотация

Артур Вейгалл, принимавший участие в раскопках в Египте, избегая предвзятых оценок и непроверенных мнений, предлагает увлекательную и наиболее полную из существующих биографий египетского фараона Аменхотепа IV, который вошел в историю как религиозный реформатор. Утвердивший культ единого бога Атона, он принял имя Эхнатон – «угодный Атону».

Артур Вейгалл Эхнатон. Фараон – вероотступник

И спроси, кто те, которые ведут нас в царство, если оно находится на небесах? Птицы небесные и все звери, что живут на земле или под землею, все рыбы всех морей, они ведут тебя. А царство находится внутри тебя...

Гренфелд и Хант. Оксфордский папирус IV, 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Жизнь и времена Эхнатона» впервые увидела свет в 1910 году, выдержала два или три переиздания, но и этот тираж закончился, а несколько оставшихся экземпляров были проданы в пять-шесть раз дороже первоначальной цены. В настоящее издание внесены существенные дополнения, учитывающие последние открытия в области египтологии, хотя основной текст автор предпочел оставить без изменений.

В настоящее время Общество по изучению Египта проводит раскопки в священном городе Эхнатона. Работа эта крайне важна, и переиздание книги в данном случае может сыграть свою положительную роль. Все, кто заинтересуется этой проблемой, могут обратиться в секретариат Общества, расположенный в Лондоне, на Тевисток, дом 13, где им будет предоставлена информация, касающаяся раскопок. Для продолжения работ нужны средства, и, возможно, после прочтения книги читателю станет ясно, что едва ли какой период древней истории более заслуживает изучения и едва ли где еще на земном шаре раскопки могут принести столь богатый урожай.

Когда эта книга впервые готовилась к печати, многие не разделяли моего мнения, что Эхнатон умер, едва достигнув тридцатилетнего возраста, и что обнаруженная мумия молодого человека примерно этого возраста принадлежит этому фараону.

Однако время доказало мою правоту, и сегодня большинство исследователей представляют себе основные даты и события из жизни Эхнатона именно так, как они изложены в данной книге. Только известный немецкий исследователь профессор Курт Зете из Геттингена на момент выхода настоящего издания (1922 год) продолжал относиться скептически к моей версии.

Хотя непрофессиональному читателю мои выкладки, возможно, покажутся не слишком интересными, все же я счел нужным изложить коротко свои доводы, касающиеся идентификации мумии и возраста Эхнатона. Возможно, здесь уместно сказать несколько слов о раскопках, во время которых была обнаружена мумия.

В январе 1907 года во время раскопок в Долине царей в Фивах экспедиция, организованная Т. Дэвисом, открыла гробницу правительницы Тиу, в которой лежала мумия, по-видимому принадлежавшая Эхнатону. Теодор Дэвис, обаятельный американец, под старость завел обыкновение проводить зимы в Луксоре и таким образом приобщился к египтологии.

В 1902 году он выделил небольшую сумму Говарду Картеру, тогда генеральному инспектору по делам древностей Верхнего Египта, чтобы тот мог провести раскопки в царском некрополе. В 1903 году археологическая экспедиция, организованная на эти деньги, обнаружила гробницу Тутмоса IV. В том же году Картер при поддержке Дэвиса расчистил гробницу правительницы Хатшепсут.

В 1904 году вместо Картера раскопки в Луксоре продолжил мистер Кибелл, вместе с которым я вскрывал известную гробницу Юаа и Туа, после того как в 1905 году меня назначили генеральным инспектором. Т. Дэвис оплачивал проведение самих раскопок, а мы, Департамент древностей египетского правительства, несли все остальные расходы, в том числе по консервации находок, их охране и т. п. Любопытно, что вклад Дэвиса в работы

самого «урожайного» сезона, в течение которого было сделано одно из величайших открытий в истории исследований Древнего Египта, составил 80 фунтов.

Перед началом сезона 1906 года я настоял на том, чтобы Т. Дэвис нанял квалифицированного археолога, который проводил бы раскопки под моим общим руководством. Этим археологом стал Эдвард Р. Айртон. Далее на протяжении нескольких лет эти раскопки проводились следующим образом.

Мистер Дэвис оплачивал работы и считался формально начальником экспедиции, приглашенный им археолог жил на месте раскопок и непосредственно руководил рабочими. Я контролировал происходящее от имени египетского правительства и официально фиксировал любые находки. Все обнаруженные древности отправлялись в музей Каира, за исключением тех, которые были переданы Дэвису в качестве сувениров. Сегодня эти предметы находятся в музее «Метрополитен» в Нью-Йорке.

Правительство Египта покрывало все прочие затраты. Дэвис также оплатил ежегодное издание материалов экспедиции, и мы все должны быть благодарны ему за наши открытия, невзирая на то что он оставался любителем, и приходилось действовать очень аккуратно, направляя его деятельность в надлежащее русло.

Именно так обстояло дело, когда была обнаружена гробница царицы Тиу. Мистер Айртон сразу же официально уведомил меня об открытии, однако я из дипломатических соображений предпочел не вмешиваться. Дэвис, опубликовав результаты, упомянул об Айртоне, но ничего не сказал о моем участии в этой работе. Следует уточнить, что это не было проявлением неблагодарности или недружелюбия, но объяснялось вполне понятным недовольством по поводу тех условий, которые я вынужден был ставить ему по долгу службы.

Теперь и Дэвис, и Айртон умерли, нет в живых и их главного помощника во всех работах Г. Джонса. Поскольку из всех участников этих раскопок остался только я, я счел необходимым разъяснить, какое отношение я имел ко всем этим мероприятиям, чтобы придать вес заявлениям, которые я собираюсь сделать.

В предисловии я хотел бы доказать, что мумия, найденная в гробнице царицы Тиу, несомненно принадлежит Эхнатону. Соответственно, начать следует с установления (на основании надписей на монументах и других исторических источников) того, в каком возрасте фараон умер. В нашем распоряжении имеются следующие факты:

1. До или вскоре после восхождения на трон Эхнатон женился на Нефертити. На пограничной стеле из Эль-Амарны, датированной шестым годом его правления, он представлен отцом двух дочерей, рожденных от нее. В каком же возрасте он мог стать отцом?

Как удалось установить профессору Эллиоту Смиту, мумия Тутмоса IV, деда Эхнатона, принадлежит человеку, которому было не более двадцати шести лет. Ему наследовал его сын Аменхотеп III, который, как известно, женился на царице Тиу на втором году своего царствования. Следовательно, оба правителя вступили в брак в двенадцать или тринадцать лет.

Проведенное Э. Смитом исследование мумии Аменхотепа показало, что в момент смерти фараону было от сорока пяти до пятидесяти лет. Поскольку он правил в течение тридцати шести лет, ему было не больше четырнадцати, когда он женился. Дочь Эхнатона Меритатон, родившаяся на третий или четвертый год его правления, вышла замуж за Сменкхару в семнадцатый год правления своего отца, то есть когда ей исполнилось тринадцать или четырнадцать лет.

Родившаяся на восьмой год правления Эхнатона принцесса Анкхсенпаатон вступила в брак не позднее чем через два года после его смерти, то есть в возрасте одиннадцати лет. И наконец, самая младшая принцесса, Нефернеферуатон, вышла замуж за сына правителя Вавилона, когда ей было, вероятно, не более пяти-шести лет.

Подобные детские браки распространены в Египте и в настоящее время. Если Эхнатон следовал примеру своего отца и деда, можно утверждать, что ему было едва ли более

четырнадцать лет, когда родился его первый ребенок. Тогда на момент смерти ему было около тридцати лет.

2. В биографии Бакенхонсу, верховного жреца Амона при фараоне Рамзесе II, говорится, что он достиг совершеннолетия в шестнадцать лет. Послания из Тель-эль-Амарны и надпись в Вади-эль-Хамамат ясно дают понять, что в первые годы царствования Эхнатона его мать исполняла при нем роль регента. Перемены в искусстве и религии, спровоцированные Эхнатоном, могли начаться, только когда он стал совершеннолетним. Поскольку это произошло, как свидетельствуют надписи, на четвертый год его царствования, то опять-таки к моменту смерти ему должно было быть около тридцати лет. Отметим в связи с этим, что халифу эль-Хакиму было шестнадцать, когда он издал свои первые указы касательно религии.

3. Юаа и Туа похоронили, вероятно, в самом конце царствования Аменхотепа III, ибо они, как утверждает профессор Э. Смит, умерли в преклонном возрасте. Фараон, царица Тиу и две их дочери принесли усопшим погребальные дары, однако нигде ничего не говорится о сыне. Мы не встречали никаких упоминаний об Эхнатоне вплоть до того момента, когда он перед самой смертью отца женился на митаннийской принцессе Тадухипе. На колоссе из Мединет-Абу изображены три дочери Тиу, но нет изображения ее сына. Если бы в период царствования своего отца он был достаточно взрослым, мы бы наверняка имели о нем хоть какие-нибудь сведения. Из всего сказанного следует вывод, что в момент смерти Аменхотепа III Эхнатон был еще очень юн.

4. Похоже, что в последние годы своего правления Аменхотеп III тяжело болел, поскольку известны два случая, когда правитель Митанни посылал ему чудодейственную статуэтку богини Иштар, надеясь, что она исцелит его. Имеется и другой любопытный факт: Манефон пишет о тридцати годах правления Аменхотепа, в то время как на основании других источников можно сделать вывод о том, что он правил в течение тридцати шести лет. Возможно, это противоречие объясняется тем, что в течение последних шести лет своего царствования Аменхотеп III был уже не в состоянии править страной.

Его сын, однако, не принял власть, и всеми делами занималась царица Тиу. Очевидно, Эхнатон был еще слишком мал, и, даже вступив на трон, он, как свидетельствуют письма из Тель-эль-Амарны, продолжал советоваться с матерью по государственным вопросам.

При этом в письме от Душратты, помеченном тридцать шестым годом правления Аменхотепа III, Тадухипа упоминается уже как жена Эхнатона, следовательно, мальчику к этому времени уже было двенадцать – тринадцать лет. Соответственно, к моменту смерти, через семнадцать лет, Эхнату было около тридцати.

В свете всех вышеперечисленных фактов я могу сделать вывод, что Эхнатон умер в тридцать лет. Однако в оксфордском фрагменте представлен фараон, празднующий свой хебсед, или юбилей, что на первый взгляд указывает на то, что Эхнатон прожил гораздо дольше. По моему мнению, однако, сам факт празднования юбилея ничего не значит.

Большинство исследователей считают, что хебсед отмечался на тридцатый год царствования фараона, но Э. Мейер показал, что Тутмос II, также не доживший до тридцати, праздновал этот юбилей дважды. Профессор Зете считает, что, вероятнее всего, хебсед отмечался по истечении тридцати лет с тех пор, как нынешний правитель был объявлен наследником трона. Поскольку Эхнатон был объявлен наследником сразу после своего рождения, празднование юбилея указывает лишь на то, что ему исполнилось по крайней мере тридцать лет к моменту его смерти, что соответствует моему выводу¹.

В оксфордском фрагменте нет указаний на дату юбилея, но, поскольку в ней упоминается «Великий жрец Эхнатона», речь, по-видимому, идет о последних годах царствования, когда культ Атона превратился в хорошо разработанную и сильную религию.

¹ Профессор Зете ошибается, утверждая, что в картушах оксфордского фрагмента видны следы более древних надписей.

Мумия, обнаруженная нами в гробнице Тиу, находившаяся в саркофаге, бесспорно принадлежавшем Эхнатону, была отправлена на экспертизу профессору Э. Смиту в Каир. Следует отметить, что для лучшей сохранности я покрыл все кости слоем парафина, и это полностью исключает возможность ошибки или путаницы: именно эти кости и были исследованы Э. Смитом. Его отчет опубликован в каталоге мумий фараонов из Каирского музея.

Что касается возраста, то после подробного исследования состояния скелета Смит пришел к выводу, что, хотя многие данные указывают, что умершему было около двадцати пяти лет, «ни один анатом не станет отрицать, человек, которому принадлежит мумия, мог быть на несколько лет моложе или старше названного мной возраста». Далее он добавляет, что, если историки смогут доказать, что Эхнатону было тридцать лет в момент его смерти, эти аргументы следует считать более весомыми, нежели анатомические данные, которые никогда не бывают абсолютно точными. Таким образом, возраст мумии вполне позволяет рассматривать ее как принадлежащую именно Эхнатону.

Если говорить о физических особенностях, то мне представляются важными следующие факты, упомянутые в отчете. 1) Верхняя часть лица мумии, включая и лоб, сходна с лицом Юаа, деда Эхнатона по материнской линии. 2) Скулы типично армянского типа, что не удивительно, поскольку бабушкой Эхнатона была Мутемуа, царица Митанни. 3) Выступающие верхние резцы, такие же, как и у большинства представителей царского рода Восемнадцатой династии. 4) Необычная спинка носа, доходящая до альвеол, – та же особенность отмечена у черепа Аменхотепа III. 5) Имеются и другие совпадения с черепом Аменхотепа III, прежде всего в строении коренных зубов. 6) Общее строение лица и особенно челюстей точно соответствует статуям Эхнатона.

Обозначенные нами физические особенности дают нам все основания утверждать, что мумия принадлежит мужчине из царской семьи, в чьих венах текла кровь как Юаа, так и Аменхотепа III. Обнаруженные в саркофаге артефакты доказывают, что мумию следует датировать периодом правления Эхнатона. В свете известных нам исторических фактов она может принадлежать только Эхнатону. По крайней мере, больше ей принадлежать некому.

Теперь что касается других подтверждений, которые представляют сам саркофаг и предметы, найденные вместе с мумией. В настоящее время саркофаг хранится в музее Каира; нет никакого сомнения в том, что он принадлежал Эхнатону, потому что на наружной и внутренней сторонах крышки и внутри саркофага написаны имя и титулы фараона.

Но следует отметить еще один факт, который по каким-то необъяснимым причинам просто не замечали. Из-за постоянного просачивания дождевой воды сквозь разлом в скале и пелены, и сама мумия подгнили. Но когда мы сдвинули крышку гроба, то обнаружили ленту из тонкой золотой фольги, явно лежавшей некогда поперек пелен вдоль мумии.

Когда мы собрали кости и прах, то обнаружили другую ленту, которая проходила с задней стороны мумии. Эти ленты примерно двух дюймов шириной были исписаны титулами Эхнатона, но на обеих картуш оказался вырезан, так что оставалась просто овальная дыра в соответствующем месте ленты. Можно заметить, что в надписях на крышке гроба картуши с именем Эхнатона также были стерты.

Теперь приведу краткое описание гробницы и ее содержимого в соответствии с теми наблюдениями, которые были сделаны Дэвисом и Айртоном и опубликованы в специальном издании.

Гробница представляла собой вырубленное в скале помещение, к которому вел проход. Она сходна с гробницами Юаа и Туа, то есть принадлежит к той разновидности захоронений, которые считались подходящими для царицы или любого другого члена царской семьи, кроме реально правившего фараона.

Внутри размещались остатки большой деревянной усыпальницы, внутри которой, вероятно, и находились ранее саркофаг и мумия. Надписи не оставляли сомнений в том, что гробница была построена Эхнатоном для царицы Тиу, и на четырех блоках значилось его имя. Многие мелкие артефакты с именем царицы также принадлежат этому

первоначальному захоронению. Боковые стенки усыпальницы были разбиты на куски, одна лежала в проходе; похоже, усыпальницу хотели вынести, вероятно, тогда же, когда унесли мумию царицы, но проход оказался слишком узким.

В другой части погребальной камеры мы обнаружили саркофаг Эхнатона. Первоначально он помещался на носилках, но те прогнили и сломались; во время падения мумия сдвинулась, так что голова ее высывалась из-под крышки. Фотографии мумии и саркофага опубликованы Дэвисом. Рядом с саркофагом стояли четыре каноны, о которых еще пойдет речь ниже.

Вокруг, в мусоре, валялись осколки маленьких глиняных печатей с именем Тутанхамона. Вход в гробницу заделывали по крайней мере дважды. Сохранилась часть первоначальной стены из грубовытесанных блоков, зацементированных снаружи. На останках этой стены была наспех возведена другая. На цементных обломках сохранились следы печатей с изображением шакала и девяти пленников – традиционная печать некрополя. Вторая стена также была частично разрушена, и ее уже не стали восстанавливать.

Я могу предложить следующее объяснение этим фактам. Первоначально в гробнице была похоронена царица Тиу, но позже туда проникли посланцы Эхнатона, который распорядился стереть повсюду имя Амона.

После того как Эхнатон умер, его похоронили в Эль-Амарне, но при Тутанхамоне двор вернулся в Фивы. Мумию Эхнатона тогда же перенесли в старый некрополь, принадлежавший его предкам, и положили в гробнице его матери. Спустя несколько лет, когда сама память о прежнем фараоне стала ненавистной, жрецы вынесли мумию Тиу из гробницы, которая была осквернена присутствием «этого преступника», как теперь именовали Эхнатона, стерли повсюду имя царя и оставили его единственным и безымянным «жителем» гробницы.

Следует также упомянуть о четырех канопах. Они явно не принадлежали царице, поскольку те люди, которые вынесли ее мумию из гробницы, не оставили бы ее сердце и внутренности. Следовательно, содержимое кувшинов принадлежит той мумии, которую мы обнаружили в гробнице. Из-за сырости оно сгнило, как и плоть мумии. В кувшинах обнаружили только отдельные фрагменты пелен, хорошо пропитанные битумом (см. с. 24 публикации мистера Дэвиса).

На каждом кувшине имелась надпись, предположительно с именем, но оно старательно стерто. Крышки кувшинов сделаны в форме головы: прическа может быть как мужской, так и женской, но на лбу помещен урей – знак фараона.

Известно, что на лбу у царицы в то время всегда помещали двойной урей, как на синайском изображении головы Тиу, на узерхатском барельефе, в настоящее время находящемся в Брюсселе, или на ее статуе из Мединет-Хабу, хранящейся в Каире, на многочисленных рельефах Нефертити и т. д.

Тот факт, что у голов на канопах нет бород, вовсе не свидетельствует о том, что это женские головы, поскольку Эхнатона далеко не всегда изображали с бородой. Возможно, они были высечены в начале его царствования, у одной из голов, по крайней мере, мы видим характерную нижнюю челюсть.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: каноны не относятся к Тиу, поскольку в противном случае они были бы вынесены вместе с ее мумией, ибо являются ее неотъемлемой составляющей. Кроме того, на изображениях голов имелся бы двойной урей. Но если каноны не принадлежали царице, то они наверняка принадлежали царю, а какому иному царю, как не Эхнатону, они могли бы принадлежать?

Вместе с тем каноны нельзя отъединять от мумии, ибо в них находятся ее сердце и прочие внутренности. Следовательно, если сосуды относятся к Эхнатону, то и мумия должна принадлежать ему.

Тот факт, что, судя по стилистике, портреты на канопах были выполнены за несколько лет до смерти Эхнатона, позволяет предположить, что он заранее распорядился о подготовке всех необходимых погребальных принадлежностей.

Укажем еще на два обстоятельства, которые позволяют прийти к тому же самому заключению. Во-первых, в надписи, инкрустированной на передней стенке саркофага, слово «правда» обозначено иероглифом, который не использовался в последние годы правления Эхнатона.

При этом в надписях на дне саркофага и на внутренней стороне крышки встречается иное написание этого слова, такое, как было принято позже. Следовательно, можно предположить, что саркофаг начали отделявать в начале правления Эхнатона, а закончили гораздо позже. О том же свидетельствует и более «поздняя» форма картуша с именем бога Атона в изображении на крышке. В то же время среди останков мумии найдено ожерелье и кусок золотой фольги с картушем Атона в прежней форме.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что большинство, если не все погребальные принадлежности были приготовлены за несколько лет до того, как они потребовались. Подобная практика была принята в то время. Фараон распоряжался насчет строительства своей гробницы, а саркофаг и погребальные принадлежности, вероятно, готовились одновременно с помещением.

Если это действительно так, то становится понятным, почему на крышках канопа изображено круглое, более молодое и менее своеобразное лицо, чем то, которое мы встречаем на поздних портретах Эхнатона.

Над лицом или над головой мумии мы нашли артефакт, по форме напоминающий условное изображение сокола, сделанный из золота; он слегка изогнут, чтобы лучше держаться на пеленах. Дэвис и Дарси назвали его короной царицы, под этим названием М. Масперо поместил его среди экспонатов Каирского музея.

Однако это не корона – к такому выводу можно прийти на основании того факта, что ее нашли в саркофаге, а не на той верхней части головы, которая выступала из него. Это обычное нагрудное украшение, какое можно увидеть в настенных росписях в фиванских гробницах (например, в гробнице Хoremхеба, № 78) как часть убранства мумии.

Подведем итоги. Мумия лежит в саркофаге Эхнатона, она обмотана лентами, на которых написано его имя, рядом расположены канопы Эхнатона. Перед нами человек возраста Эхнатона, особенности его лица соответствуют изображениям Эхнатона, физические характеристики также сходны с теми, которые мы обнаруживаем у отца и деда фараона.

Можно ли усомниться в том, что мумия принадлежит именно Эхнату? Тем не менее в 1921 году профессор Зете опубликовал статью, где высказал свои сомнения по этому поводу. Очевидно, он не располагал всеми фактами, которые делают ответ на поставленный им вопрос совершенно очевидным.

Артур Вейгалл Лондон, июнь 1922 г.

Часть первая ПРЕДКИ ЭХНАТОНА

ВВЕДЕНИЕ

Правление Эхнатона², длившееся семнадцать лет (с 1375-го по 1358 год до н. э.), считается одним из самых интересных периодов в долгой египетской истории. Нашему взору предстает череда призрачных фараонов, каждого из них на миг освещает бледный свет знания, но их судьбы едва ли находят отклик в наших душах. Они ушли в небытие так давно,

² Некоторые филологи читают первую букву имени фараона как И, называя фараона «Ихнатоном» вместо «Эхнатон». Написание имени как «Кхенатен», встречающееся в ранних работах, следует признать неправильным.

что за многие тысячелетия почти потеряли свою индивидуальность.

Назовем имя какого-нибудь царя – и в ответ появляется смутная фигура, чопорно простирает свои руки и снова исчезает во тьме веков. Иногда издалека раздается приглушенный звук битвы.

В самом начале XX столетия в Долине царей в Фивах был сделан ряд чрезвычайно важных открытий. В 1903 году была обнаружена гробница Тутмоса IV, деда Эхнатона по отцовской линии, в 1905 году обнаружили гробницу Юаа и Туа, предков Эхнатона по материнской линии, в 1907 году нашли мумию Эхнатона в гробнице его матери, царицы Тиу. И наконец, в 1908 году вскрыли гробницу фараона Хoremхеба, одного из преемников Эхнатона.

Автору настоящих строк довелось присутствовать при всех этих открытиях, что и навело его на мысль написать эту книгу. Следует также понять, что она писалась в свободное от основной работы время, в тени скал около Нила, иногда на железнодорожных станциях или в поезде, среди развалин древних храмов или в кабинетах государственных учреждений в самое жаркое время года.

Конечно, мои возможности не сравнить с теми, которыми располагает, например, английский исследователь, всегда имеющий под рукой любые справочные издания. Однако заметим, что все факты изложены точно, хотя придирчивый читатель и может оспорить мои выводы, ведь люди часто смотрят по-разному на одни и те же вещи.

Глава 1 ПРЕДКИ ЭХНАТОНА

В 1580 году до нашей эры, спустя тринадцать сотен лет после строительства великих пирамид и примерно через две тысячи лет после возникновения царства в долине Нила, к власти пришла Восемнадцатая династия египетских фараонов. Основателем династии стал фараон Яхмес I. Он изгнал гиксосов (кочевников, пришедших из Азии), заполонивших страну в предыдущем столетии, и оттеснил их в центральные области Сирии.

Его преемник, Аменхотеп I, завоевал земли, расположенные между Оронтом и Евфратом, а следующий царь, Тутмос I, смог установить свой пограничный столб на северных границах Сирии и получил право именовать себя властителем всего Восточного Средиземноморья от Малой Азии до Судана.

Следующий фараон, Тутмос II, вел войны на юге, но его преемница, прославленная царица Хатшепсут, уже могла посвящать свое время мирным занятиям.

Ей наследовал великий воин Тутмос III, который вел победоносные войны в Сирии и поднял престиж Египта на небывалую высоту.

Каждый год он доставлял в Фивы, свою столицу, азиатские трофеи. Захватив город Мегиддо, он привез оттуда 924 великолепные колесницы, 2238 лошадей, 2400 голов различного скота, оружие и доспехи, в том числе принадлежавшие двум царям, большое количество золота и серебра, царский скипетр, великолепный балдахин и множество мелких вещей.

Столь же богатая добыча вывозилась и из Других разоренных царств, так что египетские сокровищницы едва могли вместить все эти драгоценности. Свою долю получали и храмы, их алтари чуть не рушились под тяжестью подношений. Кипр, Крит и острова Эгейского моря посылали ежегодную дань в Фивы.

Впервые за всю историю на улицах египетской столицы появились чужеземцы. Повсюду можно было увидеть одетых в длинные одеяния азиатов, хвастливо позвякивавших украшениями работы тирских мастеров. Горячие сирийские кони везли колесницы, нагруженные золотом и янтарем. Финикийские купцы везли свой товар из-за моря. Вереницы негров несли свои варварские сокровища во дворец.

Египетские воины проходили по этим улицам с гордо поднятыми головами, ибо знали, что весь мир трепещет перед ними. Повсюду только и говорили, что об их новых победах, и

рассказы о тех временах передавались из уст в уста еще в течение целого столетия.

Создавались военные песни, и гимны, сложенные в честь сражений, выбивали на стенах храмов. Голос того времени звучит в слогах, с которыми обращается к фараону Тутмосу III бог Амон:

Я пришел, чтобы даровать тебе победу над властелинами
Захи,
Я сверг их и поверг к твоим ногам...
У ног твоих все жители Пунта,
Они узрели твое могущество по моему приказу...
Крит и Кипр трепещут от ужаса,
Все острова внимают твоему громовому голосу.
Они узрели тебя как мстителя,
Попирающего свою жертву...
Они узрели тебя как яростного льва,
Когда ты терзал их в их долинах...

В общем, это было суровое и великолепное время, вершина могущества Египта. Следующий фараон, Аменхотеп II, продолжал активную завоевательную политику с еще большей жестокостью. Он был очень силен физически, и его лук не смог бы натянуть никто из его воинов. Он повел свою армию в беспокойные азиатские провинции и захватил в плен семерых мятежных правителей Сирии. Подплывая к Фивам, он подвесил их головами вниз на носу своей галеры, а позже собственноручно принес шестерых из них в жертву Амону. Седьмого он увез в Судан и повесил на воротах в назидание всем будущим мятежникам.

В 1420 году до нашей эры Аменхотеп II умер, оставив трон своему сыну, Тутмосу IV, деду Эхнатона, которому тогда было примерно восемнадцать лет.

Глава 2

БОГИ ЕГИПТА

Уже в правление Тутмоса IV зародились те религиозные движения, которые набрали силу в царствование его сына Аменхотепа III и его внука Эхнатона. Соответственно, мы должны рассмотреть подробнее основные события его царствования, обратив особое внимание на их религиозный аспект.

В связи с этим и также для того, чтобы читатель мог уяснить себе истинную суть учения того фараона, о чьей жизни будет рассказано на последующих страницах, нам следует бросить взгляд на религиозную практику, которая сложилась в Египте ко времени Тутмоса IV.

Египетская цивилизация уже существовала более двух тысяч лет, в течение которых сформировалась определенная систем догм. В конце концов люди настолько уверовали в незыблемость этих догм, что даже небольшие перемены воспринимались почти как революция. Только выдающийся человек, наделенный железной волей и решимостью, мог встать во главе реформ. В те времена, о которых мы пишем, такого человека не нашлось, и старые боги Египта пользовались безраздельным авторитетом.

Наиболее могущественным из всех богов был Амон, главный бог Фив. Первоначально он был местным божеством этого города, но, когда Фивы стали столицей Египта, он обрел статус государственного бога. В более ранний период главным богом считался солнечный бог Ра или Ра-Хораhti – местное божество Гелиополя – города, располагавшегося неподалеку от современного Каира. Жрецы Амона соединили двух божеств под общим именем «Амон-Ра, царь богов».

Амон может являться в разных обликах. Обычно его представляют как человека с сияющим ликом, в золотом головном уборе с двумя перьями. Иногда, правда, он принимает

облик барана с тяжелыми рогами. Кроме того, он может предстать и в образе своего брата, козлоногого бога по имени Мин, которого позже стали отождествлять с греческим Паном. В этой связи следует упомянуть, что греческий бог, возможно, позаимствовал свой козлиный облик у Мина-Амона из Фив.

В ряде случаев Амон мог принимать обличья правящего фараона, выбирая то время, когда сам монарх отсутствовал или спал. В этом образе он получал доступ в спальню царицы. Полагают, что и Аменхотеп III появился на свет в результате подобного союза, хотя сам фараон не отрицал, что его земным отцом был Тутмос IV.

Амону нравилось сражаться, и он охотно помогал фараонам, когда они разбивали головы своим врагам или перерезали им глотки. Вероятно, как и другие египетские боги, он был обожествленным вождем племени, потомки которого увековечили его любовь к битвам.

Богиня Мут, «Матерь», божественная супруга Амона, иногда спускалась на землю, чтобы понянчить сына фараона. От Амона у нее был свой сын, Хонсу, ставший третьим членом фиванской триады. Он считался богом Луны и отличался божественной красотой.

Таковы были главные фиванские божества, покровительствовавшие царскому двору. Культ солнца, унаследованный от жителей Гелиополя, также играл важную роль. Считалось, что когда-то сам бог Ра был царем на земле, и нынешние фараоны являются его прямыми потомками; впрочем, эти верования возникли не ранее, чем во времена Пятой династии.

Именно в этот период фараона начинают именовать величественным титулом «Сын Солнца». Однажды, когда Ра еще правил на земле, его укусила змея; богиня Исида исцелила бога-царя, но в качестве платы потребовала, чтобы он назвал ей свое истинное имя.

Ра пришлось выполнить обещание, но из страха, что тайна откроется его подданным, он решил истребить все человечество. Свершить это деяние он поручил богине Хатхор, принявшей облик Сехмет, женщины с головой льва, которой нравилось купаться в потоках крови. Но когда половина человечества погибла, Ра раскаялся и прекратил смертоубийство, напоив богиню допьяна смесью крови и вина.

Тем не менее, Ра, уставший от государственных забот, решил удалиться на небеса, где в образе солнца ежедневно проплывает в своей ладье с востока на запад. На рассвете его называют Хепри, и он существует в облике жука-скарабея, в полдень он становится Ра, а на закате принимает имя «Атум»; это слово, вероятно, соотносится с сирийским «адон», «господин», более известным нам в греческом написании «Адонис». В своих ипостасях поднимающегося и садящегося солнца он носил имя Ра – Хорахти, и это имя еще встретится читателю в дальнейшем.

Богиня Исида, о которой мы уже упоминали, была супругой Осириса, изначально божества Нижнего Египта. Как и Ра, этот бог также правил на земле, но его убил его брат Сет; за его смерть впоследствии отомстил его сын Гор, имеющий обличье ястреба.

Осирис, Исида и Гор составили триаду; центром поклонения им стал Абидос, город Верхнего Египта, где, как считалось, был похоронен Осирис. Прекратив свое земное существование, Осирис стал великим властителем подземного царства, и все стали молиться ему, чтобы обрести благополучие после смерти.

Заметим, что ястреб-Гор был племенным богом сразу нескольких городов. В Эдфу ему поклонялись как победителю Сета, в этой своей ипостати он был мужем Хатхор, покровительницы Дендеры – города, расположенного довольно далеко от Эдфу. В то же время богиня Хатхор стала покровительницей Западных гор и в одном из своих земных обликов, в виде коровы, выходила из пещеры в скалах.

В Мемфисе племенным богом считался карлик Птах (двойник европейского Вулкана), кузнец и гончар богов. В этом городе, так же как и во многих других областях Египта, жил священный бык, которого именовали Аписом; люди воздавали ему божественные почести и считали его земным воплощением Птаха.

На Элефантине поклонялись богу с головой барана по имени Хнум, там также имелось священное животное, баран, которого держали в храме Хнума для ритуальных целей. Поскольку Хнум был также божеством первого нильского порога, расположенного около

Элефантины, его считали важной фигурой по всему Египту. Кроме того, многие верили, что это он слепил из грязи, извлеченной со дна Нила, первого человека, поэтому мы находим его в мифологии самых разных областей.

Коршун – Нехбет была племенной богиней торгового города Нехена; свирепый крокодил Себек считался богом города Омбоса; ибис, Тот, почитался в Гермополе; кошка – Баст была божеством Бубаста и так далее. Следовательно, у каждого города имелся свой бог.

Кроме этих богов, существовали и другие, более абстрактные божества: Нут, олицетворявшая небеса, Себ – землю, Шу – космос... Словом, пантеон египетских богов был весьма разнороден. В него входили божества племен-завоевателей, древние герои и вожди, впоследствии обожествленные или отождествленные с богом, которого почитало их племя, боги, олицетворявшие природные явления, а также обожествленные небесные светила.

По мере развития связей между городами постепенно выстраивалась общая система верований, и людям приходилось дополнять и изменять мифы, чтобы привести их в соответствие друг с другом.

Вот почему ко времени Тутмоса IV небеса оказались населены великим множеством богов, но из всех них для нас представляют интерес Амон-Ра, бог Фив и верховное божество, а также Ра-Хорахти, бог Гелиополя. Остальные боги появляются на этих страницах лишь для того, чтобы, потерпев поражение, кануть во тьму, из которой они и происходят.

Глава 3 ПОЛУБОГИ И ДУХИ – СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА

Упоминавшиеся нами священные быки и бараны были реликтами древнего культа, связанного с поклонением животным, происхождение которого совершенно неясно. Египтяне почитали самых разных зверей и птиц; почти в каждом городе или области свой вид животных считался священным. В Гермополе и в других частях Египта объектом поклонения стали бабуин и ибис, как воплощения бога Тота. Во многих местах, прежде всего в Бубасте, где особо почиталась богиня-кошка Баст, поклонялись кошке.

К священным животным причисляли крокодила и некоторые разновидности рыб. Египтяне боялись и почитали змею; в качестве примера можно вспомнить, что Аменхотеп III, отец Эхнатона, поставил в храме в Бенхе агатовое изображение змеи. Кобра считалась символом Уаджет, богини дельты Нила. Цари этой области в древности использовали изображение кобры как свой символ, и со временем земля – урей стала знаком верховной власти фараона.

Не вдаваясь более в детали египетской религиозной системы, следует все же упомянуть о тысячах демонов и духов, которые наряду с богами населяли невидимый мир. Некоторых из них при необходимости могли вызывать колдуны, и со многими человек встречался после смерти. Четыре духа служили Осирису, великому богу мертвых, ему также подчинялись сорок два ужасных демона, в чьи обязанности входило судить души умерших.

Многочисленные двери подземного мира охраняли чудовища, имена которых наводили ужас, и несчастным душам приходилось повторять бесчисленные и невероятно длинные заклинания, прежде чем им разрешали войти.

Чтобы умиротворить всех этих потусторонних обитателей, требовалось огромное количество жрецов. Коллегия жрецов Амона в Фивах обладала таким могуществом и богатством, что во многих случаях могла диктовать свою волю фараону.

Верховный жрец Амон-Ра был одной из самых важных персон в государстве, непосредственно подчинявшиеся ему второй, третий и четвертый жрецы (как они именовались) принадлежали к высшей знати.

В описываемый нами период верховный жрец Амона часто являлся также и великим визирем, то есть занимал одновременно высшие светский и духовный посты.

Хотя жрецы бога Ра, отправлявшие культ в Гелиополе, обладали гораздо меньшей властью, чем служители Амона, они также имели большое влияние. Их верховный жрец

именовался «Великим Провидцем» и был в большой степени служителем культа, чем политическим деятелем (в отличие от своего фиванского коллеги).

Верховного жреца Птаха в Мемфисе называли «Великим мастером ремесла», поскольку Птах представлял собой двойника греческого Гефеста. Однако ни он, ни жрецы других богов не могли соперничать в могуществе с верховными жрецами Амона и Ра.

Глава 4 ТУТМОС IV И МУТЕМУА

Взойдя на трон, Тутмос IV столкнулся с очень серьезной политической проблемой. В то время гелиопольские жрецы, недовольные всеилием Амона, попытались восстановить утраченный престиж своего собственного бога Ра, который в далеком прошлом являлся высшим божеством Египта, а теперь вынужден был довольствоваться второй ролью по отношению к фиванскому богу.

Тутмос IV, согласно позднейшему свидетельству Эхнатона, не одобрял политических амбиций жрецов Амона и в пику им восстановил статую великого сфинкса в Гизе, находившуюся под опекой гелиопольских жрецов.

Сфинкс соединял в себе черты гелиопольских богов – Хорахти, Хепри и Ра, о которых шла речь выше. По легенде, Тутмос IV получил трон, обойдя своих старших братьев, благодаря покровительству сфинкса, то есть жрецов Гелиополя. Фараона называли «сыном Атума и защитником Хорахти, который очистил Гелиополь и ублажил Ра»³, жрецы Ра-Хорахти, судя по всему, надеялись, что фараон вернет им былое могущество.

Однако Тутмос IV оказался человеком слабого здоровья, а тот небольшой запас сил, который у него был, он тратил на войну в Сирии и в Судане. Его краткое правление, продолжавшееся чуть более восьми лет, с 1420-го по 1411 год до нашей эры, ознаменовалось началом скрытого соперничества между Амоном и Ра, которое достигло кульминации в ранние годы царствования его внука Эхнатона.

Еще до вступления на трон Тутмос женился на дочери царя Митанни, государства на севере Сирии, которое служило буфером между египетскими владениями в Сирии и враждебными землями Малой Азии и Месопотамии. Брачный союз должен был, по-видимому, укрепить дружбу двух стран.

С большой долей вероятности эту принцессу можно отождествить с царицей Мутемуа, от которой осталось несколько стел и которая была матерью Аменхотепа III, сына и преемника Тутмоса IV. Иноземные элементы, привнесенные благодаря ей в жизнь двора, привели к многочисленным и весьма существенным переменам.

Возможно, именно эти азиатские веяния побудили фараона поощрять инициативу гелиопольских жрецов. Как уже говорилось, бог Атум, ипостась Ра как божества заходящего солнца, возможно, имел общее происхождение с Атоном, которому поклонялись в Северной Сирии, отчего и царица, и ее азиатские приближенные испытывали больше симпатий к Гелиополю, чем к Фивам.

Кроме того, выходцам из Азии, где религиозные вопросы нередко становились темой для размышления, учение жрецов северного бога казалось более гибким и более соответствующим их образу мысли, чем суровые, формальные постулаты культа Амона. Таким образом, чужеземное влияние, проникшее в Египет и прежде всего во дворец, возможно, поспособствовало пробуждению того недовольства государственной религией, которое стало очевидно во время правления Тутмоса IV.

Мы почти ничего не знаем о характере и личности Тутмоса IV и не можем судить о том, насколько его внук Эхнатон унаследовал черты деда. Отличаясь слабым здоровьем и женственной внешностью, он, тем не менее, всегда ставил на первое место интересы армии и

³ Так говорится на табличке сфинкса.

дела войны. Более всего он чтит память тех фараонов, которые прославились как воины. Он восстановил памятники Тутмосу III в Карнаке, Мхмесу I в Абидосе и Сеносерту III в Амаде – трем величайшим военным вождям египетской истории.

Рис. 1. Тутмос IV и пленные азиаты

Колесницу Тутмоса IV украшали изображения, на которых он попирает своих врагов, а в его гробницу поместили множество разного оружия.

О царице Мутемуа нам совершенно ничего не известно, поэтому мы перейдем к деду и бабушке Эхнатона со стороны матери, царицы Тиу.

Глава 5 ЮАА И ТУА

Где-то около 1470 года до нашей эры, пока великий Тутмос III находился в сирийском походе, родился ребенок, которому было суждено стать дедом самого замечательного из всех фараонов Египта. Мы не знаем ни имен его родителей, ни места рождения; непонятно даже, был ли этот ребенок египтянином или чужеземцем. Его имя пишется как Аау, Ааи или А-аа, Юау, но чаще как Юаа. Столь разнообразное написание указывает на то, что имя, скорее всего, чужеземное и его звучание трудно передать с помощью имевшихся египетских иероглифов.

Ему было около двадцати лет, когда умер Тутмос III, и вполне возможно, что он попал в число тех сирийских принцев, которых фараон привез в Египет из Азии, чтобы они воспитывались при египетском дворе.

Некоторые из этих принцев-заложников, перед которыми не маячила перспектива наследовать царство, вероятно, поселились на берегах Нила, где, как нам достоверно известно, жило немало их соплеменников, занимавшихся торговлей и другими делами.

Молодость Юаа пришлась на время правления Аменхотепа II: к моменту смерти этого фараона Юаа был зрелым мужчиной лет сорока пяти. Он женился на женщине, которая носила распространенное египетское имя Туа, следовательно, ее национальность не вызывает никаких сомнений. В браке у них родилось двое детей: первого, мальчика, назвали Аанен, а вторую, девочку, – Тиу. Она позже стала великой царицей.

Когда Тутмос IV вступил на трон, Тиу едва ли было больше двух лет; ее родители получили приглашение ко двору, и тогда-то она, наверное, получила то первое впечатление о

роскошной царской жизни, которое так сильно поразило ее в детстве и определило многое в ее будущей жизни.

В то время Юаа входил в коллегия жрецов Мина, одного из самых древних из египетских богов. Мин имел множество общих черт с греческим Паном, с которым его позже стали отождествлять, ему поклонялись в нескольких городах Верхнего Египта и во всей Восточной пустыне вплоть до побережья Красного моря. Мин считался богом плодородия во всех смыслах – для человеческого, животного и растительного царств.

В образе Мин-Ра он был богом солнца, чьи животворные лучи оплодотворяли всю землю. Он отличался большим благородством, чем греческий Пан, и олицетворял скорее семейный долг продолжения рода, нежели сексуальные инстинкты, которые стал воплощать греческий бог.

При сравнении с богами тех стран, которые соседствовали с Египтом, он оказывается похож скорее на уже упоминавшегося нами Адониса, который в Северной Сирии был богом плодородия. Данный факт дает пищу для размышлений, поскольку мы предположили, что Юаа был выходцем из Сирии, и в этом случае из всех египетских богов только Атуму он мог бы поклоняться так же ревностно, как и Мину.

Хотя Мин и выступал как племенной бог, он, по существу, не был ни гарантом египетских привилегий, ни носителем египетских предрассудков. В какой-то степени он являлся универсальным божеством и отвечал общим для сирийцев и египтян умонастроениям.

В то время, как мы говорили, богатые и коррумпированные жрецы Амона впали в немилость у царя, и двор выказывал все большее желание освободиться от их влияния, в котором с каждым днем оставалось все меньше от религии.

Возможно, Юаа, веривший в Мина и Адониса, имел какое-то отношение к этому движению, поскольку теперь он стал важной персоной при дворе. Возможно, к тому времени он уже получил титул сановника, которым его именуют в его погребальных надписях, и был любимцем юного фараона Тутмоса IV и его жены, правительницы Мутемуа, чья кровь впоследствии смешалась с его собственной в жилах Эхнатона.

Когда Тутмос умер в возрасте двадцати шести лет и его сын Аменхотеп, тогда двенадцатилетний мальчик, вззошел на трон, Юаа уже перевалило за пятьдесят и его десятилетняя дочь Тиу, в соответствии с египетскими представлениями, могла считаться невестой.

В то время делами двора заправляли царица Мутемуа и ее советники, поскольку Аменхотеп был еще слишком молод, чтобы действовать самостоятельно. Похоже, что среди приближенных царицы был и Юаа. Не прошло и года с тех пор, как мальчик-царь принял корону, как его с соответствующими праздниками и церемониями женили на Тиу, а Юаа и его супруга стали тестем и тещей фараона.

Нам следует обсудить значение этого брака. Царственные супруги еще не вышли из детского возраста, поэтому женитьба, очевидно, была организована их опекунами. Если бы в столь юном возрасте Аменхотеп влюбился в девочку, с которой, возможно, он вместе воспитывался, то, без сомнения, он бы настоял на том, чтобы жениться на ней, но ее бы просто поместили в его гарем. Но она стала его Великой царицей, сидела рядом с ним на троне и удостаивалась почестей, которых не знала ни одна Другая царица самой голубой крови.

Очевидно, что царские советники никогда бы такого не допустили, будь Тиу всего лишь хорошенькой дочкой одного из придворных. Должна была существовать весьма веская причина для того, чтобы девочка могла удостоиться царских почестей и занять место на троне.

Имеется несколько возможностей. Не исключено, что в жилах Туа текла царская кровь и она была, например, внучкой Тутмоса III, на что указывает и некоторое внешнее сходство. Царицу Тиу не только именовали «царской супругой», но и «царской дочерью», и быть может, титул следует понимать буквально.

В письме, посланном Душраттой, царем Митанни, Эхнатону, Тиу именуется «моя сестра и твоя мать», хотя и возможно, что слово «сестра» в данном контексте используется, чтобы подчеркнуть связь царских родов, более вероятно, что здесь подразумевается некоторая вполне конкретная степень родства, поскольку остальные наименования такого сорта, такие, как «дочь», «жена», «тесть», употребляются в письме во вполне конкретном буквальном значении.

Возможно, Юаа был связан неким дальним родством с египетской царской династией или же являлся потомком сирийского царского дома, который благодаря бракам имел родственные связи с династией фараонов. Таким образом, Тиу могла претендовать на трон, а Душратта имел основания называть ее «сестрой». Правда, царицу Тиу так часто именовали чужестранкой, как теперь выяснилось без всяких на то оснований, что после этого к любому из высказанных предположений следует относиться с большой осторожностью. Считалось, что чертами лица Тиу напоминала жительницу Сирии⁴.

В портрете, на основании которого делалось подобное заключение, во всех чертах, кроме носа, прослеживается сходство с Юаа. Внешность Юаа также выдает в нем сирийца. В данной связи следует напомнить о том, что женитьба Аменхотепа и Тиу состоялась во время регентства Мутеуа, которая сама, по всей вероятности, была уроженкой Северной Сирии. Во всяком случае, два подростка правили Египтом, а Юаа и Туа всегда были рядом, чтобы помочь им советом.

Туа теперь именовалась «царской служанкой» или «дамой для поручений», «возлюбленной Хат-хор», «возлюбленной царя» и «царственной матерью жены фараона»; последний титул, возможно, указывает на то, что она была королевской крови. Среди титулов Юаа можно упомянуть «конюший и колесничий фараона», «первый среди возлюбленных», «уста и уши фараона» (проще говоря, доверенное лицо и советник царя).

Судя по лицу, Юаа отличался властностью и волевым характером. Мы легко можем представить себе этого высокого человека с великолепной копной светлых волос, огромным орлиным носом, похожим на сирийский, полными, упругими губами и выдающейся резко очерченной челюстью. У него было лицо ветхозаветного пророка, и, вглядываясь в его черты, трудно избавиться от мысли, что он вполне мог быть вдохновителем того великого религиозного течения, во главе которого встали его дочь и внук.

Глава 6 АМЕНХОТЕПИИ ЕГО ДВОР

Кроме Туа, Юаа и вдовствующей царицы Мутеуа, значительное влияние на юного фараона имел некий представитель знати по имени Аменхотеп, сын Хапу. Он оказался таким добрым и умным человеком, что в позднейшие времена некоторые считали его богом и передавали его речения из поколения в поколение.

Возможно, именно он вдохновил гелиопольских жрецов выступить против Амона. В этой связи следует заметить, что в надписи, выгравированной под его статуей, он обращается к фараону как к «наследнику Атума» и «первородному сыну Хорахти», то есть использует имена гелиопольских богов.

Когда у Тиу родилась дочь, которую назвали Сетамон, этого философа назначили на почетную должность «главного камергера» принцессы; одновременно он занимал пост начальника общественных работ и несколько других придворных должностей. В тот период, когда религиозные материи стали превращаться в любимую тему светских бесед, авторитет «мудрого человека» такого плана, несомненно, был необычайно высоким. Если бы до нас

⁴ На это сходство указывает Петри. Возможно, однако, что на портрете, который послужил основанием для его выводов, изображена не Тиу, а Эхнатон (см. его портрет в данной книге). Рот и подбородок очень похожи на рот и подбородок Юаа, насколько можно судить по его мумии, но в то же время они сильно напоминают черты Аменхотепа. Конечно, подобные свидетельства зыбки и на них не следует особенно полагаться.

дошли какие-нибудь из его речений, вероятно, мы нашли бы в них теоретическое оправдание тех перемен, которые происходили в стране.

Согласно поздним источникам, Аменхотеп, сын Хапу, предупреждал фараона о том, что, если он хочет увидеть истинного бога, он должен выдворить из своего царства всех нечестивых. Некоторые считают, что эти слова относились к коррумпированным жрецам Амона, поскольку смещение их с официальных постов становилось все более насущной необходимостью.

Иосиф Флавий связывает эту легенду с исходом евреев из Египта. Возможно, раскопки Египетского исследовательского общества, проводимые на месте города, построенного когда-то Эхнатомом, могут пролить свет на эти события и подтвердить наше пока весьма смутное ощущение, что события, описанные в «Исходе», имели некоторое отношение к тому, о чем пойдет речь на следующих страницах нашей книги.

В то время, о котором мы пишем, Египет по-прежнему находился в зените своего могущества, достигнутого в результате военных побед, одержанных Тутмосом III. Правители Палестины и Сирии платили дань юному фараону, князьки прибрежных городов посылали в Фивы свою ежегодную пошлину. Кипр, Крит и даже греческие острова находились под сильным египетским влиянием. Во владения фараона входили все земли от Синаи и побережья Красного моря до полуострова Сомали, и негры из Судана были его рабами.

Действительно, Египет вырос в величайшую мировую державу, и в Фивы стекались послы, купцы и ремесленники из различных стран. Здесь они видели здания, равных которым не было ни в одной земле, и горожан, утопавших в такой роскоши, о которой не слышали и в Вавилоне.

Египет настолько разбогател, что чужеземный царь, который писал к фараону и просил у него золота, ссылаясь на то, что оно ценится в Египте не больше придорожной пыли. Столы фараона и его знати украшало огромное количество золотых сосудов, в храмах использовались сотни золотых ваз разного размера.

Блеск и роскошь фиванского дворца напоминают рассказы из «Тысячи и одной ночи». Мы читаем о пирах, о великолепных праздниках на воде, о юбилейных торжествах и охотничьих забавах. Если мысленно собрать сцены придворной жизни, изображенные на памятниках, восстановить все развалины, нашим взорам предстанет невероятно яркая картина. Таковы были обстоятельства данного периода, обусловленные скорее конкретной ситуацией, чем последовательным развитием и достижениями более ранних эпох.

Египтяне всегда были веселым, беззаботным народом, но именно завоевания Тутмоса III обеспечили им тот уровень благосостояния и безопасности, который позволил им жить так, как они хотели. Люди не желали более соблюдать старые суровые традиции древнего периода египетской истории, и только жрецы Амона вынуждали их к этому.

В то время как фараон и его двор хотели наслаждаться всеми радостями жизни, бог Амон и его представители нависали над ними, словно жупел, заставляя их придерживаться культа, который казался им мрачным и устаревшим, и претендовали на свою долю богатств.

Примерно ко времени своей женитьбы царь Аменхотеп построил дворец на восточном берегу Нила, на краю пустыни около Фиванских гор, в котором разместилась царица Тиу со своим великолепным двором. Дворец представлял собой легкое, просторное сооружение со множеством комнат, построенное из кирпича и дорогих пород дерева и украшенное великолепными росписями по сухой штукатурке и изысканными колоннами.

С одной стороны здания проходил балкон, устланный коврами, откуда царь и царица иногда показывались своим подданным. Дворец окружали великолепные сады, почти у самых ворот уходили вверх живописные склоны гор. С восточной стороны дворца фараон позже повелел вырыть большой пруд, просто чтобы позабавить Тиу. Из вынутой во время земляных работ земли были насыпаны неправильной формы взгорки, на которых затем высадили деревья и цветы. Именно здесь царица Тиу плавала на своей барже, названной в честь гелиопольского бога «Атон сияющий».

Возможно, в имени Атон присутствуют некоторые отдаленные сирийские коннотации.

Заходящее солнце называлось в Египте Атум, и, возможно, тем самым подчеркивалась его связь с азиатским Адонем или Адонисом. В те времена, о которых идет речь, имя Атон стало впервые использоваться в Египте применительно к гелиопольскому богу Ра-Хорахти-Хепри-Атум, хотя это слово употреблялось и ранее как название видимого солнечного диска.

Аменхотеп III назвал именем Атона одну из своих воинских частей, и тогда же это слово начинает появляться в надписях на стенах. Так, исподволь, во дворце начал формироваться культ переименованного бога, тесно связанного с гелиопольскими божествами, и жрецы Амона, вероятно, следили за происходящими переменами с возрастающим беспокойством.

Похоже, сам фараон не придавал особого значения всем этим религиозным делам. Он был жизнелюбивым сибаритом, и его интересы ограничивались охотой и другими развлечениями. Аменхотеп III с удовольствием хвастался, что за первые десять лет своего правления убил 102 льва, но, поскольку в те годы он еще оставался ребенком, скорее всего, его придворные ненавязчиво помогли ему в совершении этих подвигов. Рассказывают, что он убил в один день 56 диких быков, а пару дней спустя – еще два десятка, но опять-таки заслуги его, скорее всего, преувеличены.

На пятнадцатом году своего царствования фараон возглавил поход в Судан, чтобы наказать взбунтовавшееся племя. Источники с гордостью сообщают об устроенной там резне. Описывается, как «свирепый, словно лев, фараон, направляемый Амоном-Атумом», истребил «высокомерных и замышлявших всяческое зло негров». Интересно заметить, что здесь Атум приравнивается к Ашону: наглядное свидетельство настроений, владевших умами.

Когда визирь фараона Птахмос, являвшийся одновременно верховным жрецом Амона, умер, на пост визиря вопреки ожиданиям не был назначен новый верховный жрец. Фараон назначил визирем вельможу по имени Рамос и таким образом разделил светскую и религиозную власть. Этот поступок можно расценить как еще один шаг к ослаблению могущества Амона.

Царица Тиу родила фараону несколько дочерей, возможно также, что она подарила ему и сына. Но если так, он умер в младенчестве и царственная чета не имела наследника. Вероятно, поэтому Аменхотеп III на десятом году своего царствования женился на принцессе Киргипе или Гилухипе, дочери царя Митанни и, возможно, племяннице вдовствующей царицы Мутемуа.

Принцесса торжественно прибыла в Египет со свитой из 317 фрейлин, но Тиу, похоже, сразу поставила ее на место, поскольку даже в официальном сообщении о женитьбе именно Тиу именовалась главной женой фараона. Вероятно, этот брак служил отчасти политическим целям, как в свое время брак с Тутмосом IV. Не сохранилось никаких записей о детях Гилухипы. Но ее приезд способствовал еще большему усилению чужеземного влияния при дворе и увеличил число тех, кто не испытывал симпатии к старым фиванским богам.

Примерно в 1390 году до нашей эры умер Юаа, старый отец Тиу, и вскоре его супруга последовала за ним. Их похоронили в прекрасной гробнице в Долине царей близ Фив. Если считать, что супруги не принадлежали к царскому роду, то впервые в гробнице такой величины были похоронены люди не царственного происхождения.

Вокруг великолепных саркофагов, в которых положили мумии, разместили огромное количество погребальных даров; среди них было несколько вещей, преподнесенных, очевидно, осиротевшими фараоном и царицей, а также юной принцессой Сетамон и еще одной дочерью, имя которой не сохранилось.

Юаа и его супруга, видимо, пользовались особым расположением при дворе, и как родителям правящей царицы могли требовать к себе почтения. Для нас же они являются в первую очередь дедом и бабушкой великого учителя Эхнатона, о чьем рождении мы собираемся поведать.

Часть вторая РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ЭХНАТОНА

Глава 1 РОЖДЕНИЕ ЭХНАТОНА

Царица Тиу, по всей видимости, подарила своему супругу несколько детей, но лишь на двадцать пятом году его правления появился на свет будущий фараон. Время шло, царица все больше и больше беспокоилась, что не может родить сына, и все истовей молилась, чтобы боги послали ей мальчика.

И по сей день каждая молодая египтянка мечтает выносить сына; те, кто не удостоиваются такой чести, забывают заповеди Магомета и обращают свои мольбы к древним богам.

Автор этой книги сам видел, как молодой крестьянин просил позволить его жене обойти вокруг наружной стены древнего храма, чтобы она могла зачать мальчика. Известна и другая история, когда три молодые женщины, преследуя ту же самую цель, скатывались вниз по постаменту перевернутой статуи Рамзеса Великого.

Конечно, озабоченная подобными проблемами, но более разумная царица Тиу с тоской обращалась то к одному богу, то к другому, обещая им любые дары, если они исполнят ее желание. Похоже, больше всего Тиу доверяла Ра-Хораhti-Атону, и, возможно, она обещала ему, что если у нее родится сын, то она посвятит его этому богу.

Скорее всего, маленький принц появился на свет в царском дворце в Фивах, расположенном на краю пустыни у подножия западных гор. Как мы уже говорили, это было просторное здание, воздушное и богато украшенное. Потолки и полы представляли собой живописные панно с изображениями животных, дикие быки бежали по заросшим тростником болотам, под ногами царя, и множество разноцветных рыб плавало в воде. Вверху, над его головой, стаи белых попугаев носились по голубому небу, и дикие утки, казалось, вылетали из раскрытых окон.

Через дверные проемы можно было увидеть сад, где росли диковинные цветы, с восточной стороны дворца сверкало огромное рукотворное озеро, окруженное деревьями азиатских пород.

Трудно найти в мире места столь же прекрасные, как те, в которых располагался дворец. Здесь можно было сидеть часами, наблюдая за тем, как играет свет на вершинах, где розовые и желтые отблески на камнях чередовались с полосками синих и пурпурных теней. От полей, раскинувшихся сегодня вокруг развалин дворца, в тех местах, где размещались некогда роскошные царские сады, и поныне остается ни с чем не сравнимое ощущение красоты и радости.

Солнечный свет и бодрящий ветерок пробуждают в человеке чувство полноты жизни. Поистине, этот дворец был подходящим местом рождения для фараона, который научил свой народ понимать красоту природы.

Глава 2 ВОЗВЫШЕНИЕ АТОНА

Маленького принца называли Аменхотепом (только на седьмом году своего правления он принял имя Эхнатон), или, в греческом варианте, Аменофисом, «мирным Амоном», в честь его отца. Но хотя таким образом и подчеркивалось превосходство Амона, все-таки покровителем мальчика считали гелиопольского бога.

В то время как великолепный царский двор ликовал по поводу рождения будущего повелителя, жрецы Амона-Ра с подозрением смотрели на младенца, которому было суждено в будущем стать их господином. Жрецы продолжали требовать безоговорочного подчинения жестким древним обычаям и отказывались удовлетворить стремление людей к более

свободному толкованию религиозных догм.

Чтобы противостоять растущему влиянию Ра-Хораhti, возможно, потребовались бы более серьезные меры, если бы не тот факт, что Ра являлся также ипостасью Амона и отождествлялся с ним под именем Амон-Ра. Первоначально бог Амон был не чем иным, как местным фиванским божеством. Когда фараоны Восемнадцатой династии возвысили его до положения государственного бога всего Египта, жрецы сделали его культ приемлемым для различных провинций, отождествив его с Ра, солнечным богом, которому в той или иной форме поклонялись в любом храме и который занимал важное место во всех мифологических системах. Амону-Ра вполне могли возносить молитвы и солнцепоклонники Сирии и Нубии, поскольку почти все народы в то время почитали солнце, дарившее тепло и свет.

Вероятно, некоторые наиболее дальновидные придворные, которые пытались исподволь подорвать могущество жрецов Амона и начали проводить в жизнь свои планы религиозного и политического освобождения, постарались разорвать эту существовавшую в сознании людей ассоциацию Амона с солнцем, поскольку только благодаря ей культ Амона мог процветать где бы то ни было, кроме Фив.

Легко догадаться, что со своей стороны жрецы стремились всячески подчеркнуть связь их божества с Ра; они знали, что только гелиопольский бог может на равных соперничать с Амоном и стать достойным орудием в руках тех, кто хотел бы свергнуть их фиванское божество. Верховному жрецу Ра в Гелиополе предложили, и, возможно, весьма настоятельно, занять почетную должность второго жреца Амона в Фивах⁵, что ставило его в подчиненное положение по отношению к верховному фиванскому жрецу.

Однако последователи новых веяний в ответ на это подняли на щит не Ра-Хораhti, а Атона, одну из слабейших ипостасей солнечного бога. Жрецы Амона пытались воспрепятствовать утверждению культа Ра-Хораhti, толкуя это божество как одну из ипостасей Ра и, соответственно, Амона-Ра. Сторонники перемен расценивали Ра как ипостась Ра-Хораhti и использовали для Ра-Хораhti имя Атона, которое не несло с собой никаких ассоциаций.

Фактически Атон был введен в игру для того, чтобы воспрепятствовать отождествлению Амона-Ра и Ра-Хораhti. Вскоре имя Атона, полностью вытеснившее имя Атума, стало упоминаться достаточно часто и в Фивах, и в других местах, но повсюду – и об этом следует помнить – оно рассматривалось как Ра-Хораhti.

Нетрудно понять желание двора внести перемены в религиозные догматы. Как отмечалось, культ бога Амона был настолько формализован, что напрочь исключал любое вольнодумие. Однако верхушка общества, пройдя через этап теоретизирования, и теперь собиралась восстать против власти жрецов, пресекавших любые попытки людей думать самостоятельно.

Поклонение непостижимой власти солнца под именем Атона обеспечивало широкие возможности для проявления той склонности к абстрактному мышлению, которая уже успела заявить о себе во всем цивилизованном мире. То были первые шаги философской мысли человечества, впервые в истории боги наделялись идеальными качествами.

Даже если не касаться религиозных вопросов, богатство и могущество жрецов Амона выросли настолько, что они стали представлять серьезную угрозу трону. Коллегия жрецов, базировавшаяся в Карнаке, стала злым демоном, довлевшим над государством. Соответственно, собственные политические интересы также толкали двор к тому, чтобы поддержать жрецов Гелиополя в их попытках занять более высокую позицию.

Более того, имелась третья причина. Атон, с которым стали отождествлять Ра и Ра-Хораhti, был просто солнечным богом, лишенным всякого местного колорита, и мог стать объектом более универсального культа. Возможно, сторонники нового учения рассчитывали

⁵ Его статуя находится в Турине. См. также книгу Эрмана «Жизнь в Древнем Египте».

создать единую египетско-сирийскую империю, чьи земли простирались бы от порогов Нила до далекого Евфрата, считая, что общая религия придаст ей несокрушимую мощь.

Мимоходом можно высказать одно предположение, хотя при сегодняшнем уровне наших знаний оно обречено остаться не более чем любопытной гипотезой. Поклонение Атону, как мы увидим далее, вылилось в абсолютный монотеизм, и начало этому культу было положено в Гелиополе. Теперь можно вспомнить, что Гелиополь и есть тот древний город, где Моисей учился «всей премудрости египтян», возможно, поэтому существует некоторая связь между иудаизмом и культом Атона.

Глава 3

ВЛАСТЬ ЦАРИЦЫ ТИУ

Многие считают Аменхотепа III ленивым, мечтательным азиатом, тщеславным упрямым, не желавшим выполнять суровые заветы предков, но не обладавшим достаточной энергией, чтобы сформировать новую религию.

При этом есть все основания полагать, что царица Тиу могла постепенно внедрить новые религиозные идеи в сознание своего мужа и заставить его и весь его двор обратить взоры от мрачного культа Амона к сияющей религии солнца.

Те, кому приходилось путешествовать по Египту, легко согласятся с тем, что благополучие этой земли полностью зависит от солнца. Голубое небо, сверкающие скалы, золотая пустыня, зеленеющие поля – все излучает радость при хорошей солнечной погоде. На восходе солнца ощущается невероятный прилив энергии, и глубокой меланхолией дышит порой алый закат. Возможно, и Тиу испытывала те же чувства в своем дворце в Фивах.

Шли годы, власть и влияние царицы Тиу росли, и вот теперь она родила фараону сына и получила вдобавок к своему особому статусу главной жены царя статус царской матери. Ни одна царица прежде не изображалась так часто на монументах фараона и не носила такого количества громких титулов.

В Серденге, что в далеком Судане, по указанию фараона возвели храм, посвященный Тиу, а в Синае недавно обнаружили ее великолепный портрет. Все приезжавшие в Фивы видели ее фигуру у ног двух огромных колоссов, установленных на краю Западной пустыни, огромные статуи Тиу и ее мужа сегодня находятся в музее Каира, их может увидеть любой посетитель. Однако о Гилухипе и других женах фараона ничего не известно, царица Тиу отодвигала их на второй план едва ли не раньше, чем заканчивались свадебные церемонии.

По истечении тридцати лет с начала правления Аменхотепа III он перестал уделять внимание государственным делам, и власть почти полностью перешла в умелые руки Тиу. К тому времени новые веяния, которые, как мы установили, во многом можно приписать ее влиянию, проникли в разные сферы жизни: Ра-Хорахти и Атон были подняты на щит, получил распространение образ мысли, который вряд ли можно счесть вполне египетским, претерпело изменение и искусство, достигшее небывалых высот, невиданных ни в более древние, ни в более поздние времена.

Изысканные барельефы конца правления Аменхотепа III, которые можно увидеть в Фивах в гробницах Хемнет и Рамоса, завораживают не меньше, чем работы ранних флорентийских мастеров. Нельзя не отметить неувловимое изящество и своеобразную утонченность фигур, которые, несмотря на иной материал и другие каноны, обладают такой же притягательностью, как творения Филиппо Липпи или Боттичелли.

Из множества памятников египетского искусства, рисунков и скульптур, явно не до конца оценены камеи. Автор книги, однако, полагает, что однажды они займут надлежащее место в сердцах всех поклонников искусства как величайшие творения придворных мастеров царицы Тиу.

Юный принц провел свои детские годы при дворе, блеском и пышностью затмевавшем все предыдущие, и царица Тиу была главным украшением любой церемонии. Аменхотеп III вполне заслуженно получил прозвище Великолепный, ибо ни в один период, кроме

правления Тутмоса III, царская сокровищница не вмещала столько богатств и знать не жила в такой роскоши.

В шуме празднеств, под звуки песен и гомон веселья юный принц с печальными глазами, ведомый царицей Тиу, впервые вступает на страницы истории. Но когда он появляется перед нами, за звоном золотых чаш и музыкой тамбуринов становится вдруг слышна незатейливая песенка и мирные трели жаворонка.

Глава 4 ЖЕНИТЬБА ЭХНАТОНА

Похоже, что в последние годы правления Аменхотеп III, которому было уже далеко за пятьдесят, начал страдать от постоянных недомоганий⁶.

Дважды царь Митанни отправлял в Египет чудодейственную статую богини Иштар, видимо надеясь, что она поможет Аменхотепу исцелиться. Весьма вероятно, что фараон вообще не отличался крепким здоровьем. Он родился, когда его отец – также человек весьма болезненный – был почти ребенком; в силу этого Аменхотеп имел очень мало шансов дожить до зрелого возраста, и ту же наследственную болезненность он передал своим детям.

Ничего не известно о его дочерях⁷, изображенных в росписях гробницы Юаа и Туа, и весьма вероятно, что они умерли совсем молодыми. Внешность юного принца Аменхотепа свидетельствовала о некоем нездоровье, а неправильная форма черепа указывает на склонность к эпилептическим припадкам. Дочь царицы Тиу, принцесса Бакетатон, названная в честь нового бога, похоже, также прожила не долго, поскольку ничего не слышно о ней после того, как принцессе исполнилось двенадцать или тринадцать лет.

Когда Аменхотепу III исполнилось сорок восемь или сорок девять лет, он, чувствуя приближение конца, должно быть, сильно тревожился по поводу того, кто станет его преемником. У него был только один сын, которому еще не исполнилось двенадцати. Здоровье его внушало серьезные опасения, что он не проживет долго и на нем династия фараонов закончится.

Очевидно, принца следовало как можно скорее женить, чтобы он мог стать отцом, как только это будет физически возможно. Вспомним, что сам Аменхотеп III женился на Тиу, когда ему исполнилось двенадцать лет, а его отец, Тутмос IV, вступил в брак в еще более раннем возрасте.

Следовало безотлагательно женить принца Аменхотепа, и фараон начал искать ему подходящую жену. Он знал, что у митаннийского царя Душратты есть юная дочь, по слухам, симпатичная девочка; кроме того, по целому ряду политических соображений подобный союз представлялся весьма перспективным.

Как говорилось выше, Митанни занимала пограничное положение между сирийскими владениями фараона, землями хеттов и Месопотамией. Поэтому уже несколько поколений фараонов брали себе невест из Митанни. Так поступил Тутмос IV, уроженкой Митанни была жена Аменхотепа III Гилухипа и, не исключено, сама царица Тиу. Все это были политические браки ради благополучия Сирийской империи. Решив устроить свадьбу своего больного сына, фараон отправил посла к Душратте, чтобы заключить брак между двумя детьми.

Ответ Душратты благодаря счастливому стечению обстоятельств дошел до нас. Царь Митанни принял посла и был очень рад перспективе дальнейшего сближения двух стран. Из следующего письма становится очевидным, что принцессу сразу отправили в Египет, и,

⁶ О его возрасте свидетельствует мумия, она принадлежит человеку в возрасте не более пятидесяти лет.

⁷ Мы знаем, что мудрый Аменхотеп, сын Хапу, был управляющим имения принцессы Сетамон, но эти сведения могут относиться и ко временам до того, как принцесса была изображена в гробнице Юаа и Туа.

похоже, принц Аменхотеп немедленно женился на ней. Маленькую принцессу звали Тадухипа, но после ее прибытия в Египет больше нигде не упоминается, возможно, она умерла в юном возрасте.

Судя по всему, после этого принц Аменхотеп женился на юной египтянке по имени Нефертити, которая и стала его царицей. Ее отец Аи принадлежал к высшей знати. Супругу Аи звали Ти, но, скорее всего, Нефертити была дочерью его первой жены, поскольку в документах Ти именуется «главной нянкой и кормилицей», но не матерью Нефертити. Самого Аи впоследствии называли «царским тестем»; этот титул ранее неправильно переводили как «божественный отец», приписывая ему некий религиозный смысл.

Обычно Нефертити и Тадухипу отождествляют, предполагая, что Ти и Аи были не реальными, а посаженными родителями чужеземной принцессы. Разумнее, однако, предположить, что Нефертити была египтянкой и ее выдали замуж за принца после смерти его первой жены Тадухипы. Недавняя находка подтверждает мое предположение. Судя по стилю исполнения и форме короны, статуэтка безусловно изображает Нефертити, а черты лица явно свидетельствуют о том, что изображенная женщина – египтянка, а не иноземка⁸.

Поскольку египетские девушки обычно становились матерями в тринадцать – четырнадцать лет, а Нефертити родила первенца спустя почти пять лет после свадьбы, она, скорее всего, была на два-три года моложе принца.

Вскоре после этих событий двор погрузился в траур в связи с кончиной Аменхотепа Великолепного, последовавшей на тридцать шестом году его царствования. Царица Тиу взяла на себя управление государством от имени своего тринадцатилетнего сына, который взшел на трон фараонов под именем Аменхотепа IV, а Нефертити стала его царицей.

Глава 5 ВСТУПЛЕНИЕ ЭХНАТОНА НА ТРОН

Вступив на трон, юный царь определил свой титул следующим образом:

«Могучий бык с длинной шерстью, возлюбленный двумя богинями, великий царь Карнака; золотой Ястреб, венценосный владыка в Южном Гелиополе, царь Верхнего и Нижнего Египта, Прекраснейший из созданий Ра, единственное воплощение Ра; Сын солнца, Мирный Амон (Аменхотеп), Божественный правитель Фив, Вечноживущий; возлюбленный Амона-Ра, Владыки небес».

Все фараоны носили весьма пышные титулы, и этот набор выглядит достаточно традиционно. Как и его предки, фараон именовался «Возлюбленный Амона-Ра», хотя, как мы уже успели убедиться, могущество этого бога уменьшилось. Чтобы восстановить справедливость, после этого реверанса в сторону фиванского бога был использован более необычный титул:

«Верховный жрец Ра-Хорахти, торжествующего на горизонте под именем подателя тепла Амона».

Пусть мальчика называют возлюбленным Амона, пока фиванские стены не начнут дрожать от этих криков; пусть жрецы повторяют титулы Амона-Ра, владыки небес, до звона в ушах, судьба фиванского бога была решена, потому что правящий фараон поклонялся другому божеству.

⁸ Ныне эта находка хранится в Берлинском музее, и ее фотографии еще не опубликованы. В гробнице Аи в Эль-Амарне имеется надпись, в которой он желает царице Нефертити вечно оставаться рядом с Эхнатоном. Здесь же говорится о ее красоте, нежном голосе, «прекрасных руках».

Очевидно, что подросток не мог сам заявить, что станет верховным жрецом Ра-Хорахти. Вероятно, его подтолкнули к этому правительница Тиу и ее советники, озабоченные тем, чтобы поскорее покончить со всевластием Амона. Конечно, для столь решительного шага могли быть и другие причины. Возможно, еще до рождения ребенка царица дала обет посвятить его Ра-Хорахти. Могло сказаться и то, что мальчик был эпилептиком, подверженным галлюцинациям. Вероятно, во время приступов он видел видения или бормотал слова, которые заставили его мать поверить, что он избран гелиопольским богом, имя которого принц постоянно слышал.

Притом, что во дворце изо дня в день говорили о «подателе тепла Атона» (новая разновидность имени бога), а юный правитель Египта периодически впадал в некое подобие священного транса, казалось вполне естественным объяснить эксцентричность молодого фараона его особыми отношениями с новым божеством.

Верховного жреца Ра-Хорахти всегда называли «Великим Провидцем»; у человека, занимавшего этот пост, имелся пророческий дар, обретенный в силу природных способностей или под влиянием обстоятельств. Так и получилось, что телесная немощ мальчика обернулась могучим оружием в борьбе с Амоном-Ра.

Внешне фараон выглядел бледным, болезненным юношей. Голова казалась слишком большой, из-под тяжелых век смотрели мечтательные глаза, взгляд которых был устремлен в бесконечность. Черты лица были тонкими, и весь облик принца, несмотря на слегка выступающую нижнюю челюсть, напоминал персонажей с лучших картин Россетти.

Похоже, что он был тихим, прилежным мальчиком, чьи мысли витали где-то далеко, в мечтах о счастье, которого он не мог достичь из-за своего нездоровья. Его характер был мягким, сердце переполнено любовью. Ему, наверное, нравилось гулять в садах дворца, слушать пение птиц, наблюдать за рыбами в озере, нюхать цветы, следить за бабочками, греть свои маленькие косточки на солнышке.

Уже в то время его иногда называли «Господин с благоухающим духом»⁹, и, возможно, тогда подданные так полюбили его, что хранили ему верность и в самые тяжелые периоды его жизни.

Несомненно, что в первые годы правления он полностью находился под властью своей матери. Царь Митанни Душратта, поздравлявший мальчика со вступлением на трон, адресует послание царице Тиу, как бы подразумевая, что фараон сам еще не в состоянии понять его содержание. В последующих посланиях Душратта просит, чтобы в вопросах, связанных с международной политикой, юный царь непременно советовался со своей матерью. Но, несмотря на свой возраст, новый фараон оказался не по годам мудрым, в чем читатель сейчас сможет убедиться.

Глава 6

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЭХНАТОНА

В следующей главе автор постарается показать, насколько высокого уровня в осмыслении религиозных и философских вопросов достиг этот мальчик на пороге зрелости. Но тем более достойными уважения мы сочтем его успехи, если будем знать все недочеты в его образовании и воспитании в детстве и юности.

Тщательно разработанная религиозная система, с которой обычно отождествляется имя фараона, сложилась в позднейшие годы его правления. До семнадцати – восемнадцати лет в воззрениях молодого царя практически не проявлялся ни откровенный монотеизм, ни другие основополагающие принципы, столь четко сформулированные им в будущем. Только к восьмому году своего правления он создал настолько ясную религиозную доктрину, что для выявления ее слабых сторон имеет смысл сравнивать ее с христианством. Между тем

⁹ Украшения в виде скарабеев иногда подписывались Nebnef-nezem, что означает то же самое.

совершенно очевидно, что столь возвышенные идеи отнюдь не были внушены Эхнатону его воспитателями.

По требованию царицы Тиу или царских советников одним из первых деяний юного фараона стало строительство храма Ра-Хорахти-Атона в Карнаке, вероятно заложенного еще при Аменхотепе III. Этот поступок никак нельзя было рассматривать как оскорбление Амона, поскольку и Тутмос III, и другие фараоны посвящали свои храмы, расположенные в Карнаке, другим богам¹⁰.

Жрецам Амона-Ра приходилось мириться с существованием множества других богов в Египте и отводить каждому из них свое место на небесах, сохраняя для своего собственного бога титул «Владыка всех богов».

В Карнаке располагался храм бога Птаха, отдельные святилища, посвященные Мину, тут же размещались храмы других богов. Таким образом, жрецы Амона-Ра не могли воспрепятствовать новому строительству.

Храм в Карнаке¹¹ был построен из песчаника, поэтому множество работников всех рангов направили в карьеры близ селения Гебел-Силсилех, расположенного на берегу Нила между Эдфу и Ком-Омбо, и близ города Эсны. Когда строительство близилось к завершению, в скалах была вырублена огромная плита, на которой высекли фигуру фараона, поклоняющегося Амону, сохранявшему свой статус государственного бога.

Однако над фигурой фараона располагался солнечный диск, от которого расходились линии, изображавшие солнечные лучи, озарявшие фигуру царя. Каждый луч заканчивался маленькой рукой, и все картина символизировала, вероятно, передачу «тепла, которое есть Атон» фараону. Интересно, что этот прославленный символ атонического культа впервые появляется в сцене поклонения Амону.

Уже в текстах на пирамидах мы встречаемся с «рукой солнечных лучей», но этот символ новой религии ранее нигде не встречается, и, похоже, его придумал сам юный правитель.

Фараона называли верховным жрецом Ра-Хорахти, но титул «Живущий праведно», который Эхнатон сам себе взял в последующие годы и который имел непосредственное отношение к разработанной им религии Атона, пока не употреблялся.

Археологи обнаружили множество обломков, сохранившихся от этого храма, на которых упоминаются имена богов Гора, Сета, Упуата и других. Царя по-прежнему называли Аменхотепом IV, что позже было запрещено, и имена Атона, позднее высекавшиеся в царских карту-шах, здесь не встречаются.

Храм нарекли «Атон, который находится в Доме Атона», – забавное название, значение которого не совсем ясно¹².

Некоему чиновнику по имени Хаттаи присудили титул «писца и смотрителя житницы в Доме Атона», – возможно, так именовался этот храм. О храме, названном на тот раз полным именем, упоминается в надписи в гробнице Рамоса, там же имеется рисунок, но больше ничего о нем не известно.

Строительство пытались завершить как можно быстрее, судя по тому, что вместо огромных, тщательно пригнанных и отполированных каменных блоков, которые обычно использовались для возведения храмов, здесь применяли сравнительно небольшие и далеко

¹⁰ Точная дата начала строительства неизвестна, но на фрагменте, находящемся сейчас в Берлине, имеются следы полустертого картуша с именем Аменхотепа III, поверх которого написано имя Эхнатона.

¹¹ Для обозначения храма используется слово *benben*, которое заканчивается иероглифом обелиска, что привело к неточностям в переводе. Возможно, храм напоминал комплекс в Абусире, во дворе которого стоял обелиск.

¹² Возможно, что слово «находится» – ошибка перевода.

не всегда хорошо обработанные куски камня, которые можно было быстро доставить и водрузить на место.

Возникавшие из-за этого дефекты кладки затем маскировали штукатуркой и цементом, с помощью которых поверхность стен выравнивали, чтобы на них можно было разместить рельефы. Место, где стоял храм, стали называть «Сияние великого Атона», а город Фивы получил новое имя – «Город сияния Атона».

Есть еще два памятника, которые датируются первыми годами правления Эхнатона: это гробницы важных вельмож. В упомянутый период одной из главных персон в стране был уже упоминавшийся Рамос, визирь Верхнего Египта. Этот сановник теперь строил и украшал величественную усыпальницу для самого себя в фиванском некрополе.

В огромном зале этой гробницы ремесленники вырубали прекрасные скульптуры и расписывали стены. Их работа была доведена едва ли до половины, когда они решили изобразить Аменхотепа IV, сидящего на троне, за которым стоит богиня Маат.

Возможно, эту роспись сделали за несколько месяцев до того, как была высечена плита в каменоломне. Еще не появились солнечные лучи, вся работа была выполнена в строгом соответствии с правилами, принятыми во время последних лет правления Аменхотепа III и первых лет царствования его сына.

Но только мастера успели закончить работу, как поступило распоряжение, что следует изображать лучи, Атона, и ряд других указаний, отражавших перемены в искусстве отделки гробниц. Поэтому ремесленники изобразили царя еще раз – стоящего под множеством озарявших его лучей «божественного тепла», а вместо богини теперь рядом с ним располагалась его пока бездетная жена. Приезжающие в Фивы туристы могут видеть обе сцены рядом, и нигде контраст между старым порядком вещей и новым не прослеживается более отчетливо, чем в этих соседних рисунках.

Пока Рамос обустривал свою гробницу в Фивах, другой сановник по имени Хoremхeб, в конце концов узурпировавший трон, также строил свою усыпальницу в Саккаре, в мемфисском некрополе неподалеку от Каира. Хoremхeб был главнокомандующим египетской армией, и на некоторых рельефах в гробнице показано, как он в этом качестве получает награды. В других сценах показаны беженцы, прибывшие в Египет откуда-то из Азии, которые просят разрешения поселиться на берегах Нила. Эти изображения считаются шедеврами египетского искусства.

В тексте надписи Хoremхeб, предположительно обращаясь к царю, утверждает, что фараон получает власть от Амона¹³, но сама фигура фараона изображена в традициях новой религии¹⁴.

В той же самой манере изображен царь и на некоторых поврежденных рельефах из северной колоннады луксорского храма, строительство которого было начато Аменхотепом III, а закончено Тутанхамом и Хoremхeбом.

Глава 7 НОВОЕ ИСКУССТВО

Отмеченные нами резкие перемены стиля, которые мы видим на рельефах двух гробниц и плите из карьера, датируются примерно четвертым годом правления Эхнатона.

¹³ Это вполне согласуется с тем фактом, что на плите из Силсилеха также высечена сцена поклонения Амону.

¹⁴ Похоже, что строительство гробницы Хoremхeба началось и закончилось в первые годы правления Эхнатона. Гробница стояла пустая до конца его царствования, а после смерти Эхнатона в ней были сделаны новые двери. Находки из гробницы теперь находятся в музеях Лейдена, Болоньи, Вены, Александрии и Каира, и похоже, что все они, кроме дверных створок, находящихся в Каире, относятся к раннему периоду. Перечень титулов на каирских створках пышнее и более длинный, чем остальные.

Рельефы, вырезанные на стенах нового храма Ра-Хорахти, расположенного в Карнаке, явственно отличаются по манере исполнения от рельефов первых лет правления Эхнатона.

Ремесленники, работавшие в гробнице Рамоса, изобразили фараона на весь рост; он стоит под солнечными лучами, являющими собой принципиально новый элемент композиции. Изображения молодого фараона, которые можно увидеть в росписях гробницы Хoremхеба и на плите из карьера, выполнены в соответствии с канонами, полностью отличными от тех, что существовали до вступления Эхнатона на трон.

Если говорить об изображении фигуры человека, прежде всего фараона, можно отметить три особенности, характерные для нового стиля. Прежде всего отметим слегка вытянутую форму черепа, длинную и тонкую шею, заостренный подбородок при изображении в профиль, кожа на скулах и под подбородком натянута, так что кажется, будто голова чуть запрокинута вверх.

Во-вторых, живот выпячен вперед, из-за чего вся фигура кажется несколько неуклюжей. Наконец, бедра и икры кажутся слишком большими, хотя сама нога ниже, колено нормальной, естественной величины. Подобные анатомические несоответствия в меньшей степени заметны в пропорциях остальных частей тела, образ которых, видимо, родился в сознании юноши-фараона или одного из его эксцентричных придворных.

Царю исполнилось семнадцать, но он оказался необычайно зрелым для своего возраста. Вероятно, он воспротивился тому, чтобы его изображали в традиционной манере, и велел своим мастерам запечатлеть его таким, каков он есть на самом деле. Поэтому удлинённый череп, острый подбородок и даже отвисший живот могли появиться на рисунках и статуях в ответ на это требование. Но непропорциональности ног не объясняются подобным образом, поскольку, судя по мумии, фараон был хорошо сложен.

Мы можем лишь догадываться о причинах, которые породили подобную трактовку человеческой фигуры. Вероятно, к этому времени фараон с мальчишеским пылом углубился в перипетии религиозной войны между Амоном-Ра и Ра-Хорахти-Атоном.

Прислушиваясь к аргументам обеих сторон, он подумал, что ему следует и самому изучать древние документы и надписи, относящиеся к предмету спора. Прodelав это, юный царь обнаружил, что Амон стал государственным богом всего за несколько сотен лет до его рождения. А раньше, до возвышения Амона, даже до первого упоминания его имени, верховным богом был Ра-Хорахти. Продвигаясь далее в глубь веков от строителей пирамид к древнейшей династии фараонов, которая правила в начале времен, Эхнатон обнаружил, что люди и тогда поклонялись гелиопольскому богу.

Одним из главных титулов фараона был титул «Сын Солнца», который носили все египетские цари, начиная с фараонов Пятой династии, заявлявших о своем происхождении от самого Ра. Такие изыскания неизбежно должны были привести Эхнатона к двум важным выводам: во-первых, что Амон является не кем иным, как самозванцем. Во-вторых, что он сам, Эхнатон, будучи фараоном, является потомком Ра-Хорахти, а соответственно и его представителем на земле.

Видимо, на основании этих выводов молодой царь возненавидел все, что было связано с Амоном. Он был слишком юн, чтобы до конца понять, какая из двух религий лучше с точки зрения морали и с точки зрения теологии. Но он оказался достаточно зрел, чтобы поддаться очарованию прошлого и почувствовать, что великие, едва видимые сквозь дымку времени фараоны, которые жили тогда, когда мир еще был молод, и на заре истории поклонялись солнцу, являются самым достойным и лучшим примером для подражания.

Они были его предками, и, поскольку они были сыновьями Ра, он также счел себя благородным потомком великого бога. В его венах текла кровь солнца, то самое «тепло Атона», что пульсировало в нем. Вчитываясь в старые документы, он все больше проникался величием того отдаленного прошлого, когда люди поклонялись богу, права которого узурпировал Амон.

Поскольку в то время религиозные нормы определяли каноны искусства, принципы изображения человеческой фигуры утверждались жрецами Амона. Забвение этих принципов

являлось бы открытым вызовом их власти.

Это, вероятно, понимали сторонники Ра-Хорахти, поэтому они всячески поощряли юного царя в его попытках возврата к прошлому. Они убеждали его, что, если он считает себя представителем тех древних царей и верховным жрецом их бога, он должен принять и их художественные каноны.

Таким образом, он мог воплотить в жизнь свои романтические грезы и одновременно нанести удар жрецам Амона, запретив санкционированный ими стиль и обязав скульпторов и художников своего времени следовать традициям древнейших времен.

Несомненно, какие-то реликвии той эпохи должны были сохраниться в древних храмах Гелиополя и других городов, поэтому молодой фараон мог изучить изображения, вырезанные в дереве, камне и слоновой кости. Современные археологи указывают на несомненное сходство принципов изображения человеческого тела на древнейших артефактах и у мастеров эпохи Эхнатона.

На иллюстрации показано несколько архаических изображений, в которых при желании можно увидеть прообраз художественной манеры новой школы. Для всех древних изображений характерен продолговатый череп, являющийся отличительной чертой «эхнатоновского» стиля. У фигурки из слоновой кости, изображающей древнего фараона, можно заметить хорошо знакомый по статуям Эхнатона наклон головы и заостренный подбородок. У статуэток из глины и слоновой кости мы видим тот же выпяченный живот и, что особенно показательно, непропорционально большие ступни и тяжелые бедра.

Перемены, происходившие в искусстве во времена Эхнатона, можно назвать своего рода ренессансом, возвращением к классической древности. При этом основным стремлением было желание подчеркнуть связь фараона с Ра-Хорахти как самым древним из всех богов.

В связи с этим становится понятна и другая особенность новой религии. Поклонение Ра-Хорахти-Атону предполагало почитание фараона как сына солнца и бога как основателя царской династии. Легенда гласила, что некогда на земле правил сам Ра или Ра-Хорахти и что его дух переходит от фараона к фараону. Этот бог являлся подлинным Владыкой Небес, а Амон оказывался просто узурпатором.

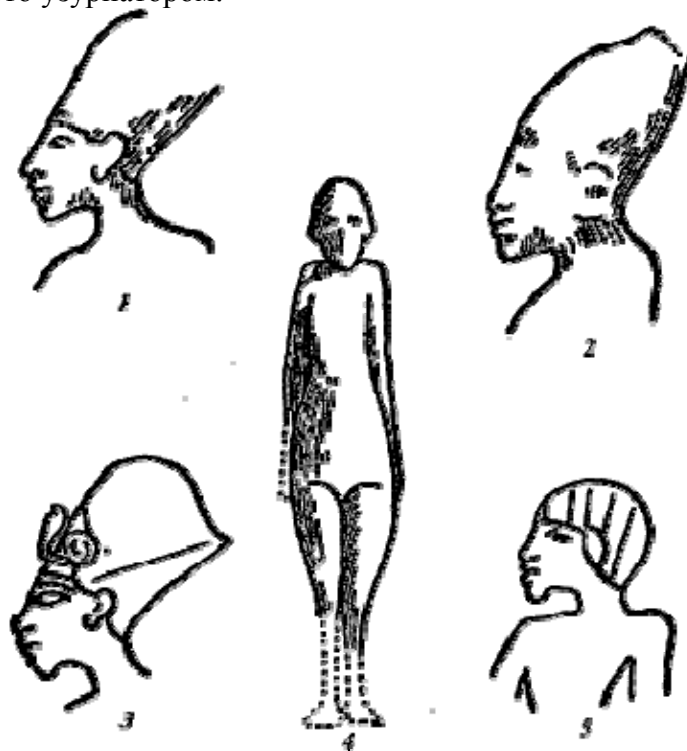

Рис. 2. Художественный стиль эпохи Эхнатона в сопоставлении с архаическим стилем:

- 1 – голова Эхнатона. Современный ему рисунок;
- 2 – голова царя. Зарисовка древней статуэтки, обнаруженной профессором Петри в Абидосе;
- 3 – голова Эхнатона. Современный ему рисунок;
- 4 – голова принца. Зарисовка с древней стелы, обнаруженной профессором Петри в Абидосе;
- 5 – древняя статуэтка, обнаруженная профессором Петри в Диосполе, у нее те же несоразмерные бедра, что и у скульптур эпохи Эхнатона

Именно поэтому имена нового бога размещались внутри царских картушей и молодой фараон подчеркнуто именовал Ра-Хорахти своим «отцом», а также «царем и богом». По той же причине Эхнатон предпочитал носить корону Нижнего Египта, которая использовалась в Гелиополе, а не корону Верхнего Египта¹⁵, которого еще не существовало в те времена, когда Ра правил на земле¹⁶.

Помимо особенностей в воспроизведении человеческих фигур новое искусство отличается значительно большим разнообразием и свободой поз. Никогда раньше мастерам не удалось так изящно и точно передать пластику идущего или сидящего человека.

Скульптурные памятники этого периода столь совершенны, что могут свободно соперничать с лучшими образцами греческого искусства. Барельефы выполнены с таким изяществом и естественностью, что поневоле вызывают восхищение.

Статуэтку царицы Нефертити следует отнести к величайшим шедеврам мирового искусства. Ее обнаружили немецкие археологи, проводившие раскопки в Эль-Амарне, в настоящее время она находится в Берлинском музее.

К сожалению, только два художника этого периода известны по именам¹⁷. Один из них – некий Ауа, представленный на рельефе, который был создан спустя примерно восемь лет с начала перемен. Показательно, что он был придворным художником царицы Тиу, возможно, что именно он и его покровительница и стали основателями нового направления в искусстве.

Однако и сам царь был уже достаточно взрослым, чтобы принимать активное участие в происходящем, поскольку другой художник, чье имя нам также известно – Бек, утверждает, что он руководствовался распоряжениями лично фараона. Таким образом, вполне можно предположить, что в новых канонах нашли выражение вкусы Эхнатона, хотя к тому моменту, когда эти каноны были установлены, ему исполнилось всего лишь пятнадцать лет.

Глава 8

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО КУЛЬТА

На скалах, расположенных близ каменоломни Вади-Хамамат, сохранилась весьма интересная надпись, явно относящаяся к описываемому периоду. Она состоит из трех картушей, расположенными над двумя знаками «неб», символизирующими верховную власть, а над картушами помещен диск с расходящимися лучами – символ новой религии.

Один из этих картушей, окруженный высокими перьями, которые традиционно носили царицы, содержит очень короткую надпись. Очевидно, что это может быть только имя

¹⁵ В короне Верхнего Египта Эхнатон изображен на стеле, находящейся в Каирском музее, и на фрагменте, переданном полковником Андерсоном в музей Ашмола (Оксфорд).

¹⁶ Из надписи на «палермском камне» нам известно, что царство Нижнего Египта гораздо древнее, чем царство Верхнего Египта.

¹⁷ Известно имя еще одного художника – Тутмоса, работавшего в конце царствования Эхнатона.

царицы Тиу¹⁸. В других двух картушах располагались имена «Аменхотеп IV» и второе имя фараона.

Надпись подтверждает, что уже после того, как возникла символика нового культа, и до того, как молодой царь принял имя «Эхнатон», царица Тиу считалась по рангу равной фараону. Очевидно, она все еще исполняла обязанности регента.

С семнадцати до девятнадцати лет юный фараон, судя по всему, внимательно следил за всеми переменами, происходившими в стране. Со всей горячностью молодости он принялся поддерживать реформаторов, и можно предположить, что царице Тиу требовалось призвать на помощь все свои дипломатические способности, чтобы удержать Эхнатона от необдуманных действий, которые могли вызывать недовольство его подданных.

Понятно, что жрецы Амона были крайне недовольны приверженностью фараона к Ра-Хорахти, и, хотя он по-прежнему воздавал формальные почести фиванскому богу, они сознавали, что в любой момент фараон может отвернуться от их божества. Наверняка происходили многочисленные стычки между верховным жрецом Амона-Ра и юным верховным жрецом бога солнца.

Новое искусство, отвергавшее условности старого культа, вызывало у жрецов отвращение, новые религиозные идеи совершенно не вязались с их косными доктринами, и многое из того, что говорил фараон, казалось им абсолютной ересью. Поток новшеств, направляемый мальчишеской рукой, грозил смести их, подхватить и унести неведомо куда.

Придворные вельможи и сановники во всем следовали за своим юным повелителем и внимательно прислушивались к каждому его слову. Иногда эти слова являлись результатом его собственных размышлений; возможно, в ряде случаев он повторял высказывания своей дальновидной матери, а время от времени из его уст можно было услышать речения придворных мудрецов. Прорицатели из Азии рассказывали ему о своих видениях; философы соблазняли его тайными знаниями; поэты пели ему песни, воскрешая предания далекой старины; жрецы неведомых богов излагали ему свои верования. Эхнатон никогда не прогуливался в тени ливанских кедров, не видел сирийских гор, но тем не менее гимны Адониса и песни Ваала были столь же хорошо знакомы ему, как и торжественные песни, посвященные Амону-Ра.

При фиванском дворе собрались представители почти всех народов мира. И отовсюду: из Сардинии, с Сицилии и Кипра, из садов Персии, ливанских рощ и пустынь Эфиопии – они принесли свои верования и учения. Вавилон нашептал ему тайны глубокой древности. Юношески пытливый ум фараона жадно впитывал эту мудрость, приобщаясь к подлинным сокровищам человеческой мысли.

Следует также помнить, что в жилах фараона текла чужеземная кровь. Люди, составлявшие его окружение; хотя и были весьма образованными, оставались все теми же суеверными египтянами, слепо почитавшими фараона как носителя божественной власти. Идеи, рожденные пылким ищущим разумом, с готовностью воспринимались этими девственно чистыми, хотя и несколько ограниченными умами.

Египтяне никогда не отличались особой оригинальностью, но обладали завидным умением приспосабливаться и редкой способностью к подражанию. Те вельможи, чье благополучие зависело от расположения царя, вскоре научились петь с ним в унисон.

Изо дня в день они ревностно старались следовать по пути истины, заботливо убеждая себя, что новое учение открывает перед ними невиданные прежде горизонты, радостно восхваляли мудрость мальчика-царя и с ужасом ожидали, когда и как обрушится на них гнев Амона. Фараон вместе с матерью склонили на свою сторону нескольких представителей высшей знати. Об этом свидетельствуют находки в гробнице визиря Рамоса. Уже говорилось о том, что этот чиновник построил для себя усыпальницу в фиванском некрополе. На ее

¹⁸ Позднее имя Тиу и второе имя фараона были стерты, сохранилось только имя «Аменхотеп». Автор книги снял факсимильное изображение надписи, чтобы скорректировать запись, сделанную Голенищевым. Факсимиле напечатано в «Путешествии в пустыни Верхнего Египта».

стенах сначала появилось изображение юного фараона, выполненное в традиционной манере. Позже к нему добавился еще один портрет фараона, стоящего под лучами, исходящими от солнечного диска, выполненное уже в новом стиле.

Среди разных сцен и надписей, которыми Рамос дополнил убранство гробницы, имеется запись речи фараона, обращенной к нему, Рамосу, и его ответа.

«Слова Ра, – сказал царь, – вот они... Мой августейший отец¹⁹ объяснил мне их суть и открыл мне их... Они понятны моему сердцу и открыты моему взору... Я знаю...»

«Ты единственный у Амона, тебе ведомы его замыслы, – отвечает Рамос. – Ты повелеваешь горами. Они боятся тебя в сердце своем, как боятся тебя люди. Горы внимают тебе, как внимают тебе твои подданные».

Судя по этим словам, знать была знакома с некоей доктриной, которая к тому времени уже сложилась в голове фараона. Важно отметить, что в росписях встречаются изображения Рамоса, нагруженного царскими подарками, поднесенными, вероятно, в награду за преданность.

Видимо, фараон щедро награждал тех, кто подхватывал и развивал его идеи, сразу же, как только они возникали, вероятно, и многие из тех, кто в душе не разделял воззрений фараона, примкнули к его сторонникам из жажды обогащения.

Царю нужна была любая возможная поддержка, поскольку по мере формирования его учения назревал открытый конфликт с жрецами Амона-Ра. Хотя подавляющее большинство египтян безоговорочно последовали за своим фараоном просто потому, что он был их повелителем, существовала реальная опасность того, что жители Фив, подстрекаемые жрецами Амона-Ра, будут сопротивляться любым попыткам посягнуть на права их местного бога.

Похоже, что юный фараон обладал большой силой воли, допустим также, что он унаследовал от своих прославленных предков твердый характер, правда, у нас нет никаких свидетельств того, что они этим качеством обладали.

Нет сомнений, что на протяжении всей своей жизни и спустя несколько лет после своей смерти он пользовался любовью своего народа. Только оценив, сколь преданно следовали за ним его вельможи, пока у него были силы и здоровье, чтобы вести их, и насколько растерялись придворные после его смерти, начинаешь понимать, какое огромное влияние он оказывал на своих приближенных.

Даже когда фараон был совсем юным, они, видимо, испытывали огромное уважение к серьезному, задумчивому мальчику; за обычной лестью и традиционными уверениями в преданности проглядывают порой искренняя личная привязанность к царю.

Здесь же следует упомянуть о рождении первой дочери правителя – это произошло примерно на пятый год его правления, когда ему было около восемнадцати лет. Девочку назвали Меритатон, «возлюбленная Атона», и, хотя, возможно, рождение дочери, а не сына стало серьезным разочарованием для царственной четы, к ребенку относились с трогательной нежностью, как станет ясно в следующих главах.

Глава 9

ПРИРОДА НОВОГО КУЛЬТА

В новом культе, который пропагандировал фараон, не было ничего слишком возвышенного или непривычного. Идея монотеизма еще не сформировалась, и Ра-Хорахти отнюдь не считался единственным богом. В надписях нового храма в Карнаке, как мы уже говорили, упоминались и Гор, и Сет, и Упуат, и другие боги, среди которых присутствовал и Амон.

В гробнице Рамоса изображение богини Маат не было стерто со стен: она по-прежнему

¹⁹ Имеется в виду бог.

защищала фараона; в подписях имелось обращение к Гору. В гробнице Хоремхеба мы находим имена Осириса, Исида, Нефтиды и Хатхор; особые почести воздавались богам некрополя. Сам Хоремхеб продолжал считаться верховным жрецом Гора. Среди надписей присутствует ритуальное обращение к Ра, упоминаются и Тот, и Маат. На скарабеях этого времени фараон именуется возлюбленным Тота, бога мудрости.

В письме к фараону, датированном пятым годом его правления, упоминаются и Птах, и «боги и богини» Мемфиса. Это письмо настолько примечательно, что следует поговорить о нем более подробно. Его отправителем является некий Апиу, царский чиновник из Мемфиса. Две копии этого письма Гриффит обнаружил в Гуробе. Они датируются девятнадцатым днем третьего месяца зимы пятого года правления Аменхотепа IV.

Письмо открывается перечислением всех титулов фараона, среди которых – «Великий повелитель храма в Карнаке», «Правитель Фив», а также особое прозвание – «Живущий праведно», которое с этого времени всегда прибавляется к его имени. Затем следует приветственное пожелание: «Да поможет Птах прекраснотелый тебе во всех делах твоих, сотворивший твою красоту, твой истинный отец, который призвал тебя из своей обители направлять пути Атона».

Далее мы читаем, собственно, основной текст письма: «Сим сообщаю моему господину, (да будет он) жив, здоров и счастлив, что храм его отца Птаха славится и процветает... усадьба фараона благоденствует, подношения всем богам и богиням, которых почитают на земле Мемфиса... (собраны) полностью, и нет ничего, чтобы этому помешало».

Затем перечисляются титулы правителя, в конце приводится дата.

Итак, ясно, что на пятый год правления Эхнатона, когда ему было восемнадцать лет, в Египте по-прежнему почитались различные боги. Хотя художественный стиль радикально изменился и Ра-Хорахти под именем Атона всерьез начинал претендовать на главенство, пока еще не было речи о возвышенном монотеизме, который вскоре стал проповедовать фараон.

В той части гробницы Хоремхеба, которая датируется этим периодом, имеется следующее обращение к Ра-Хорахти: «Ра, великий бог, владыка небес, властелин земли, тот, кто приходит из-за горизонта и освещает две стороны (Египта), солнце тьмы, ты, величайший, Ра». И потом: «Ра, господин истины, великий бог, владыка Гелиополя... Хорахти, единственный бог, Владыка богов, который поднимается на востоке и дарит всем свою красоту».

В других источниках бога называют «Ра-Хорахти, торжествующий на горизонте под именем подателя тепла Атона».

Очевидно, что здесь мы имели дело всего лишь с традиционным культом Гелиополя с небольшими заимствованиями из культа сирийского Адониса или Атона. В Гелиополе жил Мневис, священный бык, который считался воплощением Ра-Хорахти, и соответственно ему воздавались божественные почести, как и более известному быку Апису из Мемфиса.

Фараон в то время сам разделял это суеверие, и так продолжалось еще в течение года или двух. Почитание «подателя тепла Атона» давало пищу для размышлений по поводу идеальной природы солнца. Однако, кроме этого, в новой религии еще не было ничего примечательного.

Часть третья ЭХНАТОН ОСНОВЫВАЕТ НОВЫЙ ГОРОД

Человек, исполненный величайшей отваги, который не побоялся бросить вызов многовековой традиции... он провозгласил идеи, намного опередившие его эпоху.

Брестед. История Египта

Глава 1

РАЗРЫВ СО ЖРЕЦАМИ АМОНА-РА

Ожидавшийся конфликт со жрецами Амона не заставил себя долго ждать. О деталях происшедшего нам ничего не известно, но можно предположить, что инициатором его выступил сам Эхнатон, пожелавший избавиться наконец от тягостного гнета системы, которая оказывала такое противодействие его начинаниям.

Нет никаких свидетельств того, что в этот период он запретил поклонение Амону или распустил коллегия жрецов. Лишь спустя несколько лет, когда умерла его мать, началось жестокое преследование фиванского бога, из чего можно сделать вывод, что именно Тиу удерживала Эхнатона от решительных действий.

На шестом году своего правления и девятнадцатом году жизни Эхнатон уже выработал те принципы, которые вскоре должны были привести к существенным переменам в новом придворном культе. Без сомнения, он понимал, что бесполезно пытаться обратить население Фив в новую веру; день ото дня он понимал все яснее, что и культ Ра-Хорахти-Атона, и те свежие идеи, которые он пытался туда привнести, не получают развития во враждебной атмосфере, окружавшей его и его ближайших сторонников.

Со стен храмов, с пилонов и ворот, с колонн и обелисков на молодого царя вызывающе взирали изображения Амона, на каждом шагу он встречал символы, говорившие о могуществе этого бога. Огромный храмовый комплекс Амона затмевал небольшой храм в Карнаке, а жрецы, служившие у вновь построенного алтаря, терялись среди толпы прислужников фиванского бога. Разве мог цветок вырасти и расцвести в бесплодной земле? Как мог луч солнца пробиться сквозь завесу догм и традиций?

Без сомнения, фараон попытался подорвать могущество жрецов Амона, сократив до минимума отпускаемые им средства и переманив на свою сторону некоторых высших жрецов. Если бы ему удалось низвести культ Амона до уровня других второстепенных культов, он, скорее всего, этим и ограничился, ибо в то время он мечтал только о том, чтобы поставить Ра-Хорахти-Атона выше всех остальных богов. Но коллегия жрецов Амона обладала огромными ресурсами, и Эхнатон не видел реальной возможности ослабить их влияние.

Пытаясь решить проблему, царь наконец предпринял тот шаг, который давно уже обдумывал вместе со своими советниками. Он решил покинуть Фивы. Он построит новый город, где не будет этого враждебного окружения, чтобы жить там и поклоняться своему богу.

На пустом месте он возведет земной дом Ра-Хорахти-Атона и там вместе со своими преданными последователями осуществит все замыслы, которые он вынашивал в своей душе. Одновременно он низведет Фивы до положения провинциального города и тем самым ослабит власть жрецов Амона, поскольку сам Амон уже не будет государственным богом, богом столицы. Он отряхнет фиванскую пыль со своих ног и не станет больше раздражаться при виде великолепия Амона.

Первым делом фараон сменил имя. Вместо Аменхотепа («Мир Амона») он стал именоваться Эхнатоном («Радостью Атона»). С этого времени ни разу имя Амона не прозвучало из его уст. Он сохранил и два других своих имени, «прекраснейший из всех созданий Ра» и «единственное воплощение Ра», последнее часто использовалось им. Вместе с тем фараон полностью отказался от тех титулов и имен, в которых упоминался Карнак.

Теперь он все чаще именовал своего бога Атоном, а имя Ра-Хорахти становится все менее и менее значимым, хотя и продолжает употребляться на протяжении всего времени правления Эхнатона.

Глава 2

ЭХНАТОН ВЫБИРАЕТ МЕСТО ДЛЯ СВОЕГО ГОРОДА

Представим теперь, как юный фараон плыл вниз по реке в своей королевской ладье, посматривая во все стороны и порой делая остановки, чтобы получше изучить берег. Наконец он нашел место, которое его устраивало. Оно располагалось примерно в 160 милях выше по течению от современного Каира. Здесь горы, тянувшиеся по восточному берегу, примерно на три мили отступали от реки и через пять или шесть миль снова подходили к самой воде.

Небольшой равнинный участок с запада был защищен рекой (как раз напротив этого места из воды поднимался маленький островок), а с берега – неприступными скалами. На острове можно возвести павильоны для увеселений. У берега начиналась узкая полоса плодородной земли, где расцветут дворцовые сады и сады знатных вельмож.

Дальше простиралась пустынная равнина, и на ней разместятся дворец и просторные храмы.

А там, где каменистая пустошь полого поднимается к подножиям скал, пролягут дороги, чтобы по утрам кататься по ним на колесницах.

В скалах он высечет свою гробницу и усыпальницы своих последователей, а на горном кряже поставит через равные промежутки пограничные столбы, чтобы все могли понять, где проходят границы города. Какие прекрасные гавани появятся на берегах реки, какие дворцы отразятся своей белизной в ее водах! Там будут широкие тенистые улицы и мерцающие озера, окруженные прекрасными деревьями, привезенными из Азии. Высокие пилоны вознесутся к голубым небесам, и широкие дворы храмов будут купаться в лучах солнца.

Эхнатон уже видел перед собой эти храмы и дома, слышал звуки чарующей музыки. Вместо крестьянских лачуг и полей взору его предстал величественный и роскошный дворец, а вместо песни одинокого пастуха ухо его улавливало торжественные напевы гимнов во славу Атона.

Эхнатон полностью оказался во власти своей прекрасной мечты. Возможно, царица Тиу не разделяла его восторгов. С Фивами ее связывало множество воспоминаний; ей был дорог ее собственный дворец над озером. Вот почему у нас есть все основания считать, что вдовствующая царица продолжала жить в Фивах и после того, как ее сын покинул город.

Глава 3

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА

Подготовительные работы не заняли много времени, и вскоре Эхнатона пригласили, чтобы он лично провел церемонию по закладке города. Надписи на нескольких пограничных стелах повествуют о том, как молодой фараон отмечал границы своей будущей резиденций²⁰. В первой надписи говорится следующее:

«В тринадцатый день четвертого месяца второго сезона шестого года правления фараон посетил небесный город Атона²¹. Его Величество поднялся на колесницу, подобно Атону, поднимающемуся над горизонтом и озаряющему землю своей любовью, и отправился в путь из своего лагеря к тому месту, где лежал город Атона... Небо и земля и каждое сердце радовались, когда видели его. И его Величество принес большую жертву Атону, состоящую из хлеба, пива, рогатых быков, безрогих волов, зверей, птиц, вина, фимиама, ладана и всех благоуханных трав в этот день, когда был заложен город Атона.

Совершив все это, чтобы умиловить Атона(фараон уехал), из города и воссел на

²⁰ Текст надписи приводится по переводу, выполненному Дэвисом. В нем, однако, имеется ошибка – надпись никак не может датироваться четвертым годом правления фараона, поскольку Апиу в упомянутом нами письме указывает в качестве даты пятый год и при этом называет своего повелителя Аменхотепом, в то время как в данной надписи его уже именуют Эхнатоном.

²¹ Ради краткости в дальнейшем используется название «город Атона».

своим троне, и отец его Атон был с ним, изливая на него сияние в продолжение дня, и давал силу его телу.

И его Величество сказал: приведите ко мне моих соратников, могущественных сановников, военачальников и знатных людей сей страны. И они вошли к фараону и упали ниц перед ним и целовали перед ним землю. Сказал им фараон: узрите город Атона, который Атон повелел мне построить, и прославить имя мое вовеки. Ибо Атон, Отец мой, привел меня на это место. Ни один знатный вельможа не привел меня сюда, и ни один человек во всей земле не указал мне этого места, и никто не промолвил: «Вот хорошее место, где Его Величество может возвести город Атона». Атон привел меня сюда, чтобы я построил город для Него. Фараон нашел эту землю, и она не принадлежит ни богу, ни богине, ни сановнику, ни жене его. Никто из живущих не может предъявить права на нее(и они ответили и сказали). Воистину Атон вложил в сердце твое желание найти это место. Никого из царей не возвысил он так, как тебя.

Волей твоей будет принадлежать Атону любая земля, ты украсишь для него города, которые он воздвигнет для себя; ты отдашь ему все страны, все края; Ханебу приносят ему дань, ибо он дал им жизнь, ибо его лучами, исходящими от него, они живут и дышат. Да дарует он вечность всем, кто видит лучи его. Да благоденствует град его подобно самому Атону, сияющему в небесах во веки веков!

Воздев свою руку к небесам, к тому, кто сотворил его, фараон сказал: да будет жить отец мой Ра-Хорахти-Атон, величайший и вековечный Атон, дающий жизнь всему живому, мой отец, моя опора и защита, моя память о вечности, мое свидетельство о том, что принадлежит вечности, сотворивший сам себя, не имевший творца, неизменно являющий себя на восходе и закате каждого дня. На небесах и на земле любое око неизменно узрит его, когда он озаряет землю своими лучами, сумев найти каждый лик, обращенный к нему. Да наслаждаются очи мои лицезрением его, когда он является в храме Атона в городе Атона и изливает себя через лучи свои, прекраснейший в любви, и озаряет мою жизнь и вечность.

Я основал здесь город Атона, для Атона, моего отца. Я не буду строить город севернее или южнее, дальше на запад или дальше на восток. Я не перейду ни северных, ни южных границ далее пограничных камней и не буду строить там город. И с западной стороны я не буду возводить город. Я построю город для Атона, моего отца, на восточном берегу, в том месте, которое он избрал и окружил горами, и сотворил равнину среди гор, чтобы я мог принести ему жертвы. Если царица скажет мне: «Вот хорошее место для города Атона» – и укажет иное место, я не послушаю ее. Если знатный вельможа или другой человек в этой земле скажет мне: «Вот хорошее место для города Атона» – и укажет иное место, я не послушаю его. Найдется ли место ниже по течению, южнее, западнее или восточнее, я никогда не объявлю: «Я оставляю этот город Атона и уйду, чтобы построить город в лучшем месте». Ибо я нашел этот город Атона для Атона, как он сам того пожелал, и здесь он возрадуется ему в вечности.

В этом месте я построю храм Атона для Атона, моего отца. В этом месте я построю «Тень Солнца» главной жены царя Нефертити для Атона, моего отца. В этом месте построю Дом Радости для Атона, моего отца, на острове «блистательного Атона праздничного». В этом месте я сделаю все, что потребно Атону, моему отцу. Для себя я построю дворец фараона, и я построю дворец царицы. В этом месте я повелю построить свою гробницу в восточных горах, и гробницу для главной жены царя Нефертити, и гробницу для дочери фараона Меритатон. Если я умру в другом городе, на севере, юге, западе или востоке, то да перенесут меня сюда, чтобы похоронить в городе Атона. Если царица цариц Нефертити, доброго ей здоровья, умрет в другом городе на севере, юге, западе или востоке, то перенесут ее сюда, чтобы похоронить в городе Атона. Если дочь фараона Меритатон умрет в другом городе на севере, юге, западе или востоке, то да перенесут ее сюда, чтобы похоронить в городе Атона. И пусть гробницу для Мневиса построят в восточных горах и похоронят его в ней. Пусть возведут в восточных горах гробницы для верховного жреца и Божественных Отцов и жрецов бога нашего Атона и похоронят их там. Пусть гробницы сановников и всех

прочих возведут в восточных горах и похоронят их там.

И пока живет мой отец Ра-Хорахти-Атон... (слова) жрецов, зловреднее они тех слов, что я слышал до четвертого года, зловреднее тех слов, что слышал царь Небмаара (Аменхотеп III), зловреднее тех слов, что слышал Менхеперира (Тутмос IV)».

Оставшаяся часть надписи сильно повреждена, так что можно прочитать только несколько слов. Похоже, что в них сообщается о дальнейших планах фараона, о том, как ладьи и баржи будут плавать в город и из него, как он построит амбары, как будут праздноваться праздники, какие он посадит деревья и т. д.

Любопытна отсылка к четвертому году: похоже, именно в это время фараону стало ясно, что пора начать войну со жрецами Амона. Мы уже отмечали, что на четвертый год царствования изменился художественный стиль и появился символ солнечных лучей. Упоминание о двух предыдущих фараонах доказывает, что борьба началась подспудно уже при них, но на долю Эхнатона выпало довести ее до конца.

Глава 4

ВТОРАЯ ЗАПИСЬ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА

Данная надпись была выбита не сразу, а спустя несколько месяцев после событий, о которых в ней рассказывается. Как только граверы закончили свою работу, у царя и его жены родилась вторая дочь, названная Мекетатон. Немедленно были отданы распоряжения о том, чтобы ее изображение поместили на пограничной стеле рядом с изображением ее сестры, стоявшей рядом с Эхнатомом и Нефертити.

Возможно, правитель сильно огорчился, что боги не даровали ему сына, ибо ему было горько осознавать, что в случае его смерти все его планы рухнут. Поэтому он и внес изменения в текст, который следовало написать на других пограничных стелах. Введя свою клятву в текст, он придал декрету большую законченность. В текст надписи было включено также имя второй дочери, и он стал звучать следующим образом:

«В тринадцатый день четвертого месяца второго сезона шестого года.

В этот день фараон находился в городе Атоне в раскрашенном шатре, сделанном для Его Величества, именовавшегося «Атон радостный». Его Величество поднялся на большую колесницу, запряженную парой лошадей, подобно Атону, поднимающемуся над горизонтом и озаряющему два царства своей любовью. И он отправился в город Атоне в первый раз... чтобы посвятить его Атону, по воле своего отца Ра-Хорахти-Атона... И он повелел принести богатые жертвоприношения».

Отправившись на юг, его величество остановил колесницу у подножия юго-восточных холмов, пред ликом отца его Ра-Хорахти-Атона, озарившего все дни его и дававшего ему животворную силу. Вот клятва, принесенная фараоном:

«Пока живет мой отец Ра-Хорахти-Атон, пока в моем сердце, наполняя его счастьем, живет любовь к царице и детям ее, да живет главная жена царя Нефертити, вечно попечениями фараона, и дети ее, царская дочь Меритатон и царская дочь Мекетатон, пусть растут попечениями своей матери, главной жены царя.

Эта клятва моя правдива и принесена по доброй воле, и я вовеки не нарушу ее.

Южный пограничный камень находится в восточных горах. Этот пограничный камень города Атоне я положил. Я никогда не пересеку эту границу. Юго-Западный пограничный камень поставлен точно напротив, в горах к западу от города.

Средний пограничный камень находится в восточных горах. Этот пограничный камень города Атоне я положил в горах к востоку от города Атоне. Я никогда не пересеку эту границу. Другой средний камень поставлен точно напротив него в западных горах.

Северо-Восточный пограничный камень я положил. Это северо-восточный пограничный камень города Атоне. Я никогда не пересеку эту границу. Северный пограничный камень поставлен точно напротив него в западных горах.

Город Атоне простирается от южного до северного пограничного камня на 6 атер, ³/₄

кхе и 4 локтя (атер соответствует греческому схойнос, а кхе – схониуму, то есть ста локтям, 40 кхе составляют один атер). Протяженность города от юго-западного до северо-западного пограничного камня в западных горах составляет 6 атер, $\frac{3}{4}$ кхе и 4 локтя.

Пространство между этими четырьмя пограничными камнями от восточных до западных гор есть город Атона. Он принадлежит моему отцу Ра-Хораhti-Атону: все горы, пустыни, луга, острова, возвышенности, низины, земля и вода, селения, пристани, люди, животные, растения и все создания, которым Атон, мой отец, дает жизнь вовеки.

Я не нарушу эту клятву, которую он принес Атону, моему отцу. Я повелю выбить ее на камне, что служит юго-восточной границей, и на камне, что служит северо-восточной границей города Атона. И она будет выбита на камне, что служит юго-западной границей, и на камне, что служит северо-западной границей города Атона. Эти камни не будут повреждены, смыты, разбиты другими камнями. Если они потеряются или их украдут, я восстановлю их на прежнем месте».

Глава 5 ПЕРЕЕЗД ИЗ ФИВ

Судя по приведенной нами надписи, Эхнатон решил включить в состав своих владений и земли на западном берегу реки, напротив первоначально найденного им места; там были обнаружены пограничные стелы, такие же, как на восточном берегу. К тому времени, когда был выгравирован этот указ, фараону исполнилось восемнадцать лет; подобное изменение его планов свидетельствовало о том, что молодой человек вступает в пору своей зрелости.

Заложив свой новый город, фараон, вероятно, вернулся в Фивы, где продолжал по возможности спокойно ждать, когда его мечта станет явью. Ожидание давалось ему тяжело, поскольку конфликт со жрецами Амона становился все острее. Однако фараон был нежно влюблен в свою жену Нефертити, которая к этому времени стала очаровательной молодой женщиной пятнадцати или шестнадцати лет, и рождение второго ребенка сильно скрасило ему жизнь.

Легко представить, как царь и его жена уединенно и спокойно жили во дворце, неустанно мечтая о том счастливом дне, когда появится новый город, где возродится и будет процветать культ Атона.

Конечно, недуг Эхнатона вызывал тревогу и у него самого, и у его близких, но даже здесь были свои положительные стороны, поскольку эпилептики считались избранниками богов, и Эхнатон, несомненно, принимал свои болезненные галлюцинации за видения, ниспосланные свыше. Множество забот, связанных со строительством города, практически не оставляли времени для размышлений о напастях, которые, как он теперь уверился, призывали на него и его род жрецы Амона.

Так прошел седьмой год правления Эхнатона, не ознаменованный никакими особенными событиями. В Асуане находится памятник, который, возможно, датируется именно этим периодом. Главный царский скульптор Бек, заготавливавший красный гранит для отделки нового города, оставил памятную надпись на большом камне. На нем был изображен сам скульптор, стоящий перед фараоном, фигуру которого позже стерли, и алтарь Атона, над которым расходятся солнечные лучи.

В надписи Бек именуется «главным руководителем работ на Красных(Гранитных) скалах, которого обучал сам правитель, главой скульпторов, изготовивших великие памятники царям в доме Атона, расположенном в городе Атона». Тут же можно увидеть фигурку отца Бека, который также был главой скульпторов, приносящего дары Аменхотепу III, у которого он служил.

Восьмой год правления Эхнатона (царю тогда исполнился двадцать один год) памятен тем, что именно в это время фараон перенес свою резиденцию в новый город. На некоторых пограничных стелах упоминается о повторной клятве фараона; и, поскольку в этой связи последний раз говорится о посещении Эхнатоном новой столицы, можно предположить, что

с той поры он постоянно поселился здесь.

Надпись гласит:

«Эта клятва (шестого года) была повторена в восьмой год, в первый месяц второго сезона, на восьмой день. Царь посетил город Атона, и взошел на колесницу, и осмотрел пограничные камни Атона».

Далее следует перечисление этих пограничных камней, надпись заканчивается такими словами:

«И раскинулся город от одних гор до других, от восточного горизонта до западного. Он будет стоять ради моего отца Ра-Хораhti-Атона. И все горы, пустыни, все птицы, весь скот, все то, что сотворил Атон, на что упали его лучи, все, что есть в городе Атона, принадлежит отцу, животворящему Атону, и пребудут в храме Атона вовеки, как жертвоприношения его духу. И пусть на них падут его прекраснейшие лучи».

Наконец планы фараона были воплощены в жизнь. Через два года, заполненных напряженной работой, город стал обретать очертания. Дворец фараона был почти закончен, виллы сановников достраивались. Облегченно вздохнув, Эхнатон наконец смог распрощаться с Фивами.

Только что у него родилась третья дочь, которую называли Анкхсенпаатон, и вся большая семья фараона отправилась в путешествие вниз по Нилу. Мы можем представить себе эту картину. Сам Эхнатон, болезненный молодой человек, прохаживался по палубе царской баржи, обняв за плечи свою молодую жену, с маленькой принцессой на руках.

Рядом крутились еще две девочки, одной было примерно два года, а другой – четыре. Здесь же могла находиться и сестра царицы Несеммут, о которой у нас еще пойдет речь. Без сомнения, Аи и Ти, отец и мачеха Нефертити, а также сановники, которым суждено сыграть свою роль в нашей истории, сопровождали царскую чету в ее странствии к новому дому.

Глава 6 ВОЗРАСТ ЭХНАТОНА

В тот момент, когда разворачивалась описанная выше сцена, фараону, по нашим подсчетам, исполнился двадцать один год. Теперь мы должны ненадолго прервать наш рассказ, чтобы обсудить непростые вопросы, связанные с определением возраста Эхнатона. Выше мы писали, что фараон женился и вступил на престол примерно в тринадцать лет, что ему было шестнадцать или семнадцать, когда поменялись художественные каноны и появился символ религии Атона, девятнадцать – когда заложили новый город, и двадцать один, когда он перенес туда свою резиденцию. Обсудим эти датировки по порядку.

Прежде всего обратимся к женитьбе фараона. Как установил профессор Эллиот Смит, мумия Тутмоса IV, деда Эхнатона, принадлежала человеку моложе двадцати шести лет. Престол унаследовал его сын Аменхотеп III, который, как известно, женился на царице Тиу на втором году своего царствования и был достаточно взрослым, чтобы участвовать в больших царских охотах.

Трудно поверить в то, что в возрасте моложе двенадцати лет ему разрешили бы присоединиться даже под присмотром к охотникам, но, если ему было больше двенадцати, его отец должен был бы жениться до того, как ему самому исполнилось двенадцать.

Остается только сделать общий вывод, что и Тутмосу и Аменхотепу едва исполнилось тринадцать, когда они вступили в брак, хотя, возможно, они были еще моложе. Это заключение подтверждается тем фактом, что, согласно выводам профессора Э. Смита, мумия Аменхотепа принадлежит человеку сорока пяти – пятидесяти лет; еще он правил тридцать шесть лет, значит, к тому моменту, когда он вступил на престол (и женился), ему было не

больше четырнадцати.

Мы не можем точно установить, в каком возрасте женились фараоны – предшественники Тутмоса IV, но, поскольку и отец Эхнатона, и его дед вступили в брак рано, едва ли сам Эхнатон откладывал свою женитьбу до более зрелого возраста. Скорее всего, и его мать, царица Тиу, вышла замуж, когда ей исполнилось десять или одиннадцать. Родившаяся на четвертый или пятый год правления Эхнатона его дочь Меритатон вышла замуж на семнадцатом году его царствования, то есть когда ей исполнилось двенадцать или чуть раньше этого возраста.

Принцесса Анкхсенпаатон, родившаяся на восьмом году правления фараона, вышла замуж самое позднее спустя два года после смерти Эхнатона, то есть в возрасте одиннадцати лет. Другая дочь Эхнатона, Нефернеферуатон, которая была рождена в одиннадцатый год правления ее отца, вышла замуж на пятнадцатом году правления, то есть когда ей было всего четыре года.

Подобные бракосочетания детей распространены в Египте и в наши дни. Те, кто живет на Ниле и изучал национальные обычаи, согласятся, что обычно брачные союзы между детьми правителей заключались, когда жениху и невесте исполнялось по тринадцать лет.

Далее, что касается нововведений в искусстве. В жизнеописании Бакенхонсу, верховного жреца Амона при Рамзесе II, говорится, что он достиг зрелости в шестнадцать лет. Отсюда можно предположить, что в Древнем Египте с этим возрастом связывалось совершеннолетие.

Как известно, в первые годы при Эхнатоне находилась в качестве регента его мать; следует отметить, что в надписи в Вади-Хамамат, где уже присутствует новый религиозный символ, имя царицы Тиу упоминается наравне с именем ее сына. Из этого следует, что Тиу оставалась регентом, когда произошли перемены в художественном стиле, то есть ее сын еще не достиг совершеннолетия, значит, ему еще не было шестнадцати.

В-третьих, следует уточнить возраст Эхнатона в момент основания нового города. Это был первый решительный шаг молодого царя, который он задумал и осуществил без участия матери и, вероятно, даже вопреки ее воле. Соответственно, с этого момента он полностью взял бразды правления в свои руки.

Если Эхнатону исполнилось шестнадцать лет на четвертый год его правления, то факт основания новой столицы на шестой год царствования прекрасно подтверждает предположение, что решение покинуть Фивы знаменует вступление юного фараона в период зрелости. Напомним, что в надписи на стеле четвертый год упоминается как начало некоей новой эпохи.

Правомерно спросить, как в голове столь юного человека мог родиться такой грандиозный замысел, как постройка города, посвященного Атону. Но в конце концов, когда Эхнатон приступил к осуществлению своей идеи, ему уже исполнилось девятнадцать лет, и лишь в двадцать один он перенес в новый город свою резиденцию. Позже мы увидим, что подлинное величие Эхнатона проявилось лишь с началом его правления в городе Атоне.

И все же, вспомнив о детях-чудотворцах и детях-проповедниках древних эпох, вполне можно допустить, что юноша в восемнадцать лет задумал строительство города. Подобные мыслители вовсе не такая большая редкость даже на холодном Западе, так что, очевидно, они являлись в не меньшем количестве и в благодатном тепле Востока. Так, например, калиф эль-Хакким начал царствовать в одиннадцать лет, и ему было всего шестнадцать, когда он обнародовал свои первые декреты касательно религии и политики.

Часть четвертая

ЭХНАТОН ФОРМУЛИРУЕТ КУЛЬТ АТОНА

Впервые в мире была создана столь грандиозная теологическая система, ставшая предвестием всех последующих

монотеистических культов.

Петри. Религии Древнего Востока

Все существо Эхнатона было пронизано ощущением божественного, его душа отличалась невероятной чувствительностью и пронизательностью, и это позволяло ему замечать видимые проявления Бога повсюду в окружающем мире.

Брестед. Религия и мысль в Древнем Египте

Глава 1 АТОН – ИСТИННЫЙ БОГ

Оказавшись среди прекрасных дворцов и пышной зелени своего нового города, Эхнатон, которому теперь исполнилось двадцать два года, полностью посвятил себя разработке своей религиозной системы. Соответственно, нам необходимо ознакомиться с основными принципами этого наиболее прогрессивного религиозного учения Древнего мира и разобраться хотя бы в общих чертах в том «символе веры», который фараон сформулировал исходя из культа Ра-Хорахти-Атона, определявшего его образ мыслей в детстве.

Первоначально Атону поклонялись как солнечному диску – и только. Но теперь его стали называть «Тепло, которое есть Атон», и Эхнатон, выдвинув на первый план именно этот аспект божества, обратил взоры своих последователей к силе гораздо менее вещественной и конкретной, чем солнечный диск, который они прежде почитали.

Согласно учению Эхнатона, бог был той силой, которая порождала само солнце, энергией, проникавшей на землю в виде света и солнечного тепла, пробуждая к жизни все живое. Сейчас последователь движения «Христианская наука» скажет вам, что Бог является источником жизни, и в тех случаях, когда научные построения не дают удовлетворительных объяснений, следует предположить вмешательство Бога. Он есть творец энергии, первопричина всего сущего. Эхнатон, живший за тысячелетия до появления этого движения, определил бога практически так же.

В те времена, когда люди верили (как некоторые верят и сегодня), что бог является просто сильно улучшенной копией земного существа и обладает вполне конкретной формой, юный фараон заявил, что бог – это бесформенная субстанция, зародыш мысли, сила любви, наполняющая время и пространство.

Другими словами, в восприятии юного фараона Атон совершенно не походил ни на одного из тех старых богов, которым в то время поклонялись в Египте. Атон был практически таким же, каким представляют Бога в современном мире. Все качества, которыми фараон наделял Атона, можно найти и у нашего христианского Бога.

Подобно яркой вспышке метеора в ночном небе, Атон мелькнул во тьме египетской и снова исчез, как первое предвестие будущей великой религии Запада. Любой, кто свободен от закостенелых предрассудков, согласится, что в учении Христа прослеживается более очевидное сходство с культом Атона, нежели с той верой, которую проповедовали Авраам, Исаак и Иаков.

Учение ветхозаветных патриархов признано в качестве непосредственного предшественника христианской доктрины, но культ, созданный Эхнатоном, воспринимается как законченный его прототип. Можно даже поверить в то, что могущественный Бог на какое-то время явил себя в Египте и был услышан яснее, чем слышали его в Сирии или в Палестине до времени Христа, хотя это и не имело столь далеко идущих последствий.

Глава 2 АТОН – МИЛОСЕРДНЫЙ ОТЕЦ ВСЕГО СУЩЕГО

Амон-Ра и все старые боги Египта являлись не кем иным, как обожествленными

смертными, наделенными необычайной, хотя и ограниченной властью, и сохраняли во многом человеческие привычки и черты характера. Другие боги, как мы говорили, были олицетворением природных объектов и явлений: ветер, Нил, звездное небо и тому подобное. Все эти божества были ужасны и мстительны; их поступки диктовались вполне человеческими чувствами.

Но для Эхнатона Бог был нематериальным вездесущим и вечным Отцом человечества, проявлявшим себя через солнечный свет. Подобная концепция не имела аналогов во всей предшествующей истории человеческой мысли.

Молодой верховный жрец призывал подданных искать своего бога не в шуме битв, не в дыму человеческих жертвоприношений, а среди цветов и деревьев, диких уток и рыб. Он проповедовал, что учиться следует у природы, явившись в некотором роде первым адептом учения об «апостольской жизни».

Он старался разрушить устоявшиеся традиции и неустанно побуждал свой народ поклоняться «праведно», не придавая особого значения религиозной обрядности. В то время как прежние боги являли свою власть чаще всего во время бедствий и потрясений, милосердный Бог Эхнатона присутствовал ежеминутно в самом течении жизни, в подрастающих зверятах, в легком ветре, наполнявшем паруса, в рыбах, плещущихся в реке. Как и другой учитель, более великий, чем он, Эхнатон наставлял своих учеников обращаться к создателю как к «Отцу Небесному».

Атон был той радостью жизни, которая заставляла яростно «танцевать», а птиц порхать в вышине. Сам Эхнатон был скорее склонен печалиться, чем веселиться, но он стремился пробудить в сердцах своих сторонников прежде всего радость.

Эхнатон не позволял, чтобы Атона изображали в каком-либо конкретном образе, считая, что истинный Бог не имеет осязаемой формы. Символом его культа стал солнечный диск, из которого исходили многочисленные лучи, заканчивавшиеся изображением руки, но этому символу не поклонялись.

Подобным же образом и для христиан крест символизирует их веру, но не является объектом поклонения. Никогда прежде не было у людей божества, не имевшего конкретной формы, бога, которому нельзя приписать пяти человеческих чувств. Иудейские патриархи верили в то, что Бог способен прогуливаться по саду, наслаждаясь прохладой вечера; а раз он создал человека по своему подобию, значит, у него самого было лицо, конкретные формы и части тела.

Но Эхнатон, порвав с традицией, провозгласил, что бог есть животворящая нематериальная сущность, тепло, заключенное в солнце. Он был «живым Атоном», той силой, которая породила и поддерживала движение и сияние солнца. Хотя само солнце часто называли Атоном, точнее определить его как «Созданное Атоном».

Сияющий солнечный диск был самым обиходным символом божества, а теплые лучи солнечного света обозначали столь же очевидную связь между небом и землей, и все же Эхнатон призывал мыслителей обратить свои взоры от этого видимого проявления бога в вышние сферы, к тому, что «находилось за покровом».

Говоря о силе более могущественной и отдаленной, чем солнце и проявляющейся через него, юный фараон сумел узреть вечность в тех максимальных пределах, каковые доступны человеку на земле.

Несмотря на такую отдаленность, Атон оставался нежным, любящим отцом для всех живых существ. Он слышал все, даже лепет младенца и блеяние ягненка, зовущего свою мать. Далекий Атон спешил утешить их. Он был «любящим Отцом и матерью всех тех, кого создал», который «одарил своей милостью миллионы».

Жестокая разрушительная сила солнца, безжалостный зной, в котором весь Египет задыхался и стонал во время летних месяцев, никак не связывались с добрым божеством Эхнатона. Атон считался «Любящим Повелителем». Он воспринимался как ласковая няня, которая «дарует детей женщинам и успокаивает младенцев, чтобы они не плакали». Его любовь, если использовать египетское выражение, «вызывает дрожь в руках». Его лучи,

напоенные любовью, озаряют его народ и его город. «Твоя любовь велика и беспредельна, – говорится в одном из гимнов Эхнатона. – Ты наполняешь земли Египта своей любовью»; и в другом месте: «Лучи твои пронизывают земли. ...Ты ослепляешь их своей любовью».

Ни разу в мировой истории никто не представлял человечеству бога, настолько «любившего мир». Напрасно искать в надписях упоминания о наказании непокорных, мести, ревности или ненависти. В псалме Давида говорится: «Как отец милует сына, так милует Господь боящихся его». За много столетий до того, как были произнесены эти слова, Эхнатон приписал подобные же качества Атону.

Атон был сострадательным, милосердным, благородным нежным богом, он не ведал злобы и гнева. Любовь, переполнявшая его, изливалась на всех, начиная с людей и кончая скромным полевым цветком. «Все цветы склоняют свои головки, – говорится в одном из гимнов Эхнатона, – и все, что растет на земле, расцветает при восходе твоём, о Атон. Они пьют сполна(тепло) от лика твоего. Весь скот скачет, птицы покидают гнезда и радостно порхают, их крылья машут быстрее, прославляя живущего Атона».

Для помпезного Египта удивительно описание бога, который слышит «писк цыплят в скорлупе», давая им жизнь, он радуется, что они могут питаться и чирикать, а птицы могут «порхать над лугами, а овцы – танцевать».

Молодой фараон впервые в истории человечества познал истинную сущность Бога, как мы знаем Его сейчас. Его бог – милосердный создатель всего живого, который хотя и находится далеко и не имеет телесного образа, но способен любить каждое из созданных им существ, больших или маленьких.

Четкость и последовательность, с которыми Эхнатон провозглашал беспредельную доброту и любовь бога, тем более поразительны, что в этом у него не было предшественников. Насколько нам известно, он стал первым человеком, которому бог открылся как бесстрастная квинтэссенция добра.

Глава 3

ПОКЛОНЕНИЕ АТОНУ НА ВОСХОДЕ И НА ЗАКАТЕ

Вероятно, для того, чтобы не допустить возможной трансформации культа Атона в простое поклонение солнцу, Эхнатон приурочил религиозные церемонии к тому времени, когда ощущаются яснее всего светлая красота и нежное тепло солнца и практически не чувствуется его разрушительная сила.

Эхнатон учил своих последователей восхищаться тонкими красками восхода и заката, он верил сам и учил их верить, что в это время можно постичь «неземную красоту» Атона. Радость восхода и закатная тишина рожают самые острые чувства; опаловое рассветное сияние и красный диск на закате пробуждают в душе каждого египтянина величественные видения.

В гимнах Атону встречаются следующие фразы: «Ты сияешь красотой на горизонте, о Атон живущий, дарующий жизнь!

Ты восходишь на восточном горизонте и наполняешь всю землю своей красотой!

Ты прекрасен на закате, о Атон живущий... направляющий... все страны, чтобы они могли прославлять тебя на восходе и закате!

Когда восходит Атон, вся земля радуется. Его лучи отверзают очи всего им созданного, и люди возглашают: «Жизнь в созерцании его, смерть – в невозможности его видеть». Когда ты заходишь, живой как и прежде²², о, Атон, Запад и Восток возносят хвалы тебе».

Ты садишься на западном горизонте. Ты заходишь в жизни и радости, и каждое око радуется, хотя все погружается во тьму после заката».

Похоже, что ритуалы культа Атона не отличались особой сложностью.

²² Имеется в виду, что Атон не умирает, когда угасает свет солнца.

Священнослужителей было немного, они совершали жертвоприношения Атону, состоявшие в основном из плодов и цветов; на всех этих церемониях нередко присутствовал сам фараон со своей семьей. Они молились и пели гимны, отдавая дань великому отцу радости и любви.

Однако Атона простые благодарности улаживали больше, чем любые церемонии. Почему люди должны славить бога в заранее определенных фразах и заданных позах, когда весь чудесный мир просто радуется ему? Теленок, прыгающий по лугу, усеянному маками, и птицы, поющие на деревьях, и облака, проносящиеся по небу, прославляли создавшего их бога.

Созерцание природы давало Эхнатону больше, чем торжественные церемонии, и его мысли чаще уносились ввысь под шелест листьев, нежели под звуки систра.

В одном из недавно обнаруженных текстов в уста Иисуса вложено речение, близкое идеям Эхнатона. «И спроси, – говорится в нем, – кто те, которые ведут нас в царство, если оно находится на небесах? Птицы небесные и все звери, что живут на земле или под землею, все рыбы всех морей, – они ведут тебя. А царство находится внутри тебя».

Глава 4 **БОЖЕСТВЕННОСТЬ АТОНА**

В садах города Атона Эхнатона окружала красота природы. На сгибающихся под тяжестью плодов деревьях весело пели птицы, прохладный северный ветерок шелестел в листьях, заставляя их танцевать на ветвях, множество разноцветных цветов отражались в водах спокойных озер. И когда фараон наблюдал, как солнечный свет играет среди голубых теней, его сердце исполнялось благодарности богу: «О, Владыка, как разнообразны твои труды! – постоянно восклицал он. – Вся земля ликует и радуется благодаря Тебе. Все живое возносит хвалу к небесам, когда видит Тебя!» Как же прекрасен бесформенный и лучезарный Атон! «Все, что Ты создал, – говорит царь, – тянется к Тебе. Твое сияние наполняет глаза жизнью, а сердца силой».

В псалмах Давида говорится: «Господь – Пастырь мой, и я ни в чем не буду нуждаться». Так и Эхнатон искренне восклицал: «Не знает бедности тот, кто носит Тебя в своем сердце. Когда Ты даешь сердцу человеческому жизнь, это есть жизнь истинная». Сияющий, могучий Атон дает силу очам, поднимаясь в сиянии над землей, он дарует пищу и благоденствие Египту.

Несколько веков спустя Давид писал: «Господь – твердыня моя и прибежище мое» (Пс, 17: 3), а Эхнатон подобно ему называл своего бога «стеной высотой в миллион локтей». Атон был «свидетельством вечности» и «Напоминанием о вечном». Он был «Владыкой судьбы», «Повелителем рока», «Хозяином порядка», «истокom судьбы» и «случайностью, дарующей жизнь», – давая богу такие определения, Эхнатон поднялся до вершины современной нам философии.

В отличие от Иеговы, который описывается как величайший из всех богов, Атон не имел соперников, и Эхнатон никогда не использовал слова «бог» во множественном числе. «Атон живущий не имеющий подобных себе» – таков был обиходный эпитет. Говорилось также: «Ты – единственный, но в тебе заключена животворная сила, которая дает жизнь всему сущему».

И опять-таки Иегова достаточно часто воспринимался как гневающийся бог, окруженный облаками и тьмой, чей голос звучит подобно раскатам грома. Атон был «Мирным Владыкой», который не выносил битв и раздоров.

Эхнатон проявил такую последовательность в своем неприятии войны, что отказывался посылать войско для подавления восстаний, постоянно вспыхивавших в его азиатских владениях. Нежную душу божества оскорбляло кровопролитие.

В воинственную эпоху, когда повсюду звенело оружие, мелькали украшенные перьями шлемы и яркие доспехи, Эхнатон выказывал явное пренебрежение ко всему героическому и видел бога таким, каков он есть.

Больше всего на свете Эхнатон любил правду. Египтяне никогда не отличались такими качествами, как искренность, прямолинейность и честность, но Эхнатон, несмотря на царившие вокруг него лицемерие и лесть, всегда говорил о себе как о «живущем праведно». «Я проникся желанием быть правдивым, – говорит один из его последователей, – и испытываю отвращение ко лжи, поскольку я знаю, что царя радует честность».

Еще одно положение учения Эхнатона нашло отражение в тех росписях, которые автор этой книги обнаружил в гробнице Рамоса. Сцена человеческого жертвоприношения, которая часто встречается в росписях в гробницах представителей Восемнадцатой династии, обычно выглядит следующим образом: в гробницу тащат человека, привязанного к салазкам. Подобное изображение имеется на одной из стен гробницы Рамоса и, вероятно, датируется периодом, предшествующим революционным реформам Эхнатона.

Очевидно, что, когда юный фараон провозгласил свою религию любви, он не мог допустить подобных варварских и жестоких церемоний. Упомянутое выше изображение было стерто почти наверняка по приказу царя. Ниже мы покажем, что отрицание человеческих жертвоприношений находится в тесной связи с идеей Эхнатона о невозможности человеческих страданий.

Глава 5 **ЭХНАТОН КАК «СЫН БОГА» ПО ПРАВУ**

Чтобы понять истовое стремление молодого царя к честности и истинности во всем, следует вспомнить о тысячах условностей, сопровождавших любого знатного египтянина того времени в течение всей его жизни. Придворный этикет, в соответствии с которым была расписана вся жизнь фараона, превращал ее в бесконечную череду противоестественных ритуалов.

Создавая учение, основанное на правдивости и простоте, Эхнатон попытался воспитать у своих подданных отношение к фараону не как к земному воплощению бога (чего требовали обычаи), а как к человеку, правда имевшему божественное происхождение. Традиционно фараон держался на расстоянии от подданных – Эхнатона можно было увидеть и среди людей. Дворцовый этикет требовал, чтобы царь проезжал через город, стоя в гордом одиночестве в своей колеснице, – Эхнатон ехал в колеснице с женой и детьми и позволял художникам изображать, как он забавляется со своей маленькой дочерью.

По традиции, изображая фараона, художник подчеркивал прежде всего его величие; Эхнатон настаивал, чтобы его изображали в как можно более естественной обстановке – как он утомленно опирается на посох, как нянчит детей, как обедает. В этом опять-таки проявилось его отвращение к помпезной героизации и стремление к правде.

Но при всей любви к правдивости и искренности, Эхнатон сохранял усвоенную еще в детстве уверенность в том, что, будучи фараоном, он имеет отчасти божественную природу. Согласно религиозным доктринам, он являлся представителем, то есть, согласно фразеологии того времени, «сыном Бога», а по праву своего царского происхождения был «сыном Солнца». Имена фараонов всегда заключались в картуш (овальную рамку), являвшуюся отличительным знаком царского имени. Эхнатон писал имя Атона внутри такого же овала, подчеркивая этим, что права фараона установлены богом и исходят от него. Точно так же позже Христос станет наставлять своих учеников, что существует царство небесное, в котором правит Бог.

Рис. 3. Эхнатон с женой и дочерью на колеснице

И хотя Атон оставался бестелесным, невидимым и непостижимым, он был «царем царей, единственным повелителем владык». Амон-Ра и другие старые божества в разные времена назывались «Владыками богов». Эхнатон именовал Атона «Царем и Богом».

О самом Эхнатоне говорили как о «единственном воплощении Ра, чья красота создана Атоном» и как о «возлюбленном сыне Атона», которого «выносил Атон».

Обращаясь к Атону, придворные должны были произносить следующую формулу: «Твои лучи окружают твой сияющий лик, о повелитель истины, рожденный вечностью! Ты даешь ему свои сроки и годы, ты внимаешь голосу его сердца, ибо ты любишь его; ты сделал его подобным Атону, его, твоего сына, царя. Ты взираешь на него, ибо он происходит от тебя. Ты поместил его пред ликом своим навечно, ибо он любит смотреть на тебя. Волей твоей он пребудет здесь, пока лебедь не станет черным, а ворон – белым, пока горы не сойдут с места, а бездны не обрушатся в реки. Пока стоят небеса, он пребудет».

Некоторые фараоны называли себя «прекрасным ребенком Амона»; Эхнатон заимствовал это словосочетание, и его иногда именовали «прекрасным ребенком Атона».

В качестве фараона и «сына бога» Эхнатон принимал соответствующие почести, но он никогда не забывал о том, что по сути он всего лишь человек. Он искренне желал, чтобы его личная жизнь служила достойным примером для его подданных и чтобы все видели в ней образец естественности и простоты.

Демонстрируя миру в качестве идеала собственную семейную жизнь, Эхнатон всячески подчеркивал важнейшую роль женщины и святость семейных уз. Он публично проявлял нежные чувства по отношению к своей жене, на глазах у всех обнимая ее за плечи. На небольшом украшении, сегодня находящемся в частной коллекции полковника Андерсона, показано, как Эхнатон целует свою супругу, их губы сомкнуты.

В клятве своей он говорил, что в сердце его живет любовь к царице и ее детям. Он называл свою жену «хозяйкой своего счастья... слыша голос которой царь преисполняется радости». Она была также «грациозной дамой», «величайшей любовницей» и «самой красивой из всех женщин».

Как заявлял Эхнатон, любое ее желание становилось для него приказом. Даже во время самых торжественных церемоний царица сидела рядом со своим мужем и держала его за руку. Их дети резвились вокруг. Подобные вещи забавляли нежного отца всего живого гораздо больше, чем запах жертвоприношений.

Редко случалось так, чтобы фараона изображали на рельефах одного, без его семьи, причем вопреки всем традициям фигура царицы имела те же размеры, что и фигура ее мужа, что указывало на их равный статус.

Особого внимания заслуживает привязанность Эхнатона к собственным детям; он учил своих последователей, что бог является отцом, матерью, нянькой и другом юных. Так, несмотря на то что формально он считался «сыном бога», Эхнатон превозносил красоту обыкновенной семьи и подчеркивал святость семейных уз и отцовства.

Глава 6

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТА АТОНА С ДРЕВНИМИ ВЕРОВАНИЯМИ

Развивая свое учение, Эхнатон ежедневно вступал в конфликты со жрецами, представлявшими культы старых египетских богов, и даже с гелиопольскими жрецами Ра-Хораhti, у которых он первоначально заимствовал свою веру. Но теперь она казалась ему слишком ограниченной. Ему пока не удавалось ни ввести поклонение Атону в провинциях, ни начать преследование жрецов других культов. Без сомнения, Эхнатон надеялся, что, сформировав окончательно новый культ, он сможет убедить всю страну следовать его учению. Чувствуя себя в безопасности в своем новом городе, он попытался уточнить собственную доктрину, прежде чем объявлять все другие верования неверными.

Возможно, уже на раннем этапе Эхнатон отказался от церемоний с участием священного быка Мневиса, поскольку гробница для него не была построена, и ни о каких священных животных не упоминается после шестого года правления фараона.

Гелиопольские жрецы с трудом могли узнать свои доктрины в идеализированном учении Эхнатона, хотя отдельные их положения все еще оставались в силе. Некоторые моменты роднили новую веру с сирийским культом Адониса, от которого вел свое происхождение Атон.

Реально влияние этого культа оказалось настолько сильным, что его следы можно найти во множестве других религий. В псалмах слышится отзвук древних языческих мифов, посвященных этому божеству. Возьмем, например, строчки из восемнадцатого псалма:

Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь...
Он поставил в них жилище Солнцу,
И оно выходит, как жених из брачного чертога своего,
РадуетсЯ как исполин, пробежать поприще
От края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от
теплоты его
(Пс., 18: 2, 5).

Совершенно отчетливо здесь можно узнать юного Адониса, жениха Венеры. Точно так же и в гелиопольском культе в начальный период правления Эхнатона к солнцу, Ра, обращаются: «Ты прекрасен и юн как Атон перед твоей матерью Хатхор» (Венерой).

В религии Эхнатона присутствуют отсылки к Адонису. Один из царских придворных по имени Май занимал должность «смотрителя дома для отдыха Атона». В одной из надписей в гробнице Аи царица именуется своеобразным титулом: «Та, что провожает Атона на отдых своим сладким голосом, чьи прекрасные руки держат две сестры».

Без сомнения, таким «домом» был храм, где на закате произносились молитвы Атону; упомянутый выше титул царицы свидетельствует о том, что она исполняла особую роль в этих вечерних церемониях. В том факте, что женщина главенствовала на церемонии, во время которой собравшиеся оплакивали уход солнца, вполне можно усмотреть некоторую, пусть и отдаленную связь с историей Венеры и Адониса.

Ежевечернее оплакивание смерти Адониса, то есть заката солнца, было основным компонентом всех средиземноморских культов. Это сходство Эхнатон, несомненно, видел и постарался избавиться от него. Можно предположить, что все заимствования из более ранних верований были выброшены по мере того, как юный царь развивал свое учение.

Вскоре в его культе не осталось ничего от прежних первобытных верований и предрассудков. И мы не можем не отдать должное той свободе, с которой юный фараон три

тысячи лет назад вырвался из пут суеверий, явив достойный пример самым прогрессивным деятелям нашего времени.

Глава 7 ДУХОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ

«Сладок свет и приятно для глаз видеть солнце», – говорит Экклесиаст, но эти же слова вполне могли принадлежать и Эхнатону: «Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много...»

Одновременно с тем, как Эхнатон трансформировал представления египтян о боге, он переработал и систему воззрений, связанных с существованием человека после смерти.

В соответствии со старыми верованиями, душа умершего должна была пройти по неким ужасным местам и предстать перед троном судьи – Осириса, который взвешивал души на весах. Если пороки перевешивали, душу пожирало злобное чудовище, если же соотношение оказывалось благоприятным, то душа отправлялась в поля вечного блаженства.

На длинном пути к заветной цели умерший мог встретить множество духов, призраков и полубогов, которых он должен был остановить соответствующим пространственным заклинанием; только правильное повторение заговоров и соответствующие магические действия могли обеспечить благополучный исход его путешествия по загробному миру.

Эхнатон отправил все эти формулы в огонь. Призраки, духи, чудовища, полубоги, демоны, да и сам Осирис с его помощниками были сожжены и обращены в пепел. Фараон верил в то, что когда человек умирает, то его душа продолжает существовать в астральном виде, как дух, иногда отдыхающий в небесных чертогах, а временами посещающий землю в виде тени или призрака.

Некоторые надписи позволяют усмотреть сходство между четвертым пунктом христианского Символа веры²³ и учением Эхнатона о том, что после смерти тело снова может обрести «плоть, кости и все прочее, что свойственно совершенной природе человека».

Интересно, что, как и христианские мыслители, испытывавшие некие сомнения при толковании данного догмата, Эхнатон так и не смог решить, превращалось ли тело полностью в дух или некоторым образом материализовалось во время своего пребывания в Западных горах. Лишенная тела душа по-прежнему жаждала земных удовольствий и могла страдать; она все еще хотела есть и пить, наслаждалась глотком воды или вкусным лакомством, грелась на солнышке и искала прохлады в тени.

Ничего не известно об аде, поскольку обладавший чувствительным сердцем Эхнатон не мог поверить в то, что бог позволит страдать какому-либо из своих созданий, сколь бы греховно оно ни было. В надписях прочитывается скорее мысль о том, что у грешников нет загробной жизни, они просто перестают существовать. Впрочем, почти в каждом человеке остается что-то доброе, поэтому он может рассчитывать на милость столь добросердечного бога, каковым является Атон.

Больше всего на свете умершие хотели каждый день покидать сумрачный подземный мир, чтобы увидеть свет солнца над землей. Это желание с незапамятных времен звучит в молитвах египтян, слова которых были лишь слегка изменены, чтобы приспособить их к культу Атона. Сторонники Эхнатона молились о том, чтобы им позволили «утром выбираться из подземного мира, чтобы увидеть восходящего Атона».

Они просили постоянно и страстно, чтобы после смерти их души могли «подняться и узреть солнце», чтобы «очи их были открыты и могли увидеть солнечные лучи», чтобы «лик солнца не был сокрыт от них», чтобы им даровано было «видеть красоту каждого восхода» и чтобы «солнечные лучи всегда согревали их тело».

²³ Приведем фрагмент апостольского Символа веры: «Верую в Святого духа, святую Вселенскую церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение тела, жизнь вечную». (Примеч. пер.)

Конкретные боги, к которым стремилась душа, менялись, иногда это был Атон, иногда Ра, солнце, но всегда речь шла о реальном солнечном свете и тепле. Абстрактные представления о будущей жизни могли быть осознаны только в терминах земного человеческого существования.

Столкнувшись с холодным, сумрачным таинством смерти, Эхнатон не придумал ничего лучше, чем молиться о возможности лицезреть благословенный дневной свет. Но человек, просивший, чтобы его душа могла увидеть солнечный свет, просил, по сути, о том, чтобы ему позволили по-прежнему наслаждаться присутствием бога, ибо бог был светочем мира.

Второе желание умершего заключалось в том, чтобы фараон и его жена не оставили его после смерти своей милостью и чтобы его душа могла служить их душам в чертогах мертвых. Он просил о «возможности служить царю», исполняя его повеления, о праве входить во дворец, чтобы он мог «посещать царя каждый день» и «удостаиваться почестей своего правителя».

Ради своего благополучия в подземном мире египтянин искренне хотел, чтобы «его имя помнили и повторяли на земле», чтобы о нем сохранилась «добрая память при дворе фараона» и «придворные повторяли с благодарностью его имя».

«И пусть мое имя повторяется в моей гробнице, – просил человек. – Пусть мое имя не ищут в моем доме. Пусть его славят веки». В наши дни имена умерших поминают в церквях, а желание оставить по себе память в последующих поколениях – вполне понятное человеческое стремление.

Глава 8

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Чтобы душа не теряла связи с земной жизнью, приверженцы культа Атона молились о том, чтобы их мумии оставались «твердыми» и неповрежденными, чтобы «кости были покрыты плотью», чтобы их члены были «связаны вместе». В прежние дни египтяне верили в то, что тело умершего вновь оживет и будет жить, поэтому они так старались сохранить его. Эхнатон вроде бы не изменил этой концепции. Так и в христианском вероучении присутствует мысль о том, что в день Страшного суда все умершие «восстанут из могил».

Духовное тело сохраняло форму и индивидуальные особенности материального тела, соответственно, в неявном виде предполагалось, что потребности души не очень отличаются от тех, которые испытывало тело на земле. После своего воскрешения Христос просил есть, а картины райских пиршеств многим христианам отнюдь не кажутся аллегорией.

Точно так же и последователи Эхнатона верили в то, что материальная еда или ее духовный эквивалент нужны душе, живущей в загробном мире. «И пусть меня назовут по имени, – просит умерший, – и я приду на зов, чтобы вкусить те прекрасные яства, что разложены в храме на алтаре».

Похоже, что верность учению Атона давала умершему право вкушать от тех приношений, которые делались во время больших церемоний в храме; после завершения церемонии еду, скорее всего, распределяли между жрецами и теми, кто обслуживал гробницы и представлял интересы умерших.

Умерший просит, чтобы ему позволили наслаждаться «дарами, принесенными в храм», «дарами, принесенными царем к каждой гробнице», «вином, принесенным в храм Атона», «едой, что выставляется каждый день на алтарь» и «всем тем, что приносится в святилище Атона в городе Атона». Потом он просит, чтобы «вино было пролито» за него и чтобы «дети из его дома совершили возлияние при входе в его гробницу».

Пока продолжалась земная жизнь, бог являлся всем, кто желал узреть его. Сияло солнце, зрели посевы, текла река, цвели сады, во всем виделось присутствие бога, ибо бог был счастьем, красотой, любовью.

Но когда смерть касалась человека своей холодной рукой и не оставалось больше ни

весны, ни цветения, где мог он найти радость? Поэтому Эхнатон призывал своих последователей молиться богу, чтобы он сделал их счастливыми и после смерти, хотя эта просьба выражалась самыми обыденными словами.

Едва ли душе требовались сладкие ароматы и запах благовоний, но как выразить иначе радостную легкость, наполняющую сердце. В затхлом воздухе гробницы умерший мечтал о свежем ветерке, о «дыхании благоуханного северного ветра». Он надеялся в виде призрака навестить все те места, которые он любил в земной жизни. «Пусть я встану и забуду слабость, – просит умерший. – Пусть откроется мне мой дом. Да не будет душе моей отказано в ее желаниях. Да позволено будет мне войти в ту рощу, что я вырастил на земле. Да позволено будет мне пить воду из моего озера изо дня в день. Да будет мне даровано вкушать плоды с моих деревьев». Всякий человек просил, чтобы бог позволил ему смочить губы холодной водой. Он хотел получить «глоток прозрачной речной воды», «глоток бурлящей воды из водоворота». Пока он вдыхал запах ветра, напоенного ароматами «букета Атона», и пока протекала около него «прохладная река», он не боялся смерти. Получив «все доброе и приятное», он мог надеяться на «здоровье и процветание» в горах и долинах Запада, на «счастливую жизнь, наполненную удовольствиями и радостью», и «ежедневное веселье» в чертогах вечности.

Можно согласиться, что столь конкретно-материальная концепция жизни после смерти не совсем соответствовала по своей тональности возвышенной религии Атона. Но разве вера в то, что на небесах вечно царят радость и смех, благоухание цветов и освежающее дыхание северного ветра, более банальна и нелепа, чем убежденность в том, что там же, на небесах, улицы вымощены золотом.

Едва ли найдется в мире религия более близкая к христианству, чем религия Эхнатона, и если доктрина, разработанная фараоном, не всегда последовательна в том, что касается бессмертия, то и христианские догмы в их современной интерпретации не лишены недостатков.

Проведенное выше сравнение учения Эхнатона с христианским представляется вполне правомерным, поскольку между двумя религиями много общего. Вместе с тем это сравнение по необходимости оказывается не в пользу учения фараона, обнажая все его недостатки.

Напомним, однако, читателю, что Эхнатон жил примерно за тринадцать веков до рождения Христа, в то время, когда весь мир был во власти суеверий и идолопоклонства. Воспитанный в тех же предрассудках, юный фараон, тем не менее, смог увидеть в образе нежного, любящего отца того самого Бога, которому мы поклоняемся теперь; тем самым наглядно подтвердил правильность речения: «Пути Господни неисповедимы».

Часть пятая **ОТ ДЕСЯТОГО ДО ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЭХНАТОНА**

Юный царь, отличавшейся такой глубиной мысли, вызывает невольное восхищение.

Брестед. История Египта

Глава 1 **ГИМНЫ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ КУЛЬТА АТОНА**

В гробницах богатых людей, которые жили и умерли до правления Эхнатона, большая часть стен покрыта надписями религиозного содержания. Возводя свои усыпальницы, вельможи города Атона должны были чем-то заменить эти запрещенные заклинания. Наиболее простым выходом оказалось использование отрывков из гимнов, посвященных Атону.

В некоторых случаях эти надписи, несмотря на их краткость, представляют собой не

фрагмент, а полный текст гимна. В гробнице Аи приводится более длинный гимн. Похоже, что перед нами два основных варианта песнопения, которые обычно исполнялись в храмах, короткая и более пространная версии одного и того же текста.

Сочинение гимнов в честь богов было традицией в Египте, и некоторые подобные тексты сохранились на стенах древних храмов. Как и еврейские псалмы, относящиеся к более позднему времени, они по содержанию не слишком возвышенны. Чаще всего они представляли собой воинственные песни, воспевавшие шум битвы, громовые раскаты, неистовство бури и величие божественного гнева.

Длинный вариант гимна Атону, который мы приводим здесь полностью, разительно отличается от них и своей выразительностью, и чистотой чувств, ни в чем не уступая поэтическим шедеврам античности.

О прекраснейший!
Ты сияешь на небосклоне, о вечно живой Атон, податель жизни!
Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею
красотою.
Ты прекрасен, велик, светозарен!
Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов
того, что создано тобою.
Ты Ра, ты достигаешь пределов(мира).
Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою.
Ты далек, но лучи твои на земле, ты – пред людьми, (по небу) твоё движение.
Ты заходишь на западном склоне неба – и *земля*(замирает) *во* мраке,
наподобие застигнутого смертью.
Спят люди в домах, и головы их покрыты, и не видит один глаз другого, и
похищено имущество их, скрытое под изголовьем их, – а они не ведают.
Львы покидают свои логова,
Змеи жалят людей во мраке, когда приходит ночь и земля погружается в
молчание, ибо создатель всего покинул небосвод.
Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне;
Ты сияешь, как солнечный диск,
Ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и
Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги.
Ты разбудил их – и они омывают тела свои и берут одежду свою.
Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею
землей, и трудятся они, выполняя свои работы.
Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из
гнезд своих, и крылья их славят тебя.
Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях
своих – все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим.
Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь.
Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои(проникают) в глубь моря,
ты созидаешь жемчужину в раковине,
Ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его,
Ты успокаиваешь дитя – и оно не плачет,
Ты питаешь его во чреве,
Ты даруешь дыхание тому, что ты сотворил, в миг, когда выходит дитя из
чрева в день своего рождения,
Ты отверзаешь уста его, ты создаешь все, что потребно ему.
Когда птенец в яйце и слышался голос его,
Ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу и даешь ему жизнь.
Ты назначаешь ему срок разбить яйцо, и вот выходит он из яйца, чтобы
подать голос в назначенный тобою срок. И он идет на лапках своих, когда покинет
свое яйцо.
О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог
единственный, нет другого, кроме тебя!

Ты был один – и сотворил землю по желанию сердца твоего, землю с людьми, скотом и всеми животными, которые ступают ногами своими внизу и летают на крыльях своих вверх. Чужеземные страны, Сирия, Куш, Египет – каждому человеку отведено тобою место его.

Ты создаешь все, что потребно им. У каждого своя пища, и каждому отмерено время жизни его. Языки людей различаются меж собою, несхожи и образы их, и цвет кожи их, ибо отличил ты одну страну от другой.

Ты создал Нил в преисподней и вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей, – подобно тому как даровал ты им жизнь, сотворив их для себя, о всеобщий Владыка, утомленный трудами своими.

Владыка всех земель, восходящий ради них, диск солнца дневного, великий, почитаемый!

Все чужеземные, далекие страны созданы тобою и живут милостью твоею, – ведь это ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь, – и вот на горах волны, подобные волнам морским, и они напоят поле каждого в местности его.

Как прекрасны предназначения твои, владыка вечности!

Нил на небе – для чужестранцев и для диких животных о четырех ногах, а Нил, выходящий из преисподней, – для Земли Возлюбленной(тобою).

Лучи твои кормят все пашни: ты восходишь – и они живут и цветут.

Ты установил ход времени, чтобы вновь и вновь рождалось сотворенное тобою, – установил зиму, чтобы охладить пашни свои, жару, чтобы(...)

Ты создал далекое небо, чтобы восходить на нем, чтобы видеть все, сотворенное тобой.

Ты единственный, ты восходишь в образе своем, о Атон, – живой, сияющий и блестящий, далекий и близкий!

Из себя, единого, творишь ты миллионы образов своих.

Города и селения, поля и дороги и Река созерцают тебя, каждое око устремлено к тебе, когда ты, диск дневного солнца, поднимаешься на небо.

Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Эхнатона, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою.

Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей;

Ты восходишь – и они живут, ты заходишь – и они умирают.

Ты время их жизни, они живут в тебе.

До самого захода твоего все глаза обращены к красоте твоей.

Останавливаются все работы, когда заходишь ты на западе.

Когда же восходишь, то велишь процветать(...) для царя.

Спешат все ноги с тех пор, как ты основал земную твердь.

Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего праведно, Владыки Обеих Земель, Эхнатона, да продлятся дни его! – и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Нефертити, – да живет она, да будет молода она во веки веков!²⁴

Глава 2 СОПОСТАВЛЕНИЕ ГИМНА ЭХНАТОНА СО 103-М ПСАЛМОМ

Знакомясь с этим действительно красивым гимном, нельзя не поразиться сходству его со 103-м псалмом. Приведем соответствующие примеры:

Гимн: Львы покидают в свои логова, Змеи жалят людей во мраке, когда приходит ночь и земля погружается в молчание, ибо создатель всего покинул небосвод.

Псалом: Ты простираешь тьму – и бывает ночь: во время нее бродят все лесные звери,

²⁴ Надпись вельможи Май, современника Эхнатона // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера; Перевод Н.С. Петровского. М., 1963. С. 106 – 107.

Львы с рыком выходят на охоту и Бог дает им пищу.

Гимн: Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; Ты сияешь, как солнечный диск, Ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и

Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их – и они омывают тела свои и берут одежду свою.

Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всей землей, и трудятся они, выполняя свои работы.

Псалом: Восходит солнце, и они собираются и ложатся в свои логовища; Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера.

Гимн: Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят тебя.

Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих – все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим.

Псалом: Насыщаются древа Господа, кедры ливанские, которые он насадил. На них гнездятся птицы... Высокие горы – сернам...

Гимн: Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои проникают глубь морскую.

Псалом: Это – море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые и большие, там плавают корабли и играет Левиафан.

Гимн: Ты был один – и сотворил землю по желанию сердца твоего, землю с людьми, скотом и всеми животными, которые ступают ногами своими внизу и летают на крыльях своих вверх.

Псалом: Как многочисленны дела Твои, Господи! Все сотворил ты премудро; земля полна произведений твоих.

Гимн: Ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь, – и вот на горах волны, подобные волнам морским, и они напоят поле каждого в местности его. Как прекрасны предначертания твои, владыка вечности! Нил на небе – для чужестранцев и для диких животных о четырех ногах, а Нил, выходящий из преисподней, – для Земли Возлюбленной.

Псалом: Ты наполняешь горы с высот Твоих, плодами дел твоих насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу...

Гимн: Ты установил ход времени, чтобы вновь и вновь рождалось сотворенное тобою, – установил зиму, чтобы охладить пашни свои, жару, чтобы(зрели посеvy).

Псалом: Ты сотворил луну для указания времени, солнце знает свой запад...

Гимн: Города и селения, поля и дороги и Река созерцают тебя, каждое око устремлено к тебе, когда ты, диск дневного солнца, поднимаешься на небо.

Псалом: Все они от тебя ожидают, чтобы ты дал им пищу их в свое время. Дашь им – принимают, отверзаешь руку твою – насыщаются благом. Сокроешь лицо твое – мнутятся, отнимешь дух их – умирают, и в персть свою возвращается (Пс, 103: 13 – 27).

Отмечая подобные совпадения, трудно избавиться от мысли, что существует прямая связь между двумя сочинениями, и возникает невольный вопрос, не было ли у гимна Эхнатона и этого иудейского псалма некоего общего сирийского источника или же 103-й псалом создан под влиянием оригинального стихотворения фараона.

Оба варианта не исключаются, но, учитывая высокое поэтическое дарование Эхнатона и его оригинальность, скорее всего, именно его текст стал образцом для автора псалма.

Когда юный фараон сложил этот гимн, ему, вероятно, было около двадцати двух лет, тот самый возраст, когда многие знаменитые поэты написали свои шедевры. Эхнатон, по-видимому, искренне верил в то, что он был единственным человеком, которому явился бог. И тот факт, что он никогда не упоминал о каких-либо своих предшественниках или учителях, неизменно говоря о себе как об основателе нового культа, указывает на то, что идеи, выраженные в гимне, принадлежали лично фараону. Религию Эхнатона называли не иначе как «Учением», – таким образом, сам фараон выступал в качестве «учителя»,

излагавшего своим последователям основы нового культа.

Глава 3

МЕРИРА СТАНОВИТСЯ ВЕРХОВНЫМ ЖРЕЦОМ АТОНА

Таким образом, культ Атона обрел стройность и утвердился в новой столице как официальное вероучение. Эхнатон теперь получил возможность передать руководство культом тому из своих приближенных, кто показал себя особенно ревностным приверженцем его учения, чтобы уделять внимание другим делам и прежде всего проблеме обращения в новую веру остальной части Египта.

Как глава государства, Эхнатон должен был ежедневно решать тысячу дел, требовавших именно его участия, и его высокие принципы заставляли его глубже вникать в различные административные проблемы, чем это делали его предшественники. Из-за слабого здоровья он не мог слишком перенапрягаться, однако в Египте ни до него, ни после не было правителя, в голове которого рождалось бы столько планов.

Юный царь сам разъяснял своим приближенным новую доктрину, и легко представить, как он сидел по многу часов в своем дворце или под деревьями в садах, разбитых вдоль Нила, рассказывая чиновникам и вельможам о красоте и величии Атона.

Одним из самых горячих поклонников учения оказался некий Мерира, который, похоже, был давним сторонником реформаторского движения, и именно ему Эхнатон передал обязанности «верховного жреца Атона в городе Атона», чтобы высвободить себе время для управления царством и обращения всех подданных в свою веру.

К сожалению, о жизни Мериры нам известно очень немного, но на стенах его гробницы, расположенной в горах за городом, присутствуют несколько рельефов, приоткрывающих нам некоторые моменты его биографии.

На одной из стен изображено облачение Мериры в одежды верховного жреца. Мы видим царя с его женой и одной из его дочерей, они стоят у окна, живописно украшенного гирляндами.

Оконный проем обрамляют изображения гирлянд из цветущих лотосов и яркие занавески; царственные особы наклоняются, чтобы приветствовать Мериру и других людей, собравшихся на галерее. Развешивающиеся по ветру ленты свисают с изящных колонн в форме лотоса, поддерживающих крышу, соперничая в яркости с красными и голубыми веерами из перьев страуса в руках у придворных.

Выглядывая из окна, Эхнатон заставляет Мериру подняться с колен: верный вельможа приветствовал, как подобает, своего повелителя. Затем Эхнатон торжественно обращается к своему любимому ученику со следующими словами: «Я посвящаю тебя в верховные жрецы Атона в моем храме Атона в поднебесном городе Атона. Я делаю это из любви к тебе и говорю тебе: мой слуга, преуспевший в учении! Сердце мое радуется от дел твоих. Я передаю тебе эту должность и говорю тебе: ты будешь вкушать пищу фараона в храме Атона!» Сразу же после этого собравшиеся поднимают Мериру на плечи. Новый верховный жрец провозглашает: «Щедро вознаграждает Атон тех, кто ублажают его». Затем царь передает Мерире жреческие регалии и множество ценных подарков, которые принимают стоящие на галерее слуги и помощники нового жреца.

На заднем плане видна колесница, которая отвезет Мериру обратно в его резиденцию, носители опахал, которые побегут рядом с ним, прислужницы, которые, ударяя в тамбурины, двинутся во главе процессии и уже начали танцевать, когда друзья Мериры подняли его на плечи, и другие женщины, которые будут осыпать его дорогу цветами.

Назначение на высокий религиозный пост не сопровождалось никакими мрачными таинствами и суровыми обрядами посвящения. Просто хороший человек получил почетную должность. В религии Атона не было ничего таинственного. Честность, открытость и искренность выдвигались как основные принципы в учении Эхнатона — молящиеся поклонялись богу при благословенном свете дня, распевая радостные гимны на открытых

дворах при храмах. Вновь назначенный фараоном верховный жрец был вдумчивым, чистосердечным, добродушным, богобоязненным, семейным человеком, а отнюдь не аскетом, который оставил суету этого мира ради великого служения.

Фараон, поощрявший простой образ жизни, не призывал к умерщвлению плоти, но призывал только контролировать плотские желания. Как и Епископ, он не призывал отказываться от жизненных удобств, красивых вещей, музыки, радости общения в хорошей компании и освежающего глотка вина, а лишь учил, что человек должен во всем этом знать меру.

Глава 4 ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ПОСЕЩАЕТ ХРАМ

После назначения Мериры царь и его семья на закате посетили храм, что и представлено на одном из рельефов в гробнице верховного жреца. Здесь впервые появляется изображение фараона, едущего по улицам в колеснице. Ни один царь до Эхнатона не позволял художникам запечатлеть его иначе как в канонических позах, подобно божеству.

Одержимый любовью к правдивости и реалистичности, Эхнатон обходился без подобных условностей и всячески добивался, чтобы к нему относились как к обычному смертному. И вот мы видим его стоящим в роскошно разукрашенной колеснице, в его руках поводья и хлыст. Он сам управляет двумя норовистыми скакунами; когда они гарцуют, цветные плюмажи на их головах качаются и трепещут.

Царица едет позади него в своей собственной колеснице, за ней следуют принцессы, а далее – вельможи и фрейлины на колесницах, которыми управляют возничие.

Сверкающая упряжь, пляшущие красные и голубые перья на плюмажах, разноцветные одежды и ленты – поистине, ради такого зрелища городским жителям стоило покинуть свои дома.

Впереди царской колесницы гордо выступали стражники, вооруженные копьями, щитами, боевыми топорами, луками и дубинками; они расчищали дорогу для пышной процессии. Среди воинов, помимо египтян, можно увидеть бородатых азиатов из сирийских провинций, негров-масаев из Нубии, ливийцев с длинными волосами.

Далее мы видим, как процессия приближается к храму, около ворот стоит Мерира, радостно приветствующий своего повелителя. Рядом с ним четыре человека, стоящие на коленях, держат цветные опахала из страусовых перьев, чтобы обмахивать фараона, когда он будет спускаться с колесницы. Остальные присутствующие также преклоняют колени, воздев руки в почтительном приветствии.

Рис. 4. Эхнатон и Нефертити с тремя дочерьми бросают золотые ожерелья преданным вельможам

Слуги с букетами цветов выводят огромных быков, раскормленных, как призовой скот в наши дни, их мощные шеи и рога увиты гирляндами цветов. Одетые в свободные одежды группы женщин-музыкантов бьют в тамбурины.

Храм, описание которого будет дано ниже, украшен по случаю столь торжественного события гирляндами цветов, на алтарях возвышаются горы подношений. Царь вступает в храм. В следующей сцене показано, как царственная семья молится у высокого алтаря, на котором лежат приношения: куски мяса и птицы, овощи, фрукты и цветы в окружении бронзовых сосудов, наполненных горящим маслом. Перед алтарем стоят Эхнатон и Нефертити, они разбрызгивают над светильниками ароматные масла. Верхняя часть тела царя обнажена, но вокруг его талии обернут кусок тонкого льна, с длинным красным поясом, который обвивается вокруг его босых ног.

Царица одета в прозрачную ткань, под которой можно разглядеть все ее формы, словно она обнажена. Вокруг ее талии обернута красная лента, оба ее конца ниспадают до земли. Ни у царя, ни у царицы нет драгоценных украшений, подчеркивается прежде всего простота мягких, струящихся одеяний с яркими красными поясами. Стоящие сзади царственной четы маленькие принцессы играют на систрах хвалы богу.

Около фараона стоят Мерира и его помощник, склонившиеся в почтительном поклоне, другой жрец зажигает благовония. Неподалеку расположились восемь слепых музыкантов, толстых пожилых людей, которые хлопают в ладоши и поют под аккомпанемент семиструнной арфы, воздавая хвалу солнечному свету, который они не могут видеть, но чувствуют как «тепло, которое есть Атон».

Еще одна серия рельефов содержит сцену, в которой представлено награждение Мериры фараоном после того, как тому удалось собрать ежегодную храмовую дань с поместий, расположенных на противоположном берегу реки. Церемония происходит возле амбаров, стоящих у самой воды.

В гавани пришвартовано множество лодок, на берегу несколько небольших загонov заполнены мычающим скотом. Амбары набиты разным добром, перед ними стоит ликующий Мерира. Фараон обращается к нему.

«Пусть зритель сокровищницы драгоценностей примет Мериру, – говорит Эхнатон, – и повесит на его шею золото, и золото на ноги, в знак того, что он повинуется учению фараона». И тотчас помощники начинают нанизывать золотые ожерелья на шею верховного жреца.

Писцы записывают краткий отчет о событиях, помощники и носители опалились низко кланяются, затем Мериру с танцами и музыкой препровождают на виллу, а Эхнатон возвращается в свой дворец и, надо думать, без сил опускается на подушки.

Глава 5 ЭХНАТОН В СВОЕМ ДВОРЦЕ

На многих рельефах и рисунках в гробницах показано, как фараон утомленно полулежит на подушках, словно государственные заботы отняли у него все силы. Никогда прежде фараон не предстал перед своими подданными в столь обыденных человеческих проявлениях. Сцены такого рода приоткрывают нам частную жизнь дворца. Мы видим царя, который убеждал своих последователей в прелести семейной жизни на примере собственной семьи.

Опишем несколько изображений такого рода. На одном царственная семья показана внутри красивого павильона, крышу которого поддерживают деревянные колонны, раскрашенные в разные цвета; верхушки колонн украшены резными изображениями подвешенных за ноги диких гусей, над которыми торчат букеты цветов. На колоннах развешаны цветочные гирлянды, с потолка свешиваются ветки винограда. Снаружи по крыше павильона тянется бордюр из сверкающих кобр, возможно отлитых из бронзы.

Внутри этой прекрасной постройки обнаженные девушки играют на арфе, лютне и на лире, – без сомнения, под этот аккомпанемент исполнялись незатейливые любовные песни того времени. В стороне стоят сосуды с вином, около них расположились слуги. Сам царь откинулся на подушки кресла, он выглядит уставшим и печальным. Пальцами левой руки он лениво перебирает цветы, в правой руке он небрежно держит изящную чашу, ожидая, пока ему снова нальют вина. Это делает царица, которая стоит перед ним; она искренне хочет создать максимальный комфорт для своего супруга. Царица наливает вино из сосуда в чашу, через ситечко. Рядом стоят три маленькие принцессы, одна нагружена букетами цветов, другая держит блюдо со сладостями, третья разговаривает с отцом.

В другой сцене показаны царь и царица, расположившиеся в удобных креслах, рядом слуга, готовый выполнить любое их распоряжение. Царь ест жареного голубя, придерживая его пальцами, Нефертити пьет из красивой чаши. Судя по легким прозрачным одеждам, это полуденная трапеза, – к несчастью, изображение сильно повреждено и на нем нельзя разобрать ничего, кроме фигур царственных особ.

Глава 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЭХНАТОНА

Мы очень мало знаем об этих годах правления Эхнатона. На десятом или одиннадцатом году правления, когда ему было примерно двадцать три года, у него родилась четвертая дочь, названная Нефернеферуатон. Хотя царица не подарила ему наследника, похоже, что Эхнатон не попытался взять себе другую жену. Насколько нам известно, он так и не завел себе гарема, хотя это и противоречило сложившимся в Египте обычаям.

С течением времени здоровье правителя неуклонно ухудшалось, ибо он постоянно переутомлялся. Он обладал таким живым умом, что не мог проводить время в праздности; даже просто лежа среди цветов в саду, он напряженно думал, его мысль рвалась вперед, стремясь пробить барьер, который лежал между ним и богом, заставившим цвести эти растения. Эхнатон отдал все душевные силы на то, чтобы новое вероучение обрело законченность и стройность, при этом ему приходилось буквально выворачиваться наизнанку, чтобы поддерживать порядок и стабильность в государстве. Удивительно, как его мозг выдерживал такое напряжение. На самом деле ему редко выпадали блаженные минуты покоя, которые запечатлели художники города Атона.

На двенадцатый год правления Эхнатона дань, поступившая от зависимых государств, оказалась такой богатой, что о ней была сделана специальная запись, а сцены, изображающие передачу дани, появились среди росписей гробниц Хуи и Мериры II. Надпись под соответствующим изображением в гробнице Хуи гласит:

«В восьмой день второго месяца зимы двенадцатого года(...) Царь(...) и царица, да живут они вечно, появились перед подданными в огромном золотом паланкине, чтобы принять дань Сирии и Эфиопии, народов востока и запада, чтобы получить подати с каждой земли и(взамен) наградить их дыханием жизни. Представители всех стран, а также островов, расположенных посреди моря, собрались, чтобы принести подношения царю, восседавшему на троне в городе Атона».

На рисунке царь и царица расположились рядом; Эхнатон держит в руках знаки царского достоинства и выглядит очень величественно; царица нежно обнимает его за талию.

Вероятно, паланкин изготовлен из дерева, а затем полностью покрыт золотой фольгой. Зрительно он кажется весьма внушительным: огромный трон, водруженный на мощные опоры, которые лежат на плечах носильщиков. Ручки выполнены в виде сфинксов; на спинке трона вырезано изображение льва.

Перед паланкином идет жрец с кадиланицей, из которой поднимаются вверх клубы благовонного дыма, танцовщики пляшут и скачут по дороге перед процессией. За царственной четой идут принцессы в сопровождении нянек и придворных дам, по обоим

сторонам дороги выстроились придворные, чиновники, воины и слуги.

Наконец вся группа приближается к месту, предназначенному для церемонии; царь и царица переходят в небольшой роскошный павильон, построенный для них, там они снова усаживаются на троне, их ноги покоятся на подушечках.

Царица расположилась слева от Эхнатона, на рисунке ее фигура частично заслонена фигурой ее супруга, но все равно видно, как она правой рукой обнимает мужа за талию, а левой держится за его левую руку, можно предположить, что Нефертити наклонилась к Эхнатону, склонив головку ему на плечо. В то время Нефертити была матерью семейства, но ей исполнилось не более двадцати, поэтому согласимся, что сцена публичного выражения нежных чувств не лишена обаяния. Около трона расположились юные принцессы, одна из них держит на руках маленькую газель, а другая гладит ее по голове.

Перед павильоном проходят делегации из зависимых государств; чтобы фараон не заскучал, рядом находятся профессиональные борцы, готовые при необходимости внести разнообразие в монотонную церемонию. Неподалеку плясуны и мимы танцуют и кувыркаются под аккомпанемент кастаньет и хлопков.

Дань от Сирии подносят одетые в длинные одежды азиаты. Опустившись на колени, они поднимают руки, приветствуя царя. Перед фараоном проводят великолепных сирийских лошадей, позади них везут колесницы. Далее идут группы рабов, однако их руки не закованы в кандалы (как это делалось во времена других фараонов), а просто связаны веревкой.

Луки, копья, щиты, кинжалы, бивни слонов и другие вещи сложены на землю около павильона, а красивые вазы из драгоценных металлов или поделочного камня поставлены на возвышениях, чтобы правитель мог ими полюбоваться. Слуги проводят диких зверей, среди них всеобщее внимание, вероятно, привлеченный горный лев. Последними проходят несколько обнаженных девушек, выбранных исключительно из-за своей красоты, можно предположить, что они займут свое место среди других прислужниц во дворце.

С «островов, расположенных посреди моря», привезли прекрасные вазы, некоторые расписанные по кругу человеческими фигурами. Из Ливии доставили страусовые яйца и перья. Дань из Нубии и Судана несли негры; она состояла из множества золотых браслетов и колец, а также мешков с золотым песком, который добывали в копиях в Восточной пустыне.

На рисунке можно разглядеть щиты, оружие, бивни и шкуры, перед троном проводят скот и антилоп. Как азиаты изумили собравшихся, привезя с собой льва, так и негры заставили всех трепетать, выведя невероятного размера пантеру. В конце процессии шли рабы обоего пола, женщины несли в корзинах на спине детей, но опять же мы должны отметить, что с рабами не обращались жестоко. Последний факт заслуживает особого упоминания, поскольку обычно на изображениях подобных церемоний можно увидеть группы несчастных пленников с заломленными назад руками и подгибающимися коленями; ничего подобного нет на рисунках времен Эхнатона.

Юный фараон ни выносил зрелища человеческих страданий, ибо знал на собственном опыте, что такое физические мучения. Попытки пленников или казни бунтовщиков были ему столь же отвратительны, как и нам с вами.

Глава 7

ЦАРИЦА ТИУ ПОСЕЩАЕТ ГОРОД АТОНА

Как говорилось выше, Эхнатон оставил Фивы примерно на восьмой год правления, но, похоже, его мать, царица Тиу, вовсе не стремилась последовать за ним, решив остаться в своем дворце у подножия фиванских гор. Скорее всего, она не разделяла желание своего сына создать новую столицу, поэтому переезд двора огорчил ее, хотя, конечно, она осознавала необходимость подобного шага.

Несмотря на преклонный возраст, ей болезненно недоставало пышности и ритуала великолепного двора, которым она когда-то правила. Вплоть до четвертого года правления ее сына, то есть примерно до его шестнадцатилетия, она была главной, и весь мир должен

был преклонять колени перед ней. Она могла наслаждаться роскошными чужеземными дарами, но теперь, когда царь и вся знать отправились в город Атона, туда же стали свозить всю собираемую дань.

Старой царице было суждено вести тихую уединенную жизнь во дворце, который, вероятно, быстро начал приходить в упадок. По всей вероятности, с ней жила ее маленькая дочь Бакетатон, возможно, что ту же участь разделили и другие дочери, хотя о них ничего и не известно, может статься, что они уже умерли. Видимо, она иногда навещала своего сына в городе Атона, и там для нее построили постоянную резиденцию, чтобы Тиу могла останавливаться в ней когда захочет. Главный мажордом Тиу, пожилой человек по имени Хуи, часть времени проводил в новой столице, где для него построили гробницу. Рельефы на ее стенах рассказывают в том числе об одном из визитов старой царицы к Эхнатону. Когда точно происходили эти события, мы не знаем, но, поскольку в надписях в гробнице имеются отсылки к двенадцатому году правления Эхнатона, визит, вероятно, состоялся примерно в это время.

Царице тогда было за пятьдесят, ее дочери Бакетатон, родившейся незадолго до смерти отца, около двенадцати. Эхнатон принимал мать и сестру с искренней радостью и радушием, мажордома Хуи призывали, чтобы организовать празднества в их честь.

Некоторые эпизоды этих торжеств изображены на рельефах; художник, несмотря на всю нелюбовь Эхнатона к парадным портретам, все же передал великолепия и пышность происходящих церемоний. Мы видим Эхнатона, его жену Нефертити, мать Тиу, сестру Бакетатон и двух дочерей Меритатон и Анкхсенпаатон, которые сидят рядом в удобных креслах, поставив ноги на изящные скамеечки.

Эхнатон одет в тонкую льняную ткань, верхняя часть торса обнажена. На лбу сияет небольшая золотая змейка, на ногах красиво отделанные сандалии, но, по своему обыкновению, он не надел никаких драгоценностей. Царица Нефертити одета в свободные одежды из льна, на лбу у нее тоже царственная змейка. У царицы Тиу высокая сложная прическа, по моде прежнего царствования; поверх этого великолепия – корона, состоящая из диска, двух рогов, двух высоких перьев и двух небольших змеек, вероятно из чистого золота. Ее фигуру обволакивает элегантное одеяние из почти прозрачного материала. Девочки обнажены.

Вокруг этой счастливой семьи расставлены столы, на которых громоздятся всевозможная еда. Здесь куски мяса, блюда со сладостями, овощами, фруктами, хлебом, печеньем. Столы украшены цветами лотоса, по обычаю древних египтян. Возле столов стоят кувшины с вином и другими напитками, увитые лентами.

Художник показал, как Эхнатон откусывает кусочек мяса от огромной кости, которую он держит в руках. С того времени до наших дней в Египте сохранился обычай есть мясо руками. Нефертити держит в руке небольшую зажаренную утку, которую она изящно щиплет. Нельзя понять, что ест Тиу, одной рукой она подносит закуску ко рту, другой передает часть своей дочери Бакетатон. Около Нефертити сидят две маленькие принцессы, похоже, они едят то же самое, что и их мать.

Хуи бегаёт туда-сюда по залу, он пробует каждое блюдо, прежде чем подать его на царский стол. Попеременно играют два оркестра: один – египетский, другой, очевидно, сирийский. Египетский оркестр состоит из четырех женщин:

первая играет на арфе, вторая и третья – на лютнях, а четвертая – на лире. Основным инструментом в чужеземном оркестре была огромная лира примерно двух метров высоты с восемью струнами, на которой играли двумя руками.

Придворные в парадных одеяниях стоят у стен в зале, где происходит пиршество. На других рельефах, находящихся в гробнице Хуи, показаны вечерние празднества в честь царицы Тиу. И снова мы видим тех же членов царской семьи, но от ночной прохлады их защищают более плотные одеяния; торс фараона покрывает накидка из мягкого льна. Царь, царица и вдовствующая царица пьют из красивых чаш, возможно золотых.

Поскольку это вечерний праздник, еды немного, но три украшенных цветами стола

ломаются от фруктов. Одетые в легкие одежды маленькие принцессы наслаждаются этим изобилием; маленькая Анкхсенпаатон стоит на скамеечке возле своей матери, одной рукой она придерживает одежду, а другой кладет сливу или что-то подобное в рот.

По-прежнему играют два оркестра; придворные наблюдают за трапезой, Хуи бегают туда-сюда, отдавая распоряжения слугам, наполняющим чаши царской семьи. Зал освещают несколько ламп на высоких подставках, рядом с ними помещаются кувшины с вином.

Глава 8 ЦАРИЦА ТИУ ПОСЕЩАЕТ СВОЙ ХРАМ

Опишем еще одно событие, произошедшее во время визита и также запечатленное художником. Мы наблюдаем, как Эхнатон, почтительно поддерживая свою мать под руку, сопровождает старую царицу в храм, который построили в ее честь. Он был назван «Тенью Солнца». Вероятно, это было огромное здание невероятной красоты.

Пройдя через огромные створчатые ворота, установленные между двумя обычными пилонами, гость попадал в просторный, залитый солнечным светом двор. По обеим сторонам двора проходила колоннада, между колоннами помещались статуи Эхнатона, Аменхотепа III и самой царицы Тиу. В середине двора возвышался алтарь, к которому вела лестница из нескольких ступенек. В дальнем конце двора располагались еще одни ворота, ведущие во внутренние помещения. Миновав ворота, посетитель оказывался в маленькой галерее, по стенам которой стояли статуи фараона и его матери. Далее за закрытыми двустворчатыми дверями находилось святилище, внутри него размещался второй алтарь, по обе стороны которого стояли статуи царя и матери-царицы. Справа и слева от святилища располагались две небольшие молельни, через них можно было в обход святилища выйти в помещение для молящихся, где также находились статуи царя и Тиу.

Здание, вероятно, радовало глаз яркими красками, на всех алтарях по столь торжественному поводу громоздились горы подношений. В тени колоннад стояли огромные кувшины с вином, украшенные цветочными гирляндами и лентами, на изящных подставках среди цветов лежали мясо, хлеб и фрукты.

Во время посещения храма Эхнатона и Тиу сопровождала юная принцесса Бакетатон, сестра фараона и две ее фрейлины. Перед ними шел мажордом Хуи в сопровождении чужеземного сановника, судя по одеждам критянина.

За ними шествовали придворные с веерами и опахалами, возле храма толпились слуги, возничие и конюхи, носители опахал, носильщики, храмовые служители.

Они приветствовали процессию криками: «Владыка Атона!», «Да живет он вечно!», «О красивейшая из всех!», «Тому, в ком живет Атон!», «Та, кто покровительствует этому храму Атона».

Вероятно, пожилая царица чувствовала себя так, будто время повернулось вспять и она снова возвратилась в дни своей славы. Но насколько же нынешние простые обряды отличались от тех, что совершали жрецы Амона-Ра! Два-три взмаха кадильницей, краткая молитва, несколько поклонов – и вот уже все выходят наружу, закрываются священные ворота, и процессия возвращается во дворец.

Глава 9 СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ ТИУ

Не исключено, что царица Тиу, глубоко тронутая тем роскошным приемом, который устроил ей ее сын, переехала в свою резиденцию в городе Атона. Но так или иначе, ей не довелось в полной мере насладиться роскошью, напоминавшей ей о днях ее молодости.

Вскоре после описанного нами визита она умерла. В соответствии с ее распоряжениями тело Тиу набальзамировали в Фивах и перенесли из ее дворца в Долину царей, где, по обычаю, хоронили фараонов. Эхнатон отдал последнюю дань матери, предоставив

погребальные принадлежности, в надписи на усыпальнице можно прочитать, что «он изготовил это для своей матери».

Тиу, видимо, пожелала, чтобы ее похоронили возле Юаа и Туа, ее отца и матери. Ее гробница в восточной части долины находится совсем близко от их усыпальницы. В гробницу вела крутая лестница, продолжавшаяся пологим спуском, в конце которого располагалась просторная погребальная камера с белеными стенами.

Большую часть камеры занимала большая усыпальница. Дверь в нее была изготовлена из дорогого ливанского кедра, покрытого золотом, и оснащена засовом. Большинство гвоздей, скрепляющих деревянные части строения, были сделаны из золота (наглядное свидетельство состояния царской казны в то время).

На створках располагались изображения царицы, озаренной лучами Атона. Сама усыпальница была также изготовлена из кедра, покрыта золотом, на всех ее стенках были представлены сцены поклонения Атону. В одной из них Эхнатон стоит рядом с Тиу, вокруг реалистически нарисованных фигур струятся животворные лучи солнца. Внутри усыпальницы размещался саркофаг, в котором лежала мумия великой царицы. В камере находились также традиционные погребальные принадлежности: живописно разрисованные короба, алебастровые и фаянсовые вазы, статуэтки и прочее. На некоторых вазах видны маленькие гротескные фигуры бога Беса; очевидно, Эхнатон по-прежнему допускал почитание других богов. В надписях на стенах усыпальницы он везде, где только можно, называет своего отца Аменхотепа III его вторым именем Небмаара, чтобы не упоминать ненавистного имени Амона. Вместе с тем в некоторых случаях, там, где это казалось необходимым, он допускал его употребление. Предубеждение Эхнатона против старого государственного божества проявилось и в другом. Супругой Амона была богиня Мут («Мать»), ее имя писалось иероглифом в виде коршуна. Этот иероглиф следовало употреблять, когда в надписи речь шла о «матери фараона» Тиу; но Эхнатон потребовал, чтобы слово записывали фонетически, по буквам, и таким образом избежал использования неприятного ему символа.

Аналогично, в имени Небмаара, означающем «Ра, владыка истины», слово «истина» представляет собой символ одноименной богини. В религии Эхнатона понятие «правды», «истины», которую он рассматривал как одно из важнейших условий достижения счастья и благополучия, занимало важное место. Сама мысль о том, что существует некое божество истины, казалась ему глубоко неверной. Он писал слово «правда» по буквам, не используя иероглиф богини. Когда похоронные церемонии закончились, когда была прочитана последняя молитва и облако благовонного дыма поднялось к своду гробницы, золотую дверь усыпальницы закрыли и заперли; строители замуровали наружные двери и замаскировали их обломками камня.

Так Эхнатон отдал последнюю дань своей матери, которая была, возможно, вдохновителем планов, успешно претворенных им в жизнь. Со смертью этой доброй и могущественной женщины порвалась последняя нить, связывавшая фараона с прошлым. Узда, сдерживавшая его, исчезла, и начался новый и более суровый период его короткой жизни.

Часть шестая С ТРИНАДЦАТОГО ДО ПЯТНАДЦАТОГО ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЭХНАТОНА

Переезд правителя и всего двора в новый дворец и город, его попытки насадить там новый культ и новый художественный стиль... представляют собой один из самых забавных и интересных эпизодов мировой истории.

Бадж. История Египта

Глава 1 РАЗВИТИЕ КУЛЬТА АТОНА

В гимне Атону встречаются такие слова: «Ты был один и сотворил землю по желанию сердца своего... Чужеземные страны, Сирию, Куш, Египет!..»

Следует заметить, что Сирия и Нубия (Куш) в перечне предшествуют Египту, похоже, по мнению Эхнатона, они были более древними царствами.

В другой строфе того же гимна говорится: «Нил на небе – для чужестранцев и для диких животных о четырех ногах, а Нил, выходящий из преисподней, – для Земли Возлюбленной тобой». Эхнатон имеет в виду дождь, который выпадает в Сирии и орошает эту чужую землю, сравнивая его с рекой, питающей его собственную страну. И снова его мысли обращаются прежде к Сирии и затем уже к Египту. Таков подлинный имперский дух: в сознании фараона чужеземные владения в такой же мере заслуживали любви и заботы, как и сам Египет.

Рис. 5. Иллюстрация дружественных отношений между Сирией и Египтом Сирийскому солдату по имени Терура и его жене прислуживает слуга-египтянин, он поддерживает трубку, через которую солдат пьет вино. Рисунок с таблички, найденной в Тель-эль-Амарне

Подобное отношение коренным образом отлично от чисто потребительского подхода первых фараонов Восемнадцатой династии, которые покоряли «жалких» чужеземцев и вывозили из стран едва ли не все богатства, не задумываясь о последствиях.

Эхнатон верил, что его бог является отцом для всего человечества и что сирийцы и нубийцы, как и египтяне, находятся под его покровительством. Поэтому культ Атона должен был превратиться в мировую религию. Подобные изменения в этических представлениях имели большее значение, чем кажется на первый взгляд; Атон оказался первым божеством, которое не было ни племенным, ни национальным. Эти воззрения близки христианскому пониманию Бога и мало напоминают иудейскую концепцию Иеговы. Исходя из своих представлений Эхнатон решил построить храм Атона в Палестине, возможно, в самом Иерусалиме и в Судане. Где располагался сирийский храм, неизвестно, но недавно раскопали храмовые постройки в Нубии, которые, как предполагают, занимали значительную территорию.

Одновременно храмы воздвигались в различных частях Египта. В Гермонтисе появился храм «Град небесный Атона»; храмы возвели в Гермополе и Мемфисе, храм «Восхождения Ра Гелиопольского», а также царский дворец в Гелиополе. «Дома» Атона поднялись в Файюме и Дельте. Но реальное число приверженцев нового культа оставалось невелико, ибо смысл его осознавался далеко не всеми. Из почтения к фараону религию Атона приняли, но она не пользовалась любовью, и даже в самом городе Атона немного находилось тех, кто ее понимали.

Эхнатон в рассматриваемый нами период внес некоторые изменения в титулы Атона. Ему показалось не совсем удачным определение «податель тепла Атон». Оно использовалось в первые годы существования культа и, вероятно, было введено без одобрения Эхнатона.

Написание слова «тепло» напоминало об одном из старых богов и невольно вызывало у посвященных соответствующие ассоциации. Поэтому титул Атона переменили на «сияние, которое есть Атон», новое слово записывалось с помощью иероглифа Ра, солнца. Точный смысл изменений не вполне ясен, но можно предположить, что новое словосочетание лучше отражало суть того, что хотел передать Эхнатон. И сегодня не так-то просто подобрать название для той животворной энергии, первопричины жизни, присутствие которой так четко сознавал фараон.

Неизвестно, когда были произведены эти изменения; вероятно, это произошло между девятым и двенадцатым годами правления, скорее на девятый год, когда Эхнату было около двадцати пяти лет. В надписях на стенах усыпальницы царицы Тиу используется новая форма имени, соответственно, ко времени, когда строилась усыпальница, перемены уже были узаконены.

Глава 2 **ЭХНАТОН ЗАПРЕЩАЕТ ИМЯ АМОНА**

В предыдущих главах мы отмечали, что Эхнатон снисходительно относился к поклонению старым богам и не преследовал служителей Амона-Ра. Очевидно, здесь сказывалось влияние его матери, поскольку вскоре после ее смерти Эхнатон с фанатической страстностью обрушился на фиванскую коллегию жрецов. Возможно, фиванские священнослужители попытались восстать или вызвали какими-то своими действиями такое недовольство царя, что он предпринял радикальные шаги. Эхнатон издал распоряжение, чтобы имя Амона повсюду, где оно встречается, было стерто, и этот приказ исполнялся с изумительной последовательностью. Несмотря на то что доверенным лицам Эхнатона пришлось иметь дело с тысячами надписей, сохранилось всего несколько, где имя бога осталось в целости. Царские слуги уничтожали имена, выбитые на стенах храмов, по всему Египту, они проникали в гробницы мертвых, чтобы вымарать упоминания об Амоне из текстов, не пропускали даже надписи на маленьких статуэтках и фигурках. Они отправлялись в отдаленные пустыни, чтобы стереть имя Амона в надписях, оставленных путешественниками, взбирались на скалы, расположенные за Нилом, чтобы отбить его с граффити, приходили в частные дома, чтобы соскоблить ненавистное имя с предметов домашней утвари, где его иногда писали. Эхнатон не признавал полумер. Когда речь зашла об имени его отца, он не колеблясь и здесь убрал имя Амона, хотя, скорее всего, в большинстве случаев просто использовалось второе имя царя Небмаара.

Доверенные лица Эхнатона проникли в гробницу царицы Тиу и стерли в надписях в усыпальнице имя Аменхотепа, написав поверх него красной краской имя Небмаара. Изничтожив имя Амона даже на миниатюрной вазе царицы, они покинули гробницу, заложили вход новой каменной стеной и продолжили свои поиски в других местах.

Теперь встал вопрос, как быть с собственным именем царя – Аменхотеп, которое он носил, прежде чем стал Эхнатоном. Фараон и здесь проявил последовательность. На монументе в Гебел-Силсилех имя царя стерто, хотя оно сохранилось в гробнице Рамоса.

Имена вельмож и чиновников, в состав которых часто входило имя «Амон» –

Аменхотеп, Сетамен, Аменемхет, Аменемапт, – также безжалостно стирались, а живым людям пришлось назваться по-другому. Стирая с памятников имя своего отца, Эхнатон отнюдь не собирался оскорблять своих предков. Он только хотел вытравить имя Амона из памяти людей, чтобы они смогли принять нового бога. В действительности Эхнатон гордился своими предками и стремился увековечить память о своем отце. Ранее мы упоминали, что один из его художников, Бек, изобразил фигуру Аменхотепа III на памятнике Эхнатону в Асуане.

Эхнатон также позволил Хуи, мажордому царицы Тиу, изобразить царя на стенах гробницы, и в личном храме Тиу помещались статуи Аменхотепа III.

Эхнатон помнил и почитал также других фараонов своей династии. Чиновник по имени Ани занимал должность смотрителя дома Аменхотепа III. Имеется рисунок, изображающий Эхнатона, приносящего дары Атону в «доме Тутмоса IV в городе Атона». В надписи на пограничном камне упоминается о том, что у Аменхотепа III и Тутмоса IV возникали конфликты со жрецами Амона.

Из сказанного следует, что в городе Атона существовали святилища, посвященные предкам Эхнатона, у каждого из них был свой управляющий. Вероятно, Эхнатон рассчитывал, что после его смерти подобное святилище возведут и для него, поскольку встречается упоминание о человеке, который был «вторым жрецом» царя, и еще об одном, называвшемся его «верховным жрецом». Подобным образом он хотел показать свою преемственную связь с фараонами прежних времен и подтвердить частичность его собственных притязаний на титул «сын Солнца», который носили монархи Египта начиная со времен Пятой династии и который обрел такую значимость в свете новой религии.

Эхнатон заявлял о своем происхождении от Ра, который был для него тем же самым божеством, что и Атон, чтобы доказать свое право на титулы «дитя Атона» и «сын Солнца», подобно тому как иудейские патриархи тщательно прослеживали свою родословную, стремясь доказать, что они ведут свой род от Адама и, следовательно, некоторым образом от Бога.

Глава 3 ВЕЛИКИЙ ХРАМ АТОНА

Мы знаем, что в городе Атона было огромное количество храмов. В нем имелись святилища предков царя, храм царицы Тиу, храм, предназначенный для Бакетатон, сестры фараона, «дом для отдыха Атона», где проводила церемонии Нефертити. Существовал и храмовый комплекс Атона, в который, вероятно, входили и другие здания, помимо перечисленных в надписях.

Опишем в основных чертах главный храм, поскольку читатель пока получил представление только о личном храме царицы Тиу. Храм был окружен со всех сторон высокой стеной и этим напоминал святилище в Эдфу, которое могут видеть современные путешественники. Внутри в замкнутом пространстве находились два здания, одно сзади другого, располагавшиеся на некотором расстоянии от стен, так что вокруг них оставалось довольно большое пустое пространство.

Пройдя через ворота внешней стены, можно было увидеть фасад первого из двух храмов; справа и слева от него размещались небольшие домики или ризницы. Фасад здания выглядел внушительно. На двух высоких пилонах покоился массивный портик, сравнительно узкий проход закрывали тяжелые двустворчатые ворота. Перед каждым пилоном вздымались в небо пять высоких мачт, на каждой из них развевался малиновый вымпел. Пройдя через ворота, посетитель попадал в открытый двор, в середине его располагался высокий алтарь, к которому вела небольшая лестница. По сторонам залитого солнцем двора располагался ряд небольших молелен. В другом его конце, точно напротив первых ворот, находились вторые, которые вели во второй двор, откуда также можно было пройти в третий двор.

Наконец, миновав еще одни ворота, посетитель оказывался в четвертом дворе храма, где он мог передохнуть в прохладной тени колоннады. Затем ему следовало пройти вперед через следующие ворота в пятый двор, пересечь его и оказаться в шестом дворе, где находился еще один алтарь. По периметру этого двора располагались двадцать небольших молелен, вглядываясь в темноту через дверные проемы, можно было разглядеть находившиеся внутри них простые столы и подставки. Последние ворота вели в седьмой, и последний, двор, где опять-таки имелся алтарь и молельни.

За главным храмом и отдельно от него, хотя и внутри обнесенного стеной пространства, располагался меньший по величине храм, которому, тем не менее, приписывалось большое сакральное значение. При входе в него, перед каждой из колонн, поддерживавших портик, стояла статуя Эхнатона, рядом с ней меньшие по размеру статуи его жены или одной из его дочерей. Пройдя через ворота, полностью скрывавшие внутренности храма от посторонних глаз, посетитель входил в открытый двор, где размещался алтарь; по периметру двора также располагались небольшие молельни.

Оба здания были расписаны яркими красками, на праздниках в них расставляли многочисленные подставки, где груды возвышались цветы и другие подношения, яркие красные ленты усиливали общее впечатление. В храме Атона не было места мрачным и тусклым тонам, и этим он представлял полную противоположность святилищам Амона.

В храме Амона свет проникал через множество узких окон. Постоянный сумрак и игра теней создавали особую таинственную атмосферу, и многие сердца молящихся трепетали от благоговейного ужаса. Узкие лестницы спускались в подземелья; по подземным переходам можно было попасть в темные камеры, выбитые в толщине стены, откуда жрецы громовым голосом вещали к собравшимся. Храмы Эхнатона оставались открыты солнечным лучам. Здесь не было ничего таинственного, ужас перед темнотой не заставлял молящихся в трепете становиться на колени. Эхнатона не интересовали таинства. Он смотрел на бога открыто, как ребенок смотрит на своего отца.

Ему казалось, что он разрешил загадку жизни, поэтому в сердце его не оставалось места для страхов и сомнений, и единственным чувством его было почтение к создателю, чью силу он ощущал повсюду. Эхнатон был ярким противником всевозможных трюков и сценических эффектов, использовавшихся жрецами для усиления впечатления, поскольку в его целомудренной душе подобные уловки рождали глубокое отвращение.

Глава 4 ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

Город Атона был настоящим произведением искусства. За восемь лет щедрость фараона и умелые руки мастеров превратили луга и пустоши в красивейший город в мире. Вельможа по имени Май описывает его таким образом: «Величественный город Атона, неподражаемый в своей красоте; город пышных церемоний и богатых усадеб, посвященный солнцу. Его красота приносит радость каждому сердцу. Он сияющий и прекрасный, видеть его – значит узреть красу небес».

Кроме храмов и общественных зданий, город украшали многочисленные дворцы, утопавшие в зелени. Один из таких дворцов представлен в росписях гробницы Мериры. Судя по этому изображению, в его архитектуре удачно соединились удобство и простота.

Войдя в огороженный двор, гость оказывался перед парадным входом в дом. Четыре колонны, украшенные лентами, поддерживали портик, прикрывавший дверной проход от солнечных лучей. Пройдя через эту дверь, с верхней перекладины которой свешивались головы и хвосты сплетающихся в узор кобр, гость попадал в просторный зал с колоннами, за которым находилась обеденная зала. Двенадцать колонн поддерживали потолок, возможно расписанный • изображениями летающих птиц; в середине зала в некоем подобии беседки стояли обеденный стол и несколько удобных кресел с яркими цветными подушками.

Дверь из зала вела в просторный внутренний двор, в задней части дома располагалось

несколько комнат, в том числе спальня хозяина с большим мягким ложем. Другая часть дома, которую занимали женщины, на рисунке не показана.

Еще более вычурным был дворец Аи, тестя Эхнатона. Через богато украшенные ворота посетитель входил во двор. Оттуда дверь вела в огромный обеденный зал с колоннами, через который можно было попасть во внутренний двор, куда выходили спальня и будуары. Видно, как в одной из этих комнат танцуют друг с другом две женщины, одетые в легкие одежды, им подыгрывает мужчина на арфе. В другой комнате девушка танцует под звуки арфы, пока слуга расчесывает волосы одного из представителей мужской части семейства. В остальных комнатах мы видим лютни, арфы и лиры, а также всевозможные предметы туалета.

В небольшом дворике растут благоухающие цветы, бассейны с водой, дно которых вымощено цветным камнем, даруют прохладу. За этим двориком размещаются другие комнаты и кухня.

Повсюду в доме расставлены изящные столики, на которых располагались кувшины с вином или блюда с фруктами; красивые кресла с подставками для ног ждут членов семьи или гостей. Слуги бегают туда-сюда с освежающими напитками, сметают пыль или просто болтают.

На рельефах или рисунках в гробницах не показан дворец Эхнатона, но останки его были обнаружены во время раскопок в Тель-эль-Амарне. Как и все постройки рассматриваемого нами периода, это было легкое и просторное здание, возведенное из кирпича.

Стены, потолки и полы залов украшали изящные росписи. Тонкие колонны, поддерживавшие легкий потолок, были инкрустированы цветным стеклом или драгоценными камнями или покрыты реалистическими резными изображениями виноградных лоз и вьющихся растений. Часть росписей, украшавших пол, сохранилась до наших дней, и посетитель, приехавший на место раскопок, может их увидеть. Вот молодой бычок скачет по полю из красных маков, дикий гусь взлетает из болота и пролагает свой путь через камыши, вспугивая бабочек. Среди цветов лотоса, медленно покачивающихся на воде, кружат разноцветные рыбки. Такого рода картинки когда-то радовали фараона или заставляли улыбаться царицу.

Живописцы того времени поднялись до самых высот мастерства в изображении животных и растений. Плавные контуры листьев и сплетающихся ветвей виноградных лоз, грациозные позы животных передавались с поразительной точностью и тщательностью, и в этом художники Эхнатона намного превзошли своих западных коллег.

Невиданного расцвета достигла скульптура. Статуя Эхнатона не уступает творениям Донателло, а статуэтка Нефертити, хранящаяся в Берлинском музее, представляет собой самый живой и реалистичный портрет из всех созданных в египетском искусстве.

Рис. 6. Художник Аута работает над статуей Бакетатон

В гробнице Хуи в одной из росписей запечатлен скульптор Аута. Он показан в своей мастерской во время работы над статуей принцессы Бакетатон. Расположившись на низком стуле с палитрой в руке, он в соответствии с обычаем раскрашивает статую.

В отличие от застывших канонических изображений раннего периода, статуя девушки выглядит изящно и грациозно. Одна рука просто опущена, в другой принцесса держит гранат, который собирается поднести ко рту. Возле статуи расположился помощник Ауты, два ученика выполняют черновую работу, их инструменты разложены на стоящем рядом столе.

Недавно была обнаружена мастерская другого скульптора по имени Тутмос, в которой нашли прекрасные бюсты. Творения Ауты, Тутмоса и других мастеров стали памятником эпохе Эхнатона, благодаря им имя фараона будет помниться, пока, по собственному его выражению, «лебедь не станет черным, а ворон – белым». Пройдет еще какое-то время, искусство Египта привлечет всеобщее внимание, и тогда Эхнатона, возможно, поставят в один ряд с Медичи как покровителя, если не учителя, великих мастеров.

Именно он сломал устаревшие традиции и позволил мастерам передавать в рисунках и скульптурах то, что видели их глаза, и именно он обратил их взоры к красоте природы. Он, и никто другой, научил художников ощущать дыхание жизни и вкладывать в холодный камень «сияние, которое есть Атон». И если те немногие творения, которые уцелели после уничтожения города Атона, наполняют радость наши сердца, этой радостью мы обязаны Эхнатону.

Во время раскопок были обнаружены остатки дворцов и садов необыкновенной красоты. Существовала, например, «Земля Атона» – нечто вроде священного сада, где были собраны прекраснейшие цветы и деревья. Этот сад мог служить живой иллюстрацией словам из гимна Атону: «О, Владыка, сколь многочисленно творимое Тобой, как прекрасны предначертания Твои!»

«Земля Атона» включала в себя два обширных участка, обнесенных стенами. В первый можно было войти через зал с тридцатью шестью колоннами; далее находилось небольшое искусственное озеро, окруженное деревьями и кустарниками, сохранились обрубки стволов и корни растений, высаженных в подложку из земли, привезенной в песчаную пустыню с берегов Нила.

В озере плавали рыбы; археологи обнаружили корни и высохшие остатки цветков лотоса и водяных лилий, которые когда-то красовались на водной глади. Вдоль одной из боковых границ этого участка размещались ряды построек, которые, похоже, представляли

собой ферму. Там содержались овцы, утки и тому подобная живность, которая, согласно гимну, ежедневно возносит хвалы Атону.

На втором участке, куда можно было попасть из первого, находилось озеро большого размера, также обсаженное деревьями. Здесь имелась небольшая пристань, так что, видимо, по озеру плавали на лодках. В саду стояли красивые беседки. Вдоль северного края озера тянулась прекрасная колоннада, где можно было сидеть, наслаждаясь благодатной тенью, и следить за игрой солнечных бликов в спокойной воде. Рядом располагались винные погреба; два из них оказались запечатанными, в них были обнаружены кувшины с обозначениями даты розлива. На некоторых кувшинах написано: «Очень хорошее вино».

В дальнем конце сада стояла необычайно красивая маленькая беседка, колонны которой поднимались из небольших бассейнов, где некогда плавали цветки лотоса. Стены и колонны были украшены изображениями пурпурных виноградных кистей и красных гранатов, голубых цветков лотоса, зеленых листьев и диких уток, улетающих вверх, в лазоревое небо.

Обрамленная цветочными клумбами дорожка вела к другому небольшому озеру с островом, на который можно было пройти по резному мостику. На островке размещался летний домик, украшенный фаянсовыми изразцами и росписями.

Были откопаны также несколько усадеб знатных вельмож. Большинство зданий было выстроено вдоль двух главных улиц города: улицы Верховного жреца и Царской дороги. Опишем кратко дом, принадлежавший Нахту, визирю Эхнатона.

Здание было построено на высоком фундаменте, к парадной двери вела лестница из нескольких ступеней. Через вестибюль можно было пройти на северную веранду – нечто вроде зала с широкими оконными проемами, выходившими в сад. Раскрашенный в яркий голубой цвет полоток поддерживали восемь резных колонн, установленных на каменных основаниях; по верху белоснежных стен тянулся фриз из голубых цветков лотоса на зеленом фоне, пол был выложен разрисованными изразцами. В ушах веранды располагались двери, ведущие в комнаты слуг, через третью дверь, находившуюся посередине, можно было пройти в центральный зал площадью примерно 30 квадратных метров. Четыре каменные колонны поддерживали изысканно расписанный потолок. Вдоль одной из стен зала стояло низкое ложе, без сомнения, в свое время на нем лежали подушки. Перед ним в полу было сделано круглое углубление, в нем в холодные зимние вечера зажигали огонь, дым проходил через окно, расположенное под самой крышей. В другой части залы находилось каменное возвышение, – очевидно, визирь или его гости стояли на нем, пока, в соответствии с восточным обычаем, слуги омывали им руки и ноги. Четыре двери вели из залы во внутренние покои, в том числе в спальню визиря, на западную веранду, где так приятно нежиться в лучах вечернего солнца зимой и скрываться от полуденного зноя летом, и на лестницу, ведущую на верхний этаж и плоскую крышу. Рядом со спальней располагалась ванная комната: хозяин стоял на каменной плите, а слуги лили на него воду, грязная вода стекала в специальное углубление. За ванной размещалась комната с туалетом.

Такие дома, как описанный выше, всегда окружали сады, в которых располагались очаровательные маленькие беседки и, возможно, небольшие пруды. У внешней стены помещались амбары и кладовые, обычно здесь же находился колодец, из которого брали воду на повседневные нужды.

Глава 5

ОТНОШЕНИЕ ЭХНАТОНА К СВОЕЙ СЕМЬЕ

На тринадцатый год правления Эхнатона родилась его пятая дочь, названная Нефернеферура. Любопытно, что, если в состав имен старших дочерей входило имя «Атон», теперь вместо него появилось имя «Ра». Примерно через год после этого у фараона родилась шестая дочь. И снова вместо слова «Атон» использовалось «Ра», девочку назвали Сетепенра. Трудно сказать, чем было вызвано это изменение и что оно означало с точки зрения

теологической доктрины, но очевидно, что в культе произошли некоторые подвижки, и теперь на первый план выдвинулась фигура Ра.

Сын так и не родился; вероятно, и фараон, и его жена в шестой раз пережили сильное разочарование. У несчастной пары на следующий год родилось дитя, вновь оказавшееся девочкой, в последующие два года правления Эхнатона новый ребенок не родился или не выжил, поэтому Эхнатон умер, так и не оставив наследника. Странно видеть этого высоколобного идеалиста в окружении шести дочерей, как его обычно изображали на памятниках. До сих пор ни одного фараона не изображали в кругу семьи, но, похоже, Эхнатон никогда не чувствовал себя счастливым, если с ним рядом не было его детей и жены.

Очарование семейной жизни, священность отношений между мужем и женой, родителями и детьми составляли важнейшую часть его учения. Он принуждал своих вельмож уделять внимание собственным семьям. Так, например, в росписях гробницы Пахенеси этот сановник представлен сидящим со своей женой в окружении трех дочерей.

Небольшая статуэтка, сегодня находящаяся в Берлинском музее, изображает фараона на троне с маленькой дочкой на коленях. Он собирается поцеловать ее, их губы соприкасаются. Подобное открытое выражение нежности кажется особенно поразительным на фоне суровости и строгого целомудрия египетского искусства всех других периодов.

Примерно в четырнадцатый год правления Эхнатона ему написал Бурна-Бураш, царь Вавилонии. Он просил выдать за его сына одну из дочерей фараона. Стремясь сохранить дружественные отношения с Вавилонией, Эхнатон согласился на союз и выбрал в качестве невесты свою четвертую дочь Нефернеферуатон. Его старшая дочь вышла замуж за вельможу Сменкхара, сменившего Эхнатона на троне. Третья дочь позже стала женой другого сановника по имени Тутанхатон, который впоследствии захватил власть²⁵. Тот факт, что ни та ни другая не были отданы в жены вавилонскому принцу, указывает, что они уже были просватаны. Следовательно, этот брачный союз не мог быть заключен ранее названной выше даты.

Рис. 7. Эхнатон с женой и дочерьми

Вторую дочь, Мекетатон, не выбрали, очевидно, потому, что она отличалась слабым здоровьем. Предложенная в жены принцу маленькая принцесса родилась на десятый год правления Эхнатона, следовательно, ей было не более пяти лет от роду. Эхнатон не отправил ребенка в будущий дом, но организовал женитьбу заочно. Продержал дочь дома еще несколько лет.

Об этом свидетельствует письмо Бурна-Бураша, где он сообщает Эхнату, что отправляет «дочери фараона, жене моего сына» ожерелье из тысячи драгоценных камней. Очевидно, что в это время будущая вавилонская царица еще жила в Египте.

Кроме шестерых дочерей Эхнатона, возможно, во дворце жили по крайней мере еще две принцессы. Одной из них была юная сестра фараона Бакетатон, которая ранее посещала

²⁵ Когда писалась эта книга, еще не была обнаружена гробница Тутанхамона и его мумия, которая, очевидно, принадлежала ребенку. (Примеч. ред.)

город Атона вместе со своей матерью. Поскольку со временем о ней перестают упоминать, очевидно, что она не намного пережила царицу Тиу.

Другой принцессой была Несеммут, сестра царицы Нефертити; она, возможно, вышла замуж за кого-то из придворных. Ее портреты встречаются в гробницах Мая, Пахенеси и Аи. Обычно ее сопровождали две карлицы – Пара и Ренехех, которые, переваливаясь из стороны в сторону, повсюду ходили за ней. Без сомнения, она была еще очень юной, и безобразные спутницы не только веселили, но и охраняли ее.

Глава 6 ДРУЗЬЯ ЭХНАТОНА

Доброжелательная и непринужденная атмосфера, переданная художниками, когда они изображали Эхнатона в кругу семьи, косвенно свидетельствует о том, что, хотя Эхнатон требовал повиновения себе как царствующему фараону, во всех остальных случаях больше рассчитывал на понимание и любовь своих подданных.

Как фараон он представлялся недостижимой полубожественной персоной, но как живой человек он никогда не упускал случая подать добрый пример своим приближенным. Даже сидя на троне, Эхнатон демонстрировал всем свою обычную смертную природу, играя с детьми или оказывая внимание жене.

Многие из его учеников и придворных, которые подходили к его трону, как полагалось, со склоненными в низком поклоне головами, на самом деле были его добрыми друзьями и наперсниками.

Эхнатон вовсе не заботился о точном соблюдении всех условностей, хотя и требовал соблюдения положенных церемоний и наименее обременительных правил дворцового этикета. Многие близкие его друзья были незнатного происхождения. Руки, которые теперь держали драгоценные опахала, ранее вполне могли держать плуг.

Май, высший чиновник города, говорит о себе так: «Со стороны отца и со стороны матери я был человеком низкого происхождения, но царь возвысил меня... У меня не было ничего... он каждый день давал мне пищу и все необходимое».

Ему вторит Пахенеси, утверждавший, что фараон «создавал правителей и возвышал убогих». Он добавляет: «Я сблизился с царем, хотя не был вхож в круг знати». Фараон мог не только возвысить; порой он ввергал в ничтожество тех, кто не желал соблюдать установленные им правила.

Судя по всему, Май подобным образом впал в немилость и был изгнан из города.

В гробнице Маху, начальника стражи и царского любимца, который, вероятно, тоже был низкого происхождения, изображены сцены, связанные с его службой, представляющие для нас особый интерес. Серия росписей повествует об аресте каких-то чужеземцев, возможно бедуинов, которые принадлежали к некоей шайке смутьянов или воров.

Ранним зимним утром Маху был разбужен сообщением о беспорядках; пока он выслушивал доклад своего подчиненного, слуга развел огонь в очаге, поскольку утро выдалось прохладным. Затем он посылает за своей колесницей и отправляется на место событий, каковы бы они ни были. Вскоре ему удастся арестовать нескольких преступников.

Затем этих людей доставляют к визирю, который приветствует Маху вместе со своими подчиненными и выражает ему свою благодарность. «Допросите этих людей, о господин, – заявляет начальник стражи, – которых подстрекали чужеземцы».

Из этих слов следует, что арестованные оказались шпионами или даже наемными убийцами, подосланными к фараону.

Вероятно, из страха, что Египет может восстать, или просто в соответствии с обычаями, но в то время город Атона охранялся особенно строго. В той же самой гробнице изображена другая сцена, в которой Эхнатон проверяет городские укрепления. Он едет в колеснице с женой и старшей дочерью, с трудом управляясь со сноровистыми лошадьми, которых Меритатон из озорства тыкает палкой.

Однако Эхнатон оказывается опытным возничим и умудряется одновременно разговаривать с царицей и перебрасываться репликами с Маху, который бежит рядом с колесницей.

Вразрез с обычаями во время осмотра укреплений Эхнатона сопровождает невооруженная охрана, – косвенным образом это свидетельствует о его популярности. Заметим, что укрепления представляли собой караульни, размещенные на одинаковом расстоянии, между которыми было протянуто ограждение из переплетенных канатов. В нескольких гробницах встречаются изображения их владельцев в те моменты, когда они получают награды от правителя за добросовестное выполнение своих служебных обязанностей и верность царю либо за прилежание, с которым они следуют новому учению.

Сановник по имени Пенту оставил нам изображение подобной сцены с его участием: он стоит перед фараоном, сидящим на троне в одной из зал своего дворца, и в знак признания своих заслуг получает из рук царя многочисленные золотые украшения. К сожалению, изображение сильно повреждено: в одном из углов картины можно рассмотреть небольшой бассейн или пруд, окруженный цветами, но нельзя понять расположение комнат. Похоже, что Эхнатон был столь же преданным другом, сколь и безжалостным недругом. Те, кто помогал ему, щедро вознаграждались за все свои труды.

Глава 7 ТРЕВОГИ ЭХНАТОНА

Здоровье Эхнатона настолько ухудшилось, что он поспешно начал строить для себя гробницу в горах за городом Атона. Он выбрал для своего последнего приюта длинную и труднопроходимую долину, которая рассекала горы, поднималась по высохшему речному устью и выводила в пустыню на другой стороне хребта.

Это было:

Суровое место, священное и исполненное чар,
Сродни тем долинам, где под ущербной луной
Женщина ожидает своего любовника – демона.

Эхнатон хотел быть похороненным в горах, где бродили гиены и шакалы и эхом отзывались среди утесов унылые крики сов. Зимой холодные ветры проносились по долине и завывали в скалах, летом солнце превращало это место в настоящее пекло.

Здесь ничто не напоминало человеку о том боге, который всегда был с ним рядом, похоже, добрый ко всему живому Атон уступил это место силам зла. Тут не росли цветы, не пели птицы, поскольку фараон верил, что душа его, вкушающая блаженство на небесах, не будет привязана к его гробнице.

Узкий коридор уходил от входа гробницы в недра горы, где располагалась погребальная камера, крышу которой поддерживали четыре колонны. В ней находился саркофаг из розового гранита, куда должны были поместить мумию фараона. Стены зала были покрыты рельефами, высеченными в штукатурке, изображавшими различные сцены поклонения Атону. Короткий коридор вел в другую небольшую комнату, за которой начинался еще один туннель пошире, возможно, он должен был вести во вторую погребальную камеру, предназначенную для царицы, но работу так и не завершили. Сооружение гробницы прервалось из-за смерти Мекетатон, второй дочери Эхнатона, которой не довелось дожить до своего девятого дня рождения. Ее слабое здоровье ни для кого не было секретом, и эта смерть не стала неожиданностью для родителей. Тем не менее, они тяжело переживали потерю. Когда тело девочки положили в одной из комнат в гробнице ее отца, по приказу Эхнатона стены расписали изображениями, показывающими, как опечалена семья, которую она покинула.

Мы видим царицу Нефертити, которая держит на руках недавно родившуюся седьмую

дочь, ее имя оканчивалось на «т», но оно нам неизвестно. Пять девочек плачут вместе со своими родителями, идя за похоронными носилками своей любимой сестры.

Но не только это огорчало Эхнатона. Египтяне принимали его вероучение вовсе не так охотно, как ему хотелось. Возможно, Эхнатон чувствовал неискренность даже ближайших своих сподвижников. Вряд ли нашелся бы хоть один человек, который мог бы достойно продолжать его дело после его смерти.

Завершив строительство храмов и дворцов, он понял, что строил на песке. Империя, основанная на культе Атона, о которой он мечтал, рассыпалась не родившись. Из Сирии приходили тревожные вести.

В то же время вавилонский царь, чей сын женился на дочери Эхнатона, находился в плохих отношениях со своим соседом, царем Митанни, и Эхнатон оказался втянутым в эту ссору. Какое-то время правитель Вавилона был серьезно болен, но Нефертити в ходе их продолжавшейся переписки ни разу не обратилась к царю со словами сочувствия.

Вавилонский царь страшно обиделся и послал Эхнату оскорбительное письмо. В нем он заявляет, что направил фараону традиционный подарок, состоящий из дорогих украшений, но просит учесть, что только часть из них предназначена для «хозяйки дома», то есть для Нефертити, поскольку она не осведомилась о его здоровье, когда он болел.

Вскоре правитель Вавилонии пишет Эхнату другое письмо с многочисленными жалобами; он заявляет также, что его посланников ограбили в землях, принадлежащих фараону, следовательно, он должен возместить их потери. В третьем письме содержатся сходные жалобы, а заключение дает намек на будущие неприятности.

Одновременно Эхнатон рассорился и с царем Митанни. Похоже, тот арестовал посланника фараона по имени Мани, чем вызвал крайнее возмущение Эхнатона. Соседи склонны были недооценивать египетского царя, и Эхнатон, по-видимому, сильно на это досадовал. Он мог бы отправить войско в Азию и заставить всех непокорных замолчать, но это противоречило его принципам.

Письмо к одному из сирийских царей, в чьей преданности он сомневался, Эхнатон заканчивает словами: «Я чувствую себя превосходно, я солнце в небесах, нет числа моим колесницам и солдатам; и от Верхнего Египта до Нижнего, от места, где поднимается солнце, до того места, где оно садится, вся страна благоденствует и процветает». Как мы видим, Эхнатон знал свою силу и хотел, чтобы другие знали о ней; тем более удивительно, что он не использовал свое преимущество.

Часть седьмая

ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЭХНАТОНА

Я знаю, сказал он, что ты любишь смотреть на горы или подниматься на них и убивать. Но мне нравится смотреть на бегущий ручей в тихом саду, в котором отражается роза, и слушать, как поет соловей. Слушай.

Мирза Мухаммед. Легенда о Валехе и Хадидже

Глава 1

ВТОРЖЕНИЕ ХЕТТОВ В СИРИЮ

В 1887-м и 1891 годах в ходе раскопок на месте города Атона местные археологи обнаружили целый ряд писем, известных сегодня как «письма из Тель-эль-Амарны». Они представляют собой таблички из необожженной глины, на которых сделаны клинописные надписи. По содержанию они представляют текущую переписку, которую вели между собой правители Египта, Вавилонии и Ассирии.

Именно из этих писем нам и стали известны события, о которых мы рассказываем на

страницах книги.

Восточное Средиземноморье на юге ограничено Египтом и пустыней, на востоке – Палестиной и Сирией, с севера – Малой Азией; три границы приблизительно составляют три стороны квадрата. Завоевательная политика великого фараона-воителя Тутмоса III привела к усилению Египта; в результате его влияние распространилось на северо-восточную оконечность этого конгломерата, до того места, где Сирия соприкасается с Малой Азией.

Остров Кипр скорее напоминает по форме руку с вытянутым вперед пальцем: этот палец указывает на границу завоеванных Египтом территорий, проходящую где-то в районе хребта Аман. Царство Митанни располагалось на берегах Евфрата на некотором отдалении от гор, оно являлось своеобразным буфером между египетскими владениями в Сирии и еще не завоеванными землями, которые находились дальше за его границами. Поэтому фараоны всегда старались укрепить связи двух государств, организуя браки между членами царственных семей.

За Митанни к северо-востоку располагалась дружественная держава, позже именовавшаяся Ассирией, на нем заканчивалась ойкумена. На севере во враждебных землях Малой Азии хозяйничали хетты, воинственные племена, возможно, предки современных армян. Эти дерзкие воины представляли наибольшую опасность для египетских владений в Сирии, и египетские сановники, возможно, не раз бросали тревожные взгляды на зловещие горы, расположенные за Митанни. Наступление хеттов с юга, первые признаки которого уже были заметны, могло происходить по восточному пути через Митанни, или по западному пути, шедшему вдоль моря в Ливан, или по центральному пути мимо городов Тунипа и Кадеша.

Когда на трон взошел Эхнатон, правителем хеттов был Сеплель, настроенный вполне дружелюбно по отношению к Египту. Однако некоторые из его людей вторглись в Митанни и были отброшены Душраттой. В результате отношения между Сеплелем и фараоном ухудшились и, хотя правитель хеттов послал посольство в город Атону, переписка между двумя монархами прекратилась.

Вероятно, юный идеалист из Египта испытывал отвращение к любой войне. Воинственные хетты не вызывали у него никаких дружественных чувств.

Вскоре оказалось, что хетты, не сумев пройти через Митанни, двинулись вдоль западного пути и захватили земли Амки, которые располагались на морском побережье между хребтом Аман и Ливаном.

Там путь хеттам преградил Азиру, аморитский царь, правившей на территориях между Амки и Митанни. Как вассальный правитель, он должен был защищать Египет от нападения хеттов. Но он, как и его отец Абдаширта, был столь же честолюбивым, сколь и вероломным, и вел с хеттами и египтянами одинаково бесчестную игру. Он стремился натравить один народ на другой и укрепить собственную власть за счет ослабления соседей.

Глава 2

НЕЖЕЛАНИЕ ЭХНАТОНА ВСТУПАТЬ В ВОЙНУ

С точки зрения здравого смысла политика Эхнатона в отношении Сирии не выдерживает никакой критики. Нельзя с помощью идеи управлять империей, созданной силой оружия. Применяя к покоренным народам учение о «мире и доброй воле», можно причинить непоправимый вред собственным идеям.

Пока юный фараон распевал гимны Атону в строящейся столице, правители Сирии пели воинственные песни, отзвуки которых долетали до египетских гарнизонов, расквартированных в отдаленных уголках империи. Сирийцам не было никакого дела до нежного отца человечества, на которого так настоятельно указывал тонкий перст Эхнатона. Они не имели ни малейшего представления о монотеизме и не понимали, как можно восхищаться тем, кто является любящим отцом всех людей без всяких расовых различий. У них истинным богом считался тот, кто победил других богов, храбрый предводитель

сражающихся и безжалостный мститель.

Их любимыми богами были яростный Ваал, кровожадный Тешуба, ужасная Иштар. И как же они насмеялись над мирным богом мира, который называл себя Единственным! Как же они смеялись над юным фараоном, который отложил оружие ради гимнов и надеялся править только силой любви!

Любовь! Можно только удивляться наивному идеализму и очаровательной глупости фараона, который в эпоху непрекращающихся войн пытался проповедовать религию мира в завоеванной Сирии. И спустя три тысячи лет человечество тщетно пытается воплотить те же идеалы.

Сегодня всем знакома доктрина гораздо более развитая и цельная, чем та, которую проповедовал и за которую умер Эхнатон. Ныне всем известно учение Господа, и вожденный блаженный мир – это то, чего мы надеемся достичь.

Но странно видеть в ту далекую эпоху, за тридцать сотен лет до рождения Христа, за два столетия до рождения Давида и Соломона и за много лет до проповеди Моисея, луч солнца, на короткий миг пробившийся сквозь облака, но пробившийся, очевидно, слишком рано.

И сегодня человечество не готово воплотить идеи мира, тогда же ни о чем подобном не могло быть и речи, и цена, которую Египет заплатил за идеализм юного царя, оказалась очень высокой – полная потеря всех его владений. Эхнатон верил в мирного бога, и для него эта вера означала полный отказ от войны. Все имеющиеся свидетельства, касательно этого периода истории, однозначно указывают на одно: Эхнатон отказывался сражаться, ибо считал, что применение оружия является оскорблением бога. Не важно, что было ему суждено, победа или поражение, приобретение или потеря, он оставался верным своим принципам и не желал возвращаться к старым богам войны.

Следует также помнить, что в те времена империя являлась личной собственностью фараона, как всякое царство считалось собственным владением царя. Сирийцам было по большому счету все равно, правит ли ими египтянин или сириец, хотя, возможно, они предпочли бы своего соплеменника.

Эхнатон мог поступать как угодно со своей собственностью. Поэтому он отказывался сражаться за собственные владения. Тогда мир еще не знал, что такое патриотизм, лояльность подданных зиждилась только на личной преданности властителю, сам же монарх руководствовался только собственными интересами. Значит, Эхнатона нельзя обвинить в том, что он разорил свою страну, отказавшись воевать.

Его положение предполагало, что он волен делать все, что считает нужным, со своей державой и, если он принес державу в жертву своим идеалам, за эту потерю ему одному предстояло расплачиваться. Он горько переживал эту утрату, поскольку искренне любил Сирию и питал великую надежду объединить империю с помощью общей религии. Но к счастью или к несчастью, Эхнатон твердо решил уклоняться от тех битв, в которые его пытались вовлечь.

Глава 3 ПРЕДАТЕЛЬСТВО АЗИРУ

В то время как аморитский правитель Азиру собирал армию на границах Малой Азии, сирийский царь Итакама неожиданно образовал независимое царство в Кадете и объединился с хеттами, таким образом отрезав и территории предателя Азиру, и верный Египту город Тунип, и дружественное царство Митанни от Ливана и египетских владений в Палестине и Сирии. Три верных вассальных царя, которым, возможно, помогал Душпратта, напали на восставших, но были отброшены Итакамой и его союзниками-хеттами.

Азиру тотчас воспользовался ситуацией. Оказавшись между хеттами на севере и только что образовавшимся царством Кадеш с юга, он собрал свою армию и прошел вниз через Оронт к Средиземному морю, захватывая города, расположенные в устье этой реки, и

присоединяя их к своим владениям.

Если бы хетты спросили у него, зачем он осуществляет все эти действия, он бы ответил (впрочем, это соответствовало истине), что подготавливает почву для вторжения хеттов в Сирию. Если бы такой вопрос задал ему Итакама, то Азиру сказал бы, что пытается установить дружественные связи между хеттами и Кадешем. Если бы от него потребовал ответа Эхнатон, то он заявил бы, что охраняет земли египтян от нашествия хеттов.

Без сомнения, Азиру предпочитал поддерживать мирные отношения с хеттами, поскольку был наслышан об их воинственности. Одновременно он не хотел открыто проявлять враждебность по отношению к Египту, чья армия могла в любой момент высадиться на берегах Средиземного моря. Неспособный сохранять независимую позицию, он счел наиболее разумным позволить северным народам пройти на юг через его владения, из Амки в Кадеш, где правил их союзник Итакама.

В обмен на сотрудничество он хотел, чтобы ему не мешали заниматься своими делами, а его взоры теперь обратились к приморским городам Симиру и Библу. Однако здесь он потерпел неудачу. Поэтому он передвинулся на восток в город Ниу и захватил его, взяв в плен его царя. Похоже, что и хетты, и египтяне поверили, что Азиру действовал исключительно в их интересах. Узнав о падении Ниу, властитель Тунипа написал патетическое обращение к Эхнатону, прося о помощи, поскольку он теперь оказался в полной изоляции и знал, что Азиру не был ни на чьей стороне и преследовал собственные цели.

«Правителю Египта, моему господину. Жители Тунипа, твои слуги. Они желают тебе всяческого благополучия и припадают к твоим ногам. Мой господин, твой слуга Тунип говорит следующее: кто осмелился бы разорить наш город, не опасаясь, что на него падет гнев Тутмоса III? Боги(...) царей Египта, мой господин, живут в Тунипе. Пусть мой господин спросит старейшин(так это или нет). Теперь, однако, мы больше не принадлежим нашему господину, фараону Египта.(...) Если его солдаты и колесницы замешкаются, Азиру сделает с нами то, что он уже сделал с Ниу. Если нам суждено горевать, тогда и царь Египта будет оплакивать то, что совершит Азиру. Поскольку он повернет войско и против нашего господина. И когда Азиру войдет в Си-миру, он сделает с нами что захочет в землях нашего господина, царя, и тогда наш господин будет стенать и горевать. Теперь же плачет сам Тунип, наши слезы текут, и никто не поможет нам. В течение двадцати лет мы обращались к нашему господину, царю, фараону Египта, но он ни разу не ответил нам».

Из этого письма можно сделать несколько выводов. Очевидно, что в отдаленных сирийских городах не понимали значения новой религии Эхнатона. Правитель Тунипа ссылается на старых египетских богов, которым поклонялись в городе, непонятно, не знал он или не мог поверить в то, что Эхнатон стал монотеистом. Ясно, что память об ужасном Тутмосе и его победоносной армии все еще жила в сердцах людей, и, возможно, именно его действия способствовали установлению долговременного мира в Сирии.

Отец Эхнатона Аменхотеп III мало уделял внимания чужеземным владениям, и, поскольку население Тунипа в течение двадцати лет просило о помощи, похоже, что угроза обозначилась еще до смерти фараона. Как мог Эхнатон, получив такое письмо, все же не направить армию в Сирию? Библ и Симира по-прежнему хранили верность Египту. Высадившись в их гаванях, войска могли пройти маршем в глубь страны, разгромить Итакаму, захватить Кадеш и, напугав Азиру, заставить его оказать реальную поддержку Душратте и другим преданным Египту царям и вытеснить хеттов за хребет Аман.

Ситуация оказалась своеобразной проверкой для Эхнатона, и, как великий Учитель спустя тринадцать столетий должен был утверждать свое учение ценой полного самопожертвования, так и фараон мучительно переживал, когда понял, что исповедуемые им принципы приведут к потере всех дорогих его сердцу владений.

Его неугомонные генералы, готовые двинуться в Сирию, возможно, исчерпали все аргументы, пытаясь воздействовать на него, но мальчик уже превратился в мужа. «Возврати меч твой в его место, – мог бы сказать он. – Ибо все взявшие меч мечом погибнут».

Глава 4 ВСЯ СИРИЯ В ОГНЕ

В это время в Библие царствовал Рибадди, превосходный воин, всей душой преданный Египту. Он написал Эхнатону, побуждая того отправить войска на помощь гарнизону Симиры, к которой подступал Азиру. Он знал, что если Си-мирра падет, то и Библ не сможет долго сопротивляться захватчикам. Зимрида, правитель соседнего порта Сидона, открыл свои ворота Азиру и вместе с ним выступил против Тира. Абимилки, царь этого города, тотчас написал Эхнатону и попросил его о помощи, но не получил никакого ответа, после чего, вероятно, также присоединился к Азиру. Рибадди оказался в изоляции в Библи и из осажденного города написал фараону, что «Симира бьется как птица в силке». Эхнатон не ответил, и вскоре Рибадди пишет ему снова: «Ваша крепость Симира теперь во власти хапиру». Упоминаемые им хапиру были бедуинами, пришедшими из земель, расположенных за Палестиной. Азиру использовал их как наемников, но они уже успели отвоевать для себя земли на юге.

Вскоре южные города Мегиддо, Аскалон, Гезер и другие обратились к фараону с просьбой о помощи. Устав в конце концов от бездеятельности Эхнатона, Аскалон и Гезер объединились с Лахишем, сбросили египетское иго и напали на Иерусалим, который продолжал оставаться верным Египту, обороной города командовал военачальник по имени Абдхиба. Этот храбрый солдат тотчас направил депешу Эхнатону, отрывок из которой мы приводим:

«Вся земля, принадлежащая фараону, ополчилась против меня, и она будет потеряна для него! Все земли, от Сеира до Кармея, потеряны, и их правители идут на меня. Пока корабли находились в море, царь держал твердой рукой Нахарин и Каш, но теперь хапиру заняли города фараона. Никто не уцелел, все разорены... Пусть фараон позаботится о своей земле, и... пусть он вышлет войска... И если войска не придут в этом году, погибнет вся земля, принадлежащая фараону. И если войска не придут в этом году, пусть фараон пошлет убийцу ко мне и моим братьям, чтобы мы могли умереть вместе с фараоном». Постскриптом письма, адресованный секретарю Эхнатона, с которым Абдхиба был лично знаком, гласит: «Донеси мои слова непосредственно моему господину, царю. Все земли моего господина, царя, разорены».

И сегодня нельзя оставаться равнодушным, читая эти письма. Многие верные соратники Эхнатона хотели обнажить ради него меч и умоляли его, чтобы он позволил им это сделать.

Иногда фараон отвечал на письма, спрашивая, как идут дела, но не подал своим сторонникам никакой надежды. Один из царей, Лапайя, получив от Эхнатона письмо, в котором тот, видимо, выражал сомнения в его верности, отвечал, что если бы фараон повелел ему вонзить в свое сердце бронзовый меч, то он сделал бы это. Здесь мы видим типичный пример восточного коварства, ибо из последующих писем известно, что этот царь напал на Мегиддо и был убит в сражении с союзником Египта.

Аддудайян, царь некоего неизвестного города в южной Иудее, получил письмо от Эхнатона, в котором тот просил его хранить ему верность. В ответ он жалуется на то, что потерял часть своих владений. Дагантакала, царь города, умоляет фараона освободить его от хапиру. Нинур, правительница части Иудеи, называвшая себя служанкой Эхнатона, просит фараона спасти ее и сообщает, что один из ее городов захватили хапиру. Эти письма, в каждом из которых сообщается о потерях, понесенных Египтом, заставляют нас горько сожалеть о тех, кто был принесен в жертву принципам фараона, слишком рано узревшего зарю цивилизации.

Глава 5 АЗИРУ И РИБАДДИ СРАЖАЮТСЯ ДО КОНЦА

Рибадди героически оборонял Библ от армий Азиру и направлял многочисленные депеши Эхнатону, прося его о помощи. Переправить несколько сотен человек через Средиземное море к осажденному порту не составляло труда, а Рибадди просил о ничтожно малом количестве людей. Однако фараон так и не послал никого; вместо этого он слегка побранил в письме Азиру и попросил его явиться в город Атона и объяснить свое поведение. Азиру тотчас написал одному из придворных Эхнатона, который был его другом, и попросил его поговорить с фараоном и объяснить ситуацию. Азиру заявил, что не может покинуть Сирию, поскольку должен защищать Тунип от хеттов. Читатель, знакомый уже с письмом, отправленным правителем Тунипа, в котором тот просил о помощи против Азиру, поймет вероломство аморитского царя. Азиру, без сомнения, готовился захватить Тунип и написать Эхнатону, что вошел в город, чтобы удержать его против хеттов.

Тогда Эхнатон написал Азиру, настаивая, чтобы тот отстроил Симиру, которую сам же и разрушил, но Азиру ответил, что он слишком занят, обороняя владения Египта от хеттов, и не сможет исполнить повеление в течение ближайшего года. И снова Эхнатон принял объяснения, но Азиру, опасаясь, что письмо может содержать нечто, чего он не хотел слышать, уклонился от встречи с посланцем, и депеша вернулась в Египет. Однако Азиру написал фараону, что проследит за тем, чтобы захваченные им города продолжали выплачивать дань Египту. Похоже, установленная дань приходила в город Атона до конца правления Эхнатона, хотя, вероятно, она оказалась намного меньше обычной. В Сирии шла война, но, несмотря на царивший там хаос, сирийские цари на словах оставались союзниками фараона. Дань платилась регулярно, и лишь на последнем, семнадцатом году правления Эхнатона маски были сброшены.

Оказавшись в отчаянном положении в Библе, Рибадди предпринял опасное путешествие в соседний город Берута, чтобы попытаться собрать подкрепление. Однако, как только он туда отправился, в Библе начался мятеж, – так Рибадди поплатился за свою преданность Египту. Берута в конце концов сдалась на милость Азиру, и Рибадди пришлось бежать. После многих приключений старый царь сумел вернуть себе Библ и продолжал оборонять город.

Азиру тем временем нанес короткий визит в Египет частично для того, чтобы оправдать свое поведение, и частично, без сомнения, чтобы установить, каково состояние дел на Ниле. С чисто восточным коварством он сумел убедить Эхнатона в том, что он не имеет никаких враждебных намерений по отношению к Египту, и вернулся в Ливан.

Узнав о случившемся, Рибадди тотчас отправил своего сына в город Атона, чтобы разоблачить вероломство Азиру и убедить Эхнатона помочь Библу. Одновременно он написал Эхнатону письмо, где в патетической форме описывает все свои несчастья. Четыре члена его семьи попали в плен, его брат постоянно строил заговоры против него, а возраст и болезни тяжким бременем ложились на его плечи. Все, чем он владел, у него отняли, его земли разорены, скудный рацион и прочие тяготы жизни в осажденном городе довели его до полного истощения, и он больше не может держаться.

«Боги Библа, – пишет Рибадди, – разгневались на меня и сильно мною недовольны, поскольку я провинился перед ними, и поэтому я не предстану перед моим господином фараоном». Не считал ли царь своей виной то, что он прислушался к поучениям Эхнатона? И на это послание фараон, похоже, не ответил.

Глава 6

ЭХНАТОН ПО-ПРЕЖНЕМУ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПОСЫЛАТЬ ПОМОЩЬ

Грязные и утомленные дорогой посланцы, прибывавшие в город Атона из всех владений с письмами о помощи, были, вероятно, разочарованы тем приемом, который им оказывали. Мужественным солдатам, защищавшим окраины огромной империи, были ненавистны прекрасные причалы, к которым приставали их суда, им не нравились

прекрасные виллы и тенистые улицы. И трижды ненавистны им были завораживающие слух гимны Атону, доносившиеся из храмовых залов, когда они спешили во дворец.

Живущие неторопливой размеренной жизнью горожане улыбались при виде чужеземцев, спешащих по улицам города-мечты, придворные чиновники не торопились передавать их письма, считая, что негоже беспокоиться из-за каких-то азиатов.

В конце концов эти политые кровью и слезами письма оказывались погребены в архивах и забыты всеми, кроме Эхнатона. Вместо победоносных маршей и грозного боя барабанов и рожков, которые надеялись услышать посланцы, в их ушах звучали только бесконечные песнопения религиозных церемоний и речитативные любовные песни неофициальных празднеств.

Пропахшие потом и поседевшие от дорожной пыли, эти люди, чья память еще хранила картины недавно виденных ужасов войны, а в сердцах еще тлела надежда сохранить единство империи, с презрением смотрели на роскошь новой египетской столицы, оставаясь безучастными к восторженным разговорам о цветах.

Худощавый и сутулый, с печальными глазами и вечно склоненной головой, фараон говорил только о своем боге. Даже сама его внешность, абсолютно чуждая всякой воинственности, должно быть, приводила посланцев в отчаяние.

Из давно покинутых ими осажденных городов до них долетали горестные крики о помощи, и они не могли ни превратить их в миротворческие речи, ни выстроить в стройную систему песнопений, так популярных при дворе, ни заставить их зазвучать серенадой. Кто, думали ожидающие приема посланцы, может остаться глух к горестному призыву: «Город плачет, и текут реки слез».

Как можно сидеть в праздности в столице, когда гордая империя, оплаченная кровью храбрых воинов великого Тутмоса, рушится на глазах? Чего стоит любая философия и все боги на небесах, если Египет теряет свои владения? Великолепные Ливанские горы, белые приморские города Аскалон и Ашдо, Тир, Сидон, Симира и Библ, холмы Иерусалима, Кадеш и великий Оронт, прекрасный Иордан, Тунип, Алеппо, далекий Евфрат. По сравнению с этим чего стоит верность учению? Бог? Правда? Единственным богом был бог войны который вел Египет к победам и помог ему завоевать Сирию; единственной правдой была правда сильного.

Всматриваясь в глубины прошедших тридцати двух столетий, можно ли сказать, кто был прав – фараон или его воины? На одной чаше весов лежала утонченная культура, построенная на культе всеобщей любви, смирении, молитвах, доброжелательности и мире. На другой – сила, власть, могущество, здоровье, отвага, храбрость и непримиримая борьба с врагами.

Конечно, нельзя не признать, что воззрения Эхнатона были более человечными и гуманными, но разве сердца наши не преисполнены сочувствия к тем, кто продолжал удерживать азиатские крепости? Мы можем одобрять в теории идеи юного правителя, но не в силах простить ему разрушение империи.

Однако в своих попытках добиться справедливости и найти «мальчика для битья» мы должны помнить, что над нами существует и другой судья, которому война отвратительна, а борьба народов отнюдь не кажется захватывающей драмой.

И тогда становится ясно, что ответ на вечные вопросы еще не найден.

Глава 7

ЗДОРОВЬЕ ЭХНАТОНА УХУДШАЕТСЯ

Возможно, чтобы произвести впечатление на посланцев, фараон организовал юбилейные празднества, о которых говорится в надписи на стеле, ныне хранящейся в Оксфорде. Праздник был посвящен тридцатой годовщине с момента объявления его наследником трона, самому Эхнатону тоже исполнилось тридцать лет, получается, что он был объявлен наследником в день своего рождения.

Кроме того, фараон понимал, в каком положении оказалась его страна, поэтому он постарался дипломатическими средствами умиротворить мятежных царей. Однако не похоже, чтобы царь полностью оценил масштабы той катастрофы, которой стала для Египта неизбежная теперь потеря Сирии.

Он не мог заставить себя поверить в то, что сирийские властители обманывают его, и уж никак не предполагал, что его дурачат такие люди, как Азиру. Только когда перестала поступать дань, он с большим опозданием понял, какая беда его постигла.

Подобные мысли, вероятно, привели фараона в полное отчаяние; можно представить, как он ежедневно падал ниц перед высоким алтарем Атона и мучился от бессонницы на своем царском ложе.

Похоже, что Эхнатон возлагал особые надежды на некоего Бикхуру, который представлял Египет в Палестине. Но вскоре царь получил известия о бегстве посланника и затем узнал, что Бикхура убит. Тогда же поступило сообщение, что Библ пал, и можно только надеяться, что благородный воин Рибадди не дожил до этого дня. Одно за другим поступали известия о капитуляции других важнейших египетских крепостей, и все еще приходили патетические просьбы о помощи из других городов, которые пока удавалось удерживать.

Эхнатону исполнилось тридцать, но казалось, все скорби мира лежат на его плечах. Его тело было немощным и дряблым, а лицо худым и озабоченным, возможно, в его глазах появилось то затравленное выражение, которое обычно свойственно тем, кто отягощен невзгодами.

Вероятно также, что он на самом деле страдал от разрушающей его болезни и не раз чувствовал себя на грани безумия. Его голова по ночам пылала от тягостных мыслей и пронзительного чувства вины за то, что он потерпел поражение.

Мольбы сирийцев о помощи смешивались в его мозгу с молитвами, обращенными к Атону. Сквозь пение хоров, восхваляющих сладость жизни, до него доносились голоса предков, призывавших его с Западных холмов оказать помощь верным союзникам. Разве он мог теперь находить утешение в созерцании деревьев и цветов? Разве он мог произносить «мир», когда глаза застилало багровое зарево?

Душевное состояние фараона и его поведение теперь не могли не вызывать беспокойства даже у тех вельмож, которые привыкли слепо следовать за своим повелителем. Неистовствуя в своем поклонении Атону, Эхнатон теперь повелел, чтобы и имена других богов претерпели ту же самую судьбу, что и имя Амона, и были стерты во всех надписях повсюду в стране.

Этот приказ так и не выполнили, но в храмах Карнака, Мединет-Абу и множестве других сохранились следы долота, с помощью которого стирались со стен имена Птаха, Хатхор и других божеств. Их сменили оскорбительные, обезличивающие надписи «боги».

Этих действий оказалось достаточно, чтобы провинции, где люди продолжали с любовью относиться к старым богам, взбунтовались. Стирание имени Амона, вообще говоря, было жестом, направленным против коллегии жрецов, и мало кого задевало, кроме жителей Фив.

Но преследование многочисленных жрецов всех других божеств всколыхнуло всю страну и нанесло удар по благополучию уже не одного, а сотен городов. Разве добродушный старый мастер Птах со своим молотом и долотом заслужил, чтобы его стерли в порошок? Нужно ли было сбрасывать с ее божественного престола красивейшую, грациозную Хатхор, Венеру Нила?

Разве следовало изгонять Хнума, гончара с головой козла, который жил в пещерах Катаракта, с Элефантина; таинственного шакала Упуата из сердец жителей Абидоса; или древнего крокодила Себека с кораблей и полей Омбоса?

В каждом городе был собственный бог, и каждому богу прислуживали свои жрецы; лишь в безумии фараон мог вступить в одиночку в борьбу с небесным легионом. Атон, которому он поклонялся, казался таким далеким, что большинство египтян вовсе не

воспринимали его. Атон не сидел с ними у домашнего очага, присматривая за кипящим котлом, не играл на сладкозвучной флейте в камышах и не преподносил прекрасных подарков новорожденным.

Где находилось то священное дерево, в ветвях которого его можно увидеть, или тот омут, в котором он купался? И где была та скала, у подножия которой можно было оставить в качестве дара кувшин с молоком?

Народ любил своих старых богов, понятных и близких ему. Но пребывавший в одиночестве бог еще более далекий, чем Иегова евреев, даже не скользящий по небу на облаке или на крыльях ветра, едва ли мог завоевать их симпатии.

Восход и закат были видимыми проявлениями божества, но читателю достаточно спросить любого современного египетского крестьянина о том, какие ощущения рождает в его сердце эти небесные феерии, чтобы понять, что величие небес ничего не значило для простых подданных Эхнатона, тем более что им не разрешали поклоняться самому пламенному диску.

Когда христианство начало овладевать сознанием таких же крестьян и представило им ту же идею любящего и далекого Бога, только благодаря возведению святых и дьявола, ангелов и сил тьмы в ранг полубогов удалось донести до людей смысл нового вероучения. Эхнатон же добивался, чтобы его учение приняли в чистом виде. Если бы христиане следовали его примеру, то оказалось бы, что для утверждения Господа следовало стереть все упоминания, скажем, о святом Георгии и прочих святых.

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ ЭХНАТОНА И ЕГО СМЕРТЬ

Несчастья, которые Эхнатон навлек на себя своими действиями, тревожили его сторонников и доставляли тайную радость тем представителям знати, которые видели в его свержении спасение Египта. Теперь Хоремхеб, главнокомандующий бездействующих армий, мог начать приготовления, чтобы ввести войска в Сирию и восстановить подорванный авторитет Египта. Тутанхатон, женатый на третьей дочери правителя, мог мечтать о том дне, когда он сам станет фараоном и вернет двор в прославленные Фивы.

Даже Мерира, верховный жрец Атона, похоже, собирался уехать из города Атона, где померкла слава Египта. Основанием для данного вывода служит тот факт, что он не использовал приготовленную здесь для него гробницу.

В описываемые нами последние дни жизни Эхнатона он с горечью замечал подобные проявления неискренности со стороны его близких друзей. Несмотря на все старания, Эхнатону так и не удалось привить им любовь к правде.

Царица не родила сына, который мог бы сменить Эхнатона на троне, и не было никого, кто мог бы исполнить его последнюю волю. Не приходится сомневаться в том, что многие из приближенных фараона по-прежнему любили его, но немногие верили в то, что его религия, столь разрушительно повлиявшая на состояние Египта, переживет своего создателя.

Находясь в отчаянном положении, Эхнатон обратил внимание на некоего вельможу, хотя, скорее всего, и не царственного происхождения. Его звали Сменхкара, но некоторые читают его имя как Саакара. Ничего не известно о его прежней жизни, но Эхнатон, судя по всему, доверял ему больше, чем другим придворным. Именно ему правитель отдал последние распоряжения.

Маленькую принцессу Меритатон, которой недавно исполнилось двенадцать, оторвали от детских игр и выдали замуж за этого Сменхкару, который стал благодаря этому законным наследником трона, ибо Меритатон была старшей дочерью и единственной наследницей фараона.

Сохранился небольшой портрет царицы, находящийся сейчас в Берлинском музее. Его обнаружили в Файюме, и, скорее всего, изображена именно Меритатон, поскольку неизвестная девушка совершенно не похожа ни на Тиу, ни на Нефертити. По манере

исполнения портрет относят к времени правления Эхнатона.

Сознавая, что его дни сочтены, Эхнатон назначил Сменкхару своим соправителем и таким образом смог познакомить подданных с их будущим царем. Позже, после смерти фараона, Сменкхара возьмет себе титул «возлюбленный Эхнатоном», тем самым указывая, что его притязания на трон основаны на последней воле Эхнатона, а не только на его брачном союзе с принцессой.

Но какой смысл решать вопросы престолонаследия, когда сам трон шатался? Эхнатон не мог предотвратить неизбежный крах, со всех сторон собирались силы, готовые сокрушить его. Интриги жрецов Амона принесли свои плоды. Над дворцом, как грозовое облако, витал гнев жрецов других богов Египта. Воины, готовые по первому приказу ворваться в Сирию, как в дни великого Тутмоса III, изнывали от безделья и с тревогой наблюдали за распадом империи.

Усталые посланцы из Азии, торопливо проходившие по улицам города, больше не несли во дворец просьбы правителей и военачальников, но объявляли о падении последних сирийских городов и пленении последних верных союзников Египта. Хетты вторглись в Сирию с севера, хапиру – с юга.

И повсюду в этом водовороте мелькала фигура коварного Азиру, чьи руки все еще были в крови Рибадди и многих других верных Египту царей. Наконец он сбросил маску, и той данью, которую обещал Египту, без сомнения, теперь умасливал победителей – хеттов, своих новых господ.

Поступление дани прекратилось, египетская казна опустела, поскольку в такой неразберихе невозможно было планомерно собирать налоги или разрабатывать золотые рудники. Много средств ушло на строительство города Атона, и теперь фараон не знал, как покрыть убытки. За несколько лет Египет превратился из мировой державы в мелкое государство, из самой богатой страны – в банкрота.

Можно представить, как выглядел Эхнатон в свои последние часы, – с отвисшей челюстью, с запавшими бегающими глазами. Он осознал, что все его начинания потерпели крах. Он принес в жертву своим принципам Сирию, но это жертвоприношение оказалось бессмысленным, поскольку его учение не укоренилось даже в Египте. Теперь фараон понял, что культ Атона не переживет его, поскольку мир не готов принять учение о божественной любви.

Даже в тот момент гимны Атону звучали в его ушах; гимны богу, который оставил его, врывались во дворец вместе с запахом цветов, и птицы, которых он любил, пели так же весело в роскошных садах, как они пели, когда вдохновляли фараона на создание его великой поэмы.

Но вокруг Эхнатона уже сгущалась тьма смерти. Наверное, самым ужасным была горечь поражения и понимание того, что ему не суждено остаться в памяти потомков.

Факты свидетельствуют, что Эхнатон умер практически одновременно с падением своей империи. Врачи установили, что причиной смерти был припадок. Но воображение дорисовывает эту картину, словно через века до нас смог долететь отчаянный предсмертный крик. Мы видим, как тело этого «прекрасного ребенка Атона» падает навзничь на разукрашенный дворцовый пол и лежит среди нарисованных на нем красных маков и изысканных бабочек.

Часть восьмая

КРУШЕНИЕ РЕЛИГИИ ЭХНАТОНА

С его смертью с арены истории исчезла самая замечательная личность, рожденная Древним Востоком... Вместе с ним покинул мир дух, неведомый прежде.

Брестед. История Египта

Глава 1 ПОХОРОНЫ ЭХНАТОНА

Тело Эхнатона набальзамировали в том городе, который он основал, и, пока бранные останки этого великого идеалиста проходили долгий процесс мумификации, новый фараон Сменхара попытался сохранить дух своего предшественника в новом царствовании. О его кратком правлении нам практически ничего не известно, но очевидно, ему так и не удалось продолжить дело Эхнатона, и период его царствования ознаменовался постепенным отказом от культа Атона.

Сменхара отсчитывал года своего правления с того дня, когда он стал соправителем вместе с Эхнатомом; о первом годе почти не сохранилось записей, хотя имеются многочисленные упоминания о втором годе царствования. Главные события, вероятно, произошли где-то на третьем месяце его самостоятельного правления, когда тело Эхнатона торжественно пронесли по улицам города, откуда процессия отправилась по пустыне к отдаленным горам, где для фараона была сооружена гробница.

В соответствии с обычаем мумию обернули бесчисленными полосками льна, на шею царя поместили ожерелье из золота, на лицо и грудь – золотое украшение в виде коршуна с распростертыми крыльями, символ божественного покровительства, оказываемого фараонам. Во многих погребениях фараонов этой династии на мумию помещали изображение коршуна, точно такие же украшения можно увидеть в гробницах Сеннефера, Хoremхеба и других царей, похороненных в Фивах.

Поразительно, что на тело Эхнатона, который испытывал такое отвращение ко всем старым обычаям, был возложен этот талисман. Судя по всему, его преемник отступил от строгих норм культа Атона. Как свидетельствуют рельефы и изображения, Эхнатон сохранил всего лишь несколько древних божественных символов – урей, сфинкса, сокола.

Но едва ли в их число попал коршун. Известно, что Эхнатон запретил употреблять иероглиф коршуна в надписях, о чем свидетельствуют надписи на усыпальнице царицы Тиу. Очевидно, это было сделано потому, что с помощью этого иероглифа писалось имя богини Мут, супруги Амона.

Однако положенный на мумию золотой коршун ничего общего не имел с Мут, равно как и с соответствующим иероглифом. Изначально он являлся символом духа – покровителя Верхнего Египта, как урей был символом Нижнего Египта.

Отметим также, что, согласно обычаю, над головой фараонов изображали парящего коршуна. Эхнатона никогда не изображали с этим символом, но, возможно, потому, что его заменили диск и лучи, символы Атона.

Следовательно, мы не можем утверждать, что во времена правления Эхнатона символ коршуна был запрещен, поскольку и урей, и сокол по-прежнему использовались. Вероятнее всего, золотое украшение положили на мумию Эхнатона по приказу его преемника. Но у нас нет оснований считать, что сам Эхнатон возражал бы против подобного знака.

Поверх льняных пелен на тело положили полоски из золотой фольги. Вероятно, они располагались вокруг плеч, посередине торса и над коленями. Там они соединялись с другими лентами, шедшими вдоль тела сзади и спереди. На этих лентах были выгравированы имя и титулы Эхнатона, таким образом они позволяли идентифицировать мумию.

Тело было завернуто в листы чистого золота, достаточно тонкие, чтобы они могли гнуться, затем его поместили в великолепный саркофаг, сделанный в форме лежащей фигуры, украшенный драгоценными камнями и цветным стеклом; лицо фигуры было вырезано из дерева и покрыто толстым листом золотой фольги.

На передней стенке саркофага имеется короткая надпись. В ней говорится: «Прекрасный принц, избранный Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, живущий праведно, владыкя двух земель, Эхнатон, прекрасный ребенок вечно живого Атона, чье имя переживет века».

Отметим одну любопытную деталь, связанную с этой надписью. Когда Эхнатон заказывал усыпальницу для своей матери, на двенадцатый год правления, он не использовал иероглиф, представляющий богиню Маат, когда писал слово «маат» («правда»).

Но этот иероглиф использован в надписи на его собственном саркофаге, что позволяет сделать вывод, что саркофаг был изготовлен за несколько лет до смерти фараона. Появление ранней формы титула Атона на ожерелье и на куске золотой фольги, найденной вместе с телом, указывает, что эти артефакты также создавались не в последние годы царствования.

На задней стенке написана короткая молитва; возможно, она была составлена самим фараоном, в ней он обращается к Атону.

Мумию фараона перенесли в гробницу и поместили там вместе с подобающими погребальными принадлежностями и теми подношениями, которые сочли необходимым здесь разместить. Рядом с саркофагом расставили четыре каноны – неперенный атрибут египетских погребений.

Пробка каждой каноны представляла собой искусно вырезанное изображение головы Эхнатона: мы видим традиционную мужскую прическу того времени и царский урей на лбу. По стилю эти изображения датируются ранним периодом правления фараона, можно предположить, что каноны сделали за несколько лет до смерти царя, чтобы они были наготове в тот момент, когда фараону придет время умереть. Все фараоны обустроивали свои гробницы еще при жизни, и похоронные принадлежности, видимо, также изготавливались заранее.

Глава 2

ДВОР ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ФИВЫ

В течение некоторого времени двор хранил верность памяти Атона. Право Сменкхары на трон признали, потому что он был «возлюбленным Атона» и мужем старшей из дочерей царя. Недавние раскопки, проведенные Египетским исследовательским обществом, показали, что в одном из небольших храмов, расположенном в городе, имя вдовы фараона Нефертити было стерто и заменено именем Меритатон, хотя имя Эхнатона никто не тронул.

Сказанное позволяет предположить, что после восшествия на трон Сменкхара в силу указанных выше причин постарался выдвинуть на первый план свою жену, дочь Эхнатона, оттеснив царицу Нефертити.

Мы не знаем, как прошли последние годы жизни Нефертити, но, поскольку нам ничего о ней не известно, можно предположить, что она умерла вскоре после своего супруга. Возможно, в ходе раскопок, проводимых Египетским исследовательским обществом, удастся что-нибудь обнаружить; вероятно, ее конец был очень печальным.

Спустя год после смерти Эхнатона умер или был смещен Сменкхара. Его сменил на троне другой вельможа, Тутанхатон, женатый на Анххсенпаатон, второй дочери Эхнатона, которой в то время было всего двенадцать лет. Меритатон в возрасте тринадцати лет стала вдовствующей царицей, а ее сестра сменила ее на троне.

К тому времени снова подняли головы жрецы Амона, что ускорило падение нового культа. Под их давлением Тутанхатон менее чем через год согласился покинуть город Атона и переехать со всем двором обратно в Фивы. Он не отказался полностью от культа Атона, но попытался занять нейтральную позицию, предоставив полную свободу и поклонникам Атона, и поклонникам Амона.

Похоже, что Хоремхеб, главнокомандующей бездействующей египетской армии, являлся одним из лидеров реакционного движения. Его не волновали религиозные вопросы, но именно ему удалось достучаться до каждого египтянина и побудить народ сплотиться перед лицом опасности, исходившей из Азии. Он не сомневался в возможности и законности войны и признавал исключительно принцип «кто силен, тот прав».

Был организован военный поход на север, который возглавил правящий фараон. Источники сообщают, что Хоремхеб был «соратником нашего повелителя на поле сражения».

в тот день битвы с азиатами».

Эхнатон мечтал о всеобщем мире, который и по сей день остается недостижимой мечтой человечества; Хоремхеб был человеком дела.

После победы новый фараон сменил имя Тутанхатона на имя Тутанхамон и под звуки военных маршей вернулся в Фивы. Отъезд двора из города Атона, похоже, напоминал бегство; можно только догадываться, какие события настолько повысили авторитет реакционной партии, что столица Эхнатона была практически брошена на произвол судьбы.

В ходе раскопок, проведенных Египетским исследовательским обществом, были обнаружены кости собак Эхнатона в царских конурах, похоже, что эти несчастные животные умерли голодной смертью после того, как придворные оставили дворец. В загонах «царской фермы» нашли останки мертвых быков, о которых некому было позаботиться.

Дворцы и роскошные виллы стали прибежищами шакалов и сов, а храмы частично разобрали, и их камень послужил материалом для других построек. Вскоре пески погребли под собой руины, и теперь археологи находят прекрасно сохранившиеся заброшенные дома и сады.

Однако, как бы сильно царствующий фараон ни отличался по своим взглядам от своего предшественника, он не мог допустить, чтобы мумия царя покоилась среди обломков его надежд. Кроме всего прочего, Эхнатон был тестем Тутанхамона, и только благодаря правам дочери фараона на трон ее муж оказался у власти. Многие бывшие сторонники Эхнатона чтили его память, поэтому никто не стал спорить, что следует увезти тело фараона из заброшенного города.

Саркофаг с мумией Эхнатона с почетом перенесли в Фивы вместе с четырьмя канопами и поместили в соответствующую его статусу гробницу, которой оказалась гробница царицы Тиу, специально открытая для этой цели.

Проводя свою политику, Тутанхамон восстановил храм Атона в Карнаке и в то же время попытался возместить ущерб, нанесенный жрецам Амона. В надписи, относящейся к его правлению, говорится, что он отстроил заново заброшенные храмы всех богов и богинь по всей стране и возобновил в них службы.

Художественный стиль времен царствования Тутанхамона представлял собой несколько измененный вариант того стиля, который сложился при Эхнатоне.

Однако Тутанхамон правил не настолько долго, чтобы обнаружить свою оригинальность, и спустя несколько лет он исчез со сцены.

После смерти Тутанхамона обсуждался вопрос о том, чтобы возвести на трон Хоремхеба, но нашелся другой претендент. Это был Аи – тесть Эхнатона, один из наиболее влиятельных сановников в городе Атона. Отец Нефертити оказался единственным оставшимся в живых мужчиной среди всей семьи Эхнатона.

Аи громче всех превозносил фараона и его доктрину, а также носил почетный титул «зятя правителя».

Вокруг религиозных вопросов в тот момент кипели страсти, поборники Амона и сторонники Атона по-прежнему боролись за власть, и похоже, что Аи сочли наиболее подходящей кандидатурой, как человека, который мог бы стать посредником между двумя группировками. Он был близким другом Эхнатона и терпимо относился ко всему, что было связано с новым культом. В то же время он не отвергал культ Амона, и, примиряя обе партии, он надеялся укрепиться на троне.

Однако его царствование оказалось недолгим, жрецы Амона возвращали себе доверие народа, преследовали почитателей Атона, поэтому авторитет Аи падал. Его взаимоотношения с Эхнатоном, о которых он, уже являясь царем, упоминал в своем картуше, теперь ставили ему в вину. Примерно через восемь лет после смерти Эхнатона Аи исчез со страниц истории, как и его предшественники.

Глава 3

ПРАВЛЕНИЕ ХОРЕМХЕБА

Теперь уже не возникало вопроса, кто станет новым фараоном. Все взоры были обращены на Хoremхеба, который уже обладал почти такой же властью, как и фараон. Главнокомандующий тотчас занял трон, и по всей стране прошли пышные торжества в его честь. В это время в Фивах еще была жива принцесса Несеммут, младшая сестра жены Эхнатона Нефертити, а также дочь Аи.

Возможно, Несеммут была замужем за каким-то вельможей, но к тому времени она овдовела, и ее назначили на пост «божественной супруги», то есть верховной жрицы Амона. Поскольку, скорее всего, она была самой младшей из сестер Нефертити, ей исполнилось шесть или семь лет, когда Нефертити выдали за Эхнатона. Следовательно, в момент его смерти Несеммут было двадцать три года или около того, а теперь уже около тридцати.

Именно на этой принцессе, дочери и наследнице последнего фараона Аи, жрице Амона, не связанной кровным родством с Эхнатомом (в силу этих порочащих связей ни одна из оставшихся в живых дочерей «вероотступника» не могла считаться подходящей кандидатурой), немедленно женился Хoremхеб, желавший хоть как-то узаконить свое вступление на престол.

К тому времени от культа Атона не осталось почти ничего. В гробнице, относящейся к третьему году правления Хoremхеба, встречаются слова «Ра, чье тело есть Атон», но, судя по всему, это последнее упоминание Атона, уступившего верховенство Амону-Ра.

Примерно в то же время некий Паатонемхеб, один из бывших приближенных Эхнатона, был назначен верховным жрецом Ра-Хорахти в Гелиополе, и, таким образом, религия Атона окончательно растворилась в том культе, от которого произошла.

По всему Египту возобновились службы в святилищах старых богов. Надписи говорят, что Хoremхеб «восстановил храмы повсюду от болот Дельты до Нубии. Он создал множество статуй... украшенных драгоценными камнями, повелев совершать перед ними ежедневные жертвоприношения. Все сосуды в храмах были сделаны из серебра и золота. Он назначил жрецов, и их помощников, и стражей. Он передал им земли и скот, снабдив их всем необходимым для жизни».

Совершая жертвоприношения забытым богам, Хoremхеб стремился вернуть Египту его прежнее могущество, твердой рукой он наводил в стране порядок, возвращая ее от фантастической утопии к добрым старым временам. Он был адептом здравого смысла.

Хoremхеб повел свои армии в Судан и вернулся, ведя с собой вереницу пленных царей, связанных веревкой. В отличие от Эхнатона Хoremхеб не отличался человеколюбием, и руки пленников были связаны так, чтобы причинить им боль.

Он ввел ряд строгих законов и управлял своим царством сурово, но справедливо. Узнав, что Сирия продолжает бунтовать, он собрал армию и так проучил смутьянов, что лишь через несколько лет после его смерти потребовалось предпринять новый военный поход в те земли, которые некогда потерял Эхнатон.

Глава 4

ЭХНАТОНА ПРЕДАЮТ ЗАБВЕНИЮ

Теперь жрецы Амона-Ра начали открыто поносить Эхнатона как вероотступника и негодяя: они восстанавливали имя своего бога в тех местах, где оно было стерто, и где только могли стирали имя и изображения Эхнатона. Наконец, они разобрали храм Атона в Карнаке и использовали каменные блоки для строительства пилонов в храме Амона-Ра.

Вскоре было решено, что мумия Эхнатона не должна покоиться в мире рядом с мумией Тиу в Долине царей. Поэтому гробницу снова вскрыли, во всех надписях стерли имя Эхнатон, а затем уничтожили изображения царя в настенных росписях. Мумию подняли из гроба, стерли надписи с ненавистным именем на золотых лентах, которые были пропущены под телом, вдоль спины и спереди. Затем тело вернули в саркофаг, с которого также стерли предварительно имя Эхнатона.

Может возникнуть вопрос, почему тело не разорвали на куски и не развеяли останки по ветру, если ненависть к фараону была столь велика. Однако египтяне испытывали особое уважение к телам умерших и считали святотатством уничтожать мумию, даже мумию вероотступника.

Кроме того, никому не пришло бы в голову разрушить тело того, на ком когда-то лежала царственная благодать, – это противоречило бы многовековым традициям. Стирание имени уже считалось достаточным наказанием, таким образом душе правителя отказывали в праве на молитвы его потомков. Он становился безымянным изгнанником, бродящим неузнанным и беспомощным по обширному подземному миру.

Только имя Эхнатон вызывало такую ненависть; возможно, жрецы согласились бы заменить его первоначальным именем царя – Аменхотеп, если бы их заставили сохранить имя фараона на мумии. Имя и изображение Аменхотепа IV не было стерто с памятников, но все изображения фараона после того, как он принял имя Эхнатон, были уничтожены.

После того как гробница была осквернена присутствием вероотступника, она уже не подходила для Тиу, поэтому мумия царицы была куда-то перенесена, скорее всего, в гробницу ее супруга Аменхотепа III. Усыпальницу, в которой лежала мумия, разобрали на части. Ее попытались перенести на новое место успокоения царицы, но задача оказалась слишком сложной, и куски усыпальницы так и остались лежать в погребальной камере.

Некоторые из принадлежавших царице погребальных принадлежностей, вероятно, просто забыли унести. В гробнице осталась только мумия Эхнатона. Саркофаг, в котором она находилась, покоился на погребальных носилках, возвышавшихся примерно на полметра над землей. В нише размещались четыре канопы с крышками.

Теперь, наконец, жрецы с проклятиями оставили своего врага в покое. Прежде чем выйти из темного обиталища смерти, один из них содрал золотую фольгу с маски на крышке саркофага и унес с собой, спрятав в складках своей одежды. Вход в гробницу заложили камнями и запечатали печатью некрополя. Со временем камни и песок скрыли все следы.

Жрецы не позволяли людям даже просто произносить имя Эхнатона, и к концу правления Хoremхеба в официальных документах его именовали не иначе как «тот преступник». Не прошло и сорока лет со смерти Эхнатона, как жрецы Амона вернули себе прежнее могущество.

Еще были живы старики, которые в юности успели познакомиться с религией Атона. Те, кто видел прекрасный город Атона, знали, что ныне обитатели пустыни заселили разрушенные дворцы, где еще когда-то жил грустный мальчик-фараон. Эти люди присоединили свои голоса к толпе жрецов, которые не осмеливались произносить имя Эхнатона, но извергали проклятия по адресу отлученного и безымянного «преступника».

Им казалось, что их проклятия преследуют призрак юноши даже в кромешной тьме царства мертвых. Бедную, стенающую тень преследовали и гнали с помощью магии те самые люди, которых он пытался изменить.

Стерев его на земле, жрецы стремились уничтожить ее и в подземном мире, не оставив несчастному даже камня, на который он мог бы преклонить голову. Нам трудно понять, что значило для египтянина такое отлучение души: лишенная утешения, которое даруют молитвы живущих, голодная, несчастная и совершенно одинокая, она вынуждена скулить на окраинах деревень, рыться в мусорных кучах, отыскивая остатки еды, чтобы утолить голод, поскольку ей не приносят погребальных подношений.

Такова была плачевная судьба, уготованная жрецами Амона тому, кто был «первой яркой личностью в истории» и стал изгоем среди изгоев, скулящей тенью в царстве теней. Люди стремились забыть великого идеалиста, обреченного, как они предполагали, ужасам жизни, которая никогда не закончится, страданиям смерти, в которой нет забвения.

Глава 5

ОБНАРУЖЕНИЕ МУМИИ ЭХНАТОНА

Шли столетия. Безымянное тело спокойно лежало в гробнице, в то время как волею судьбы Египет то возносился к вершинам славы, то падал в пучину безвестности. Появился еще более великий учитель, чем Эхнатон, который проповедовал идеи любви и мира, некогда открывшиеся фараону, и вскоре в Египте зазвучал колокол новой веры. Затем с Мухаммедом в Египет вернулась религия войны. Проходили годы, рождались и умирали мудрые мужи, но первый из мудрых людей, явившихся в истории, покоился в безвестности в сердце фиванских гор.

Так случилось, что скала, где была выбита гробница, треснула, и во время дождя вода попадала в погребальную камеру. Опоры погребальных носилок в изголовье саркофага подгнили и подломились, саркофаг наклонился, и крышка его сдвинулась. Обвязывавшие мумию бинты уже обратились в прах, в результате падения лежавший на лице царя или на его груди золотой коршун сполз на его лоб.

Потом и две другие ножки похоронных носилок сломались, саркофаг упал, крышка еще больше сместилась, так что голова мумии и ее ноги оказались открыты.

В январе 1907 года начались раскопки в Долине царей, которые возглавил мистер Теодор Дэвис из Ньюпорта на Род-Айленде (США), в качестве представителя египетского правительства их курировал автор этих строк. Тогда удалось обнаружить вход в гробницу, и вскоре в нем пробили отверстие. Узкая лестница, ведущая в недра горы, вывела археологов к началу туннеля, перегороженного стеной, которую воздвигли жрецы после того, как они входили в гробницу, чтобы стереть повсюду имя Эхнатона.

За стеной был обнаружен проход, почти доверху забитый остатками трех ранее выстроенных стен, первая из них была построена после похорон царицы Тиу, вторую возвели посланцы Эхнатона, когда мумию со склона положили рядом с мумией его матери.

На вершине этой мусорной кучи лежала часть усыпальницы Тиу, брошенная жрецами после безуспешной попытки унести ее вместе с мумией. В погребальной камере, расположенной внизу, валялись другие обломки этой усыпальницы.

На них можно было увидеть фигуры Эхнатона и его матери, молящихся под лучами Атона. В надписях поверх стертого имени Аменхотепа красными чернилами было начертано второе имя фараона – Небмаара. На статуэтках и в росписях стерты имя и изображения Эхнатона.

У стены располагался саркофаг Эхнатона, упавший с погребальных носилок. С саркофага постарались стереть имя фараона, но его все же можно было прочесть, сохранились и золотые ленты, опоясывавшие тело сзади и спереди, с них также стирали надписи.

Мы уже описывали золотого коршуна и его местоположение, на груди мумии лежало сохранившееся ожерелье, само тело усопшего было обернуто листами золота. Рядом с саркофагом стояли закрытые каноны, в другом углу камеры археологи обнаружили туалетные принадлежности Тиу, с которых также было стерто имя Аменхотепа.

Поскольку саркофаг подгнил, при его транспортировке требовалась особая осторожность. Только по прошествии нескольких месяцев саркофаг был собран и занял свое место в экспозиции Каирского музея. Теперь стала видна надпись, выгравированная на задней стенке саркофага. Оказалось, что это короткая молитва, обращение фараона к его богу. Вероятно, ее составил сам Эхнатон в виде своеобразной эпитафии, поскольку имеются очевидные доказательства того, что она выгравирована позже, чем прочие надписи.

Ниже впервые приводится перевод, сделанный доктором Аланом Гардинером:

«Я пью сладкое дыхание, которое исходит из твоих уст. Я ежедневно лицезрею твою красоту.

Да смогу я слышать твой мелодичный голос даже при северном ветре, да оживятся мои члены твоей любовью. Дай мне руки твои, чтобы удержать дух твой, чтобы мог я принять его и жить им. Назови имя мое в вечности, и о нем никогда не забудут».

Нет никакой надобности говорить о том особом пафосе, с которым юный царь обращается к богу, во имя которого он потерял все. Очевидно, что и в конце его жизненного

пути, когда несчастья обрушились на него со всех сторон, его вера оставалась незыблемой и, находясь на пороге телесной смерти, он по-прежнему верил в бесконечную жизнь духа, в которой он мог пройти сквозь вечность и служить далее своему Создателю с неиссякаемой любовью и преданностью.

Разложившаяся мумия, от которой сохранились только отдельные кости, была отправлена автором настоящих строк в Каирский музей, исследована профессором Эллиотом Смитом, который сообщил, что эти останки принадлежат человеку, которому было не более тридцати лет. Иначе говоря, оказалось, что это тот самый возраст, в котором, как уже говорилось выше, умер Эхнатон. Неправильной формы череп, без сомнения, принадлежал человеку, который страдал от эпилептических припадков и, вероятно, был склонен к галлюцинациям. Любопытно, что череп подобного типа Ломброзо считал характерной особенностью всех религиозных реформаторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, человечеству была явлена одна из самых выдающихся личностей в истории Древнего Востока, и здесь мы закончим краткий очерк его жизни. В этой книге мы смогли лишь в самых общих чертах описать деяния и характер Эхнатона, какими открывают их нам сохранившиеся надписи и памятники.

Но надеюсь, даже самый придирчивый читатель смог убедиться, что перед нами личность удивительной жизненной силы и поразительной оригинальности, и, конечно, она заслуживает более пристального изучения. В то время, когда во всем мире господствовали суеверия, в той стране, где была создана сложнейшая и самая развитая политеистическая религия, Эхнатон создал монотеистическое учение, которое по своей чистоте уступает лишь христианству.

Он стал первым, кто правильно понял природу божественного. В эпоху непрекращающихся войн он выступил с первой в истории человечества проповедью мира; и, пока сердца его подданных прельщались блеском военных побед и величия, он намеренно отвернулся от всего героического.

Эхнатон со своего трона проповедовал простоту, честность и искренность. Он стал первым гуманным фараоном и первым человеком, в сердце которого не было места варварству. Три тысячи лет назад он подал нам пример, которому можно следовать и сегодня, пример того, каким должен быть муж и отец и просто честный человек. Он показал нам, как должен чувствовать поэт, чему должен учить учитель, чего следует добиваться художнику, во что верить ученому и о чем думать философу.

Как и другие великие учителя, он принес все в жертву своим принципам; и его собственная судьба доказывает, к сожалению, непрактичность его учения, однако нет никакого сомнения в том, что его идеалы будут жить «до тех пор, пока лебедь не станет черным, а ворон – белым, пока горы не сойдут с места и воды не обрушатся в бездну».

Будем надеяться, что раскопки, которые проводит Египетское исследовательское общество на месте города Эхнатона, пополнят наши знания об этой удивительной эпохе. И когда-нибудь кто-нибудь сможет точнее и подробнее рассказать ту историю, которую мы изложили на этих страницах.